

MILITARIA ANTICUA

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

АРЕНА И КРОВЬ

РИМСКИЕ
ГЛАДИАТОРЫ
МЕЖДУ
ЖИЗНЬЮ И
СМЕРТЬЮ

**MILITARIA
ANTIQUA**

XIII

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2003 ГОДУ

ИДЕЯ СЕРИИ:

О. И. ТРОФИМОВА, В. П. НИКОНОРОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**А. Н. КИРПИЧНИКОВ. Б. А. ЛИТВИНСКИЙ.
В. П. НИКОНОРОВ (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР),
Ю. С. ХУДЯКОВ**

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

**АРЕНА И КРОВЬ:
РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009**

УДК 355.48
ББК Ц35(0)323.4

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *В. П. Никоноров*

В. А. Горончаровский. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. — 256 с. (Серия «Militaria Antiqua», XIII).

Книга представляет собой всестороннее исследование такого явления древнеримской цивилизации, как гладиаторские игры. На основе широкого круга письменных, эпиграфических и археологических источников автор рассматривает вопросы происхождения гладиаторских игр и связанных с ними сооружений, их профессиональной организации, подготовки и вооружения гладиаторов, а также участие гладиаторов в военно-политических событиях I в. до н. э.—IV в. н. э., в частности восстание Спартака. Впервые в отечественной историографии детально рассматриваются и анализируются изобразительные материалы, касающиеся проведения гладиаторских игр на территории Боспорского царства, и их специфика в сравнении с традиционными формами таких зрелищ в Римской империи.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся военным делом античного мира.

ISBN 978-5-85803-393-6

© В. А. Горончаровский, 2009

© «Петербургское Востоковедение», 2009

Зарегистрированная торговая марка

ВВЕДЕНИЕ

Гладиаторы и проводившиеся с их участием игры давно стали неотъемлемой частью расхожих представлений о древнеримской цивилизации. В массовом сознании благодаря многочисленным фильмам и книгам это вполне определенный образ участников кровавых представлений, регулярно проводившихся на потеху толпе. Формирование его в России началось около двухсот лет назад, когда стали широко известными находки в Помпеях предметов вооружения гладиаторов, зримым воплощением которых для многих знатоков искусства древности стала найденная еще в 1622 г. в Риме статуя так называемого «Умиряющего гладиатора» (рис. 1)¹. Именно эта скульптура, представляющая смертельно раненного воина, вдохновила М. Ю. Лермонтова на создание одноименного стихотворения:

¹ Впрочем, как выяснилось позднее, статуя оказалась римской копией творения одного из греческих мастеров, работавших в конце III в. до н. э. в Пергаме, столице эллинистического царства, занимавшего западную часть Малой Азии, и изображала вовсе не гладиатора, а побежденного варвара-галата.

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена,
А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор,
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?

Тогда же появилось первое научное исследование на русском языке, посвященное гладиаторам, — «Опыт о костюме и оружии гладиаторов в сравнении греческого и римского ратников. Письмо к безымянному любителю о сочинении под названием *Real Museo Borbonico*» (СПб., 1835)². Оно принадлежало перу А. Н. Оленина (1764—1843), президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, «тысячеискусника», как называл его Александр I. Надо отдать должное этому весьма эрудированному человеку: проведя тщательный историко-археологический анализ, он вполне справедливо упрекал отдельных итальянских ученых за некритичное отношение к устаревшей атрибуции «Умирающего гладиатора» и попытку приписать гладиаторский шлем с изображением головы горгоны Медузы с двумя дельфинами воину-моряку. А. Н. Оленин обратил особое внимание на роль такой детали шлема, как забрало, и сделал обоснованные выводы относительно состава вооружения — трезубец, кинжал и сеть — выступавшего без щита и шлема гладиатора, именовавшегося ретиарием.

² Переиздано в кн.: *Оленин А. Н. Археологические труды*. Т. 2. С. 1—99.

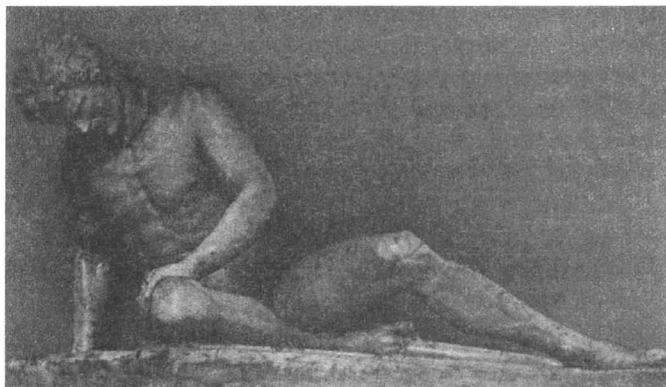

Рис. 1. «Умиравший гладиатор».
Римская копия с оригинала конца III в. до н. э.

Неуклонному росту популярности образов гладиаторов в Европе способствовало появление в 1834 г. произведения английского романиста Э. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи», куда он ввел сцены в амфитеатре, а со второй половины XIX в.— творчество художников-помпьеристов. Таким названием последователи этого направления в европейской живописи обязаны своей любви к сюжетам, где гладиаторские шлемы блистали подобно пожарным каскам более поздних времен, из-за чего их и стали в шутку называть «пожарниками». Безусловным лидером помпьеристов был Жан-Леон Жером (1824—1904), стремившийся на своих полотнах детально воссоздать атмосферу зрелищ Древнего Рима. Его произведения порой напоминают кадры из масштабных исторических кинофильмов: «Здравствуй Цезарь! Идущие на

смерть приветствуют тебя!»; «Повернутые пальцы»; «Большой цирк»; «Мирмиллон»; «Ретиарий»; «Выход хищников на арену»; «Последняя молитва христианских мучеников». В России художественным исканием помпьеристов во многом было созвучно творчество двух живописцев польского происхождения, увлекавшихся античными сюжетами, — Генрика Семирадского (1843—1902) и Степана Бакаловича (1857—1947). Первый из этих выпускников петербургской Академии художеств под впечатлением известного романа «Камо грядеши?» Генрика Сенкевича (1846—1916) создал огромное полотно под названием «Христианская Дирцея в цирке Нерона» (1898, Национальный музей в Варшаве), второй — хранящуюся в Русском музее картину «Гладиаторы перед выходом на арену» (1891).

Широкий интерес отечественной публики к римским гладиаторам вспыхнул после публикации в журнале «Дело» (1880—1881) первого перевода на русский язык романа «Спартак» Рафаэлло Джованьоли, принимавшего непосредственное участие в борьбе за объединение Италии. Этот перевод, выполненный профессиональным революционером С. М. Степняком-Кравчинским, в немалой мере способствовал формированию в России романтических представлений о гладиаторах и их вожде, поднявшем на восстание против могущественного Рима тысячи рабов.

В наши дни редко кто перечитывает литературное творение Р. Джованьоли. Скорее с величественной фигурой Спартака и его сподвижников сталкиваются посетители балета, созданного на музыку Арама Хачатуряна и с 1956 г. ставшего частым гостем на лучших

сценах мира. Остался в прошлом и нашумевший когда-то широкоформатный фильм «Спартак» (1960), поставленный американским режиссером Стенли Кубриком. «Спартак» стал одной из немногих американских кинолент, оказавшихся тогда в советском кинопрокате, чему способствовали сама тема, связанная с идеей борьбы против общества угнетателей, и использование в качестве сценарной основы романа писателя-коммуниста Г. Фаста. В любом случае, благодаря этому наши зрители смогли увидеть впечатляющие сцены жизни гладиаторов и их выступления на арене.

У современной молодежи больший отклик нашла история ставшего гладиатором полководца Максима, представленная на экране английским режиссером Ридли Скоттом. Его фильм «Гладиатор» сделал огромные кассовые сборы, составившие около 457 млн. долларов, и заслуженно получил пять премий «Оскар». Фильм действительно впечатляет хорошо подобранным актерским составом и масштабными съемками батальных сцен, но, к сожалению, историю по нему изучать нельзя. Приведем хотя бы несколько примеров. Император Марк Аврелий на самом деле умер от чумы недалеко от германской границы в городе Виндобона (совр. Вена), а вовсе не погиб от руки своего сына Коммода. Став повелителем огромной державы, тот в действительности правил не несколько месяцев, а 12 лет, да и умер не на арене амфитеатра, а гораздо прозаичнее. Противоречит истине и отсутствие какой-либо специализации в отношении профессионалов, выступавших на арене: главный герой сражается то

со своими братьями по оружию, то с женщинами-гладиатрисами, то с тигром.

В предлагаемой вниманию читателя книге мы попытаемся с высоты современного уровня наших знаний о зрелищной стороне древнеримской цивилизации ответить на вопросы о том, как велась подготовка гладиаторских игр, какими на самом деле были «люди меча», сражавшиеся и умиравшие во всех концах необъятного Римского государства, какое оружие ими использовалось, и какую роль сыграли гладиаторы в политических событиях римской истории.

У ИСТОКОВ ГЛАДИАТОРСКИХ ИГР

Прежде чем перейти к истории появления в Древнем Риме гладиаторских игр (лат. *ludi gladiatorii*), попробуем разобраться с термином «гладиатор». По латыни *gladius* — это меч, соответственно, гладиатор — человек, вооруженный мечом, но в данном случае имелись в виду те, кто вступали в поединки, нередко со смертельным исходом, перед зрителями. Сражения, в которых принимали участие гладиаторы, первоначально воспринимались как долг (*munus*) живого по отношению к умершему и обозначались тем же словом. До недавнего времени аксиомой любого исследования, посвященного гладиаторским боям, было утверждение об их заимствовании из этрусского погребального обряда. В основе этого заблуждения лежит высказывание раннехристианского писателя Тертуллиана (ок. 150—230 н. э.) из его сочинения «О зрелищах», которое гласит, что римляне переняли гладиаторские игры у этрусов, заменивших ими человеческие жертвоприношения в память об умершем (Tertul. *De spect.* 5. 6). Вскользь, цитируя историка Николая Дамасского (64 г. до н. э.—нач. I в. н. э.), о

влиянии этрусков на гладиаторские бои у римлян упоминает и такой известный автор, как Афиней, живший на рубеже II и III вв. (Athen. IV. 153). Однако ни на фресках этрусских гробниц, ни в росписи ваз, ни в произведениях мелкой пластики мы не встретим ничего, что могло бы надежно подтвердить эту точку зрения. Отмечен только обычай представителей этого народа приносить в жертву пленников на похоронах лучших воинов, павших в бою. Например, известно, что в 357 г. до н. э. жители города Тарквинии принесли в жертву душам погибших 307 пленных римских воинов (Liv. VII. 15. 11). Они верили, что приношение свежей крови придает покойному силы для вступления в загробную жизнь.

Сейчас есть все основания полагать, что идея проведения смертельных поединков во время погребальных игр зародилась не к северу от Рима, на земле Этрурии, а к югу от него, в области Кампания, по соседству с территорией воинственного племени самнитов¹. Судя по всему, именно там обычай приносить в жертву людей во время погребальных обрядов был заменен боями между обреченными на смерть пленниками или рабами. В сообщении Тита Ливия о решительной победе, которую римляне одержали над самнитами в 308 г. до н. э., отмечается, что они ограничились использованием трофейного вражеского оружия для украшения своего форума, тогда как их союзники-кампанцы «обрядили в эти доспехи гладиаторов, дававших представления на пиршествах, и

¹ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 33; *Носов К. С.* Гладиаторы. С. 11.

прозвали их „самнитами“» (Liv. IX. 40. 17). Отсюда вполне логично следует вывод о том, что гладиаторы к тому времени уже были хорошо известны в этой области Италии. Скорее всего, и римляне и этруски почерпнули свои первые впечатления о них из одного источника. Возможно, отражением этого знакомства стало название самого распространенного в республиканский период истории Рима типа гладиаторского вооружения — самнит. На первенство Кампании в отношении развития гладиаторских игр указывает и наличие здесь остатков самых ранних специальных сооружений для их проведения.

Изначально кровавые поединки проводились в Риме как похоронный ритуал-искупление, назначением которого было — умиловить душу умершего. По этому поводу Тертуллиан писал, что «умерщвляемые таким способом считались жертвой, приносимой в честь умерших родственников» (Tertul. De spect. 12. 2). Такая традиция впервые появилась в Риме в 264 г. до н. э., когда Марк и Децим Бруты устроили на Бычьем форуме бои гладиаторов (рис. 2) в память о своем отце, одном из самых богатых и уважаемых людей в городе (Liv. Ep. 16; Val. Max. II. 4. 7). В своем завещании покойный оставил сыновьям большую сумму денег на оплату погребальной церемонии и покупку шести рабов, которые должны были сражаться парами. Поединки этих, как тогда говорили, бустуариев (от лат. *bustum* 'погребальный костер') провели предположительно на девятый день после кончины умершего, когда завершились все религиозные церемонии, относящиеся к погребению. Выбор места, изначально лишнего какого-либо монумента,

Рис. 2. Гладиаторские игры на Бычьем форуме в Риме
(по: Тарновский 1998)

тального величия, был не случайным. Во-первых, это открытое прямоугольное пространство, занятое обычно стойлами для скота, легко можно было расчистить. Во-вторых, расположенные вокруг рынка торговые лавки и храмы обеспечивали удобными сидячими и стоячими местами людей, пришедших посмотреть на захватывающий бой. Можно представить себе, как

предприимчивые владельцы лавок за определенную сумму громко предлагали зрителям места возле окон на верхних этажах своих заведений, а толпа граждан медленно размещалась по боковым сторонам площади или на ступенях храмов. Что касается самих участников вооруженных схваток, то сначала их экипировка, видимо, основывалась на принципе «кто во что горазд», и лишь со временем начали искать способы увеличить продолжительность поединков и сделать их более захватывающими.

В то время проведение погребальных игр преследовало несколько целей. Прежде всего, завещание покойного должно было тщательно выполняться, вплоть до мельчайших деталей, дабы его душа могла спокойно перейти в царство мертвых. В противном случае призрак умершего человека мог вернуться и обрушить кару на головы наследников, осмелившихся не выполнить свой священный долг. Другой целью было желание продемонстрировать обществу значительность умершего и его семьи. Люди, которые устраивали роскошные похороны своим родственникам, могли быть уверены, что сограждане отметят их богатство и высокое положение. Это помогало им добиваться определенных успехов в политике и торговле.

Схватка, в которой приняли участие три пары воинов, показалась столь необычной и захватывающей, что была увековечена в городских анналах. Полвека спустя, в 216 г. до н. э., погребальные игры, данные в память дважды консула Марка Эмилия Лепида тремя его сыновьями, продолжались уже три дня, и на них выступили двадцать две пары гладиаторов (Liv. XXIII. 30. 15). С этого времени местом проведе-

ния гладиаторских боев становится Форум Романум — главная площадь, являвшаяся центром политической и культурной жизни города. Чтобы как можно больше людей могли увидеть происходящее, огромное пространство, на которое выходили почитаемые всеми храмы Сатурна, Согласия, Кастора и Поллукса, застраивалось по периметру временными деревянными трибунами, правда, максимальное количество мест на них не превышало восьми тысяч.

Скоро римляне настолько привыкли к играм, что могли почтить ими умерших, даже находясь далеко от дома, в период военных действий. Так, в 206 г. до н. э. полководец Сципион (впоследствии прозванный Африканским) в память об отце и дяде, погибших от рук карфагенян во Второй Пунической войне, организовал в Испании серию поединков, в которых приняли участие местные жители. Как писал Тит Ливий, это были «не купленные на рынке рабы и не те свободные, что торгуют своей кровью. Вступали в поединок по доброй воле, и платы здесь не полагалось. Одних послали царьки — явить пример доблести, присущей их племени; другие вызвались сами из расположения к вождю; третьих ревность или противоборство побуждали вызвать соперника или не отказаться от вызова. Те, кто не мог или не хотел мирно покончить спорное дело, уговаривались решить его мечом: победитель получит то, о чем спорили... После гладиаторских поединков даны были погребальные игры, какие можно было дать на деньги провинции и с лагерным оснащением» (Liv. XXVIII. 21. 1—10).

По-видимому, влияние римских традиций сказалось в распространении обычая проведения гладиато-

торских боев у соседних народов. В 218 г. до н. э. в Северной Италии у реки Тицин Ганнибал решил показать своим воинам зрелище, которое должно было воодушевить их перед битвой с римлянами. Он дал войску команду построиться кругом, «вывел на арену связанных пленников из горцев, приказал бросить им под ноги галльское оружие и спросил их через толмача, кто из них согласится, если его освободят от оков, сразиться с оружием в руках, с тем чтобы в случае победы получить доспехи и коня... Когда несколько пар таким образом сразились, Ганнибал, убедившись в благоприятном настроении войска, прекратил зрелище» (Liv. XXI. 42. 1—4; 43. 1).

В Сирии гладиаторские игры начал устраивать царь Антиох IV Эпифан, долгое время живший заложником в Италии. Вернувшись на родину в 175 г. до н. э. и захватив царский трон, он поначалу стал выписывать уже обученных бойцов из Рима, а потом организовал их подготовку прямо в своей столице Антиохии. В итоге «...сперва скорее к ужасу, чем к наслаждению непривычных зрителей, но потом частым повторением (и не только с ранениями, но и без пощады) добился того, что это зрелище стало привычным и приятным и многих юношей приохотило к военному делу» (Liv. XLI. 20. 11—13). Еще один пример связан с Вириатом, предводителем восстания племени лузитан, жившего на территории современной Португалии, против власти Рима. После гибели вождя в 139 г. до н. э., как пишет Аппиан, у крупнейшего погребального костра воины пели песни, прославляющие его подвиги, а затем, совершив погребение и насыпав могильный холм, устроили у могилы гладиаторские бои (App. Iber. VI. 72).

Постепенно практика устройства гладиаторских боев стала привычной для знатных римлян. Обычно инструкции, касающиеся организации похорон, заранее включались в завещание. Правда, иногда они могли выглядеть несколько экстравагантно — как, например, пожелание, чтобы на погребальных играх сражались красивые девушки или мальчики из числа рабов (Athen. IV. 153), — и ставили наследников в затруднительное положение. В отдельных случаях завещания предусматривали повторение гладиаторских боев и после погребения. Так, в надписи из римского порта Остия указывалось, что в честь некой Эмилии Агриппины они должны были проводиться ежегодно.

С течением времени захватывающие зрелища получили распространение по всей Италии, при этом количество их участников постепенно увеличивалось: в 200 г. до н. э. на похоронах Марка Валерия Левина сражались двадцать пять пар гладиаторов, а на играх 183 г. до н. э., посвященных памяти верховного понтифика Публия Лициния Красса, бились уже шестьдесят пар в течение трех дней с раздачей бесплатного угощения для всех желающих (Liv. XXXIX. 46. 2). Девять лет спустя Тит Фламинин после смерти отца, прославленного и победоносного полководца, «освободившего» Грецию из-под власти Македонии, согласно завещанию, на протяжении трех дней выставил перед народом тридцать семь пар гладиаторов. Это внесло изменения в привычный ход гладиаторских боев. Впервые они возобладали над пиршеством, которому отвели всего один день, к тому же их провели не во время похорон, а в декабре на праздновании Сатурналий, когда все население Рима не рабо-

тало и могло наслаждаться представлением. Такое зрелище, сопровождаемое пиром для всех желающих, считалось по тем временам высшим проявлением щедрости (Liv. XLI. 28. 11). Конечно, это только «вершина айсберга», поскольку несколько раз в году устраивались и более скромные гладиаторские сражения. В любом случае, по популярности они не имели себе равных. Римский драматург Теренций в прологе к своей великолепной комедии «Свекровь» вспоминал, как на ее первом представлении (164 до н. э.) в середине спектакля прошел слух, что с минуты на минуту «будут гладиаторы», и театр сразу опустел. «Народ полетел, крича, толкаясь, дерясь за места», и скоро там не осталось ни одного зрителя². Именно в этот период слово «гладиатор» широко входит в лексикон римлян, поскольку основным оружием участников погребальных поединков становится использовавшийся римской пехотой гладиус — короткий тяжелый меч с широким клинком и очень острым концом, служивший для нанесения главным образом колющих ударов в ближнем бою. Средствами защиты тогда, скорее всего, были только щит и шлем, ведь, по крайней мере, официальной целью игр по-прежнему оставались человеческие жертвоприношения в честь умершего, поэтому нужно было, чтобы раны несли смерть, а не просто увечье.

Постепенно в практику публичных зрелищ входят сочетавшиеся с гладиаторскими боями травли зверей, что связано с изменением отношения к охоте в повседневной жизни: ее начинают рассматривать не как

² *Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме. С. 215—216.*

необходимость, а как вид развлечения. Первая «охота» на «зубастых хищников» — львов, тигров и леопардов, а также стравливание их с медведями, быками и дикими вепрями состоялись в 186 г. до н. э. Согласно Титу Ливию, по размаху это представление почти не уступало устраиваемым в его время, т. е. двести лет спустя (Liv. XXXIX. 22. 2). Новое зрелище быстро обрело массу поклонников среди римлян, так что сенат, попытавшийся в 170 г. до н. э. не допустить ввоз животных с территории своего давнего врага Карфагена, вскоре был вынужден снять свой запрет. Уже на следующий год благодаря щедрости Сципиона Назики и Корнелия Лентула на арене сражались 63 африканских зверя, 40 медведей и даже слоны (Liv. XLIV. 18. 8). Конечно, быков, медведей и кабанов можно было добыть и не выезжая за пределы Италии, в таких областях, как Лукания или Апулия. Поимкой прочих диких животных было занято множество людей в провинциях, где со временем отлов достиг таких масштабов, что в результате полностью исчезли балканские львы и ближневосточные гепарды.

Самую низшую ступень среди участников звериной травли занимали бестиарии (от лат. *bestia* 'зверь'). С помощью кусков ярко окрашенной ткани или кнутов и факелов они дразнили животных, подготавливая появление на арене сражавшихся с ними «охотников» (венаторов)³. Соответственно, любые подобные представления в амфитеатре или цирке стали называть «венацио». Участие в них считалось недоста-

³ *Junkelmann M. Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre. P. 71; Носов К. С. Указ. соч. С. 27.*

точно престижным, что в первую очередь отражалось на оплате. В дальнейшем нас будет больше интересовать тот аспект венацио, который связан с использованием оружия, хотя оно могло включать и показ экзотических зверей, трюки с дрессированными животными, схватки между крупными и сильными хищниками, а также терзание ими безоружных преступников. Идеей использования зверей в качестве «палачей» римляне были обязаны полководцу Луцию Эмилию Павлу, разгромившему армию македонского царя Персея. Он первым додумался в 167 г. до н. э. обречь на публичное растерзание дикими зверями (*damnatio ad bestias*) перебежчиков и дезертиров. Тогда обреченные на смерть были растоптаны слонами. Спустя двадцать один год очередная партия дезертиров была отдана на растерзание «зубастым хищникам» по случаю окончательной победы Сципиона Эмилиана над Карфагеном. Скоро такие приговоры стали привычными также в отношении военнопленных и заурядных преступников. Нужны были все новые и новые жертвы, способные взбудоражить чувства зрителей. На известной мозаике из раскопок римской виллы в ливийском городе Злитене мы можем видеть, как это происходило: сопротивляющихся людей подгоняют к зверям кнутом, одна пантера уже впилась в тело жертвы и кровь льется ручьем, рядом другие связанные люди и озлобленные звери (рис. 3)⁴. Фантазия организаторов зрелищ, конечно, была гораздо богаче: осужденных могли бросить в клетку с хищниками,

⁴ Сидорова Н. А., Чубова А. П. Искусство Римской Африки. С. 196—199.

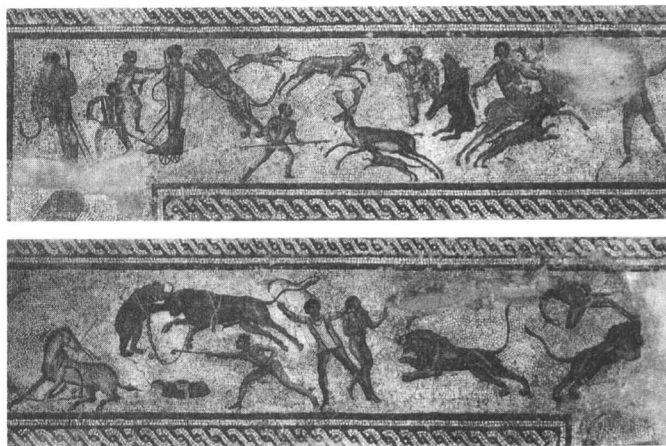

Рис. 3. Мозаика из Злитена (Ливия) со сценами венацио и казней на арене

привязать к спине быка и т. д. Таким образом, к концу II в. до н. э. в Риме сформировались три классических элемента игр — травля хищных и других животных, отдача приговоренных к смерти на растерзание диким зверям и гладиаторские бои, — слившиеся в дальнейшем в единое представление, продолжавшееся целый день.

Распространенное мнение о том, что со 105 г. до н. э. гладиаторские игры стали проводиться за государственный счет⁵, не имеет под собой никаких оснований⁶. Тогда, в период опасности, нависшей над Ри-

⁵ Сергеевко М. Е. Простые люди древней Италии. С. 94; Тарновский В. Гладиаторы. С. 13.

⁶ Носов К. С. Указ. соч. С. 13.

мом после поражения двух консульских армий в Южной Галлии при столкновении с германскими племенами кимвров и тевтонов, было принято решение лишь о том, чтобы привлечь лучших мастеров знаменитой гладиаторской школы в Капуе к обучению граждан военному делу. Валерий Максим, римский автор первой половины I в., писал об этом так: «Мастерство владения оружием обеспечил воинам консул Публий Рутилий, коллега Гнея Манлия. В отличие от всех предшествующих военачальников, он призвал в войска инструкторов из гладиаторской школы Гая Аврелия Скавра, чтобы те внедрили в легионах более изощренную технику нанесения ударов и уклонения от них» (Val. Max. III. 3. 2). Впрочем, в связи с этим событием стоит отметить, что именно тогда начинается отход от религиозных соображений при организации гладиаторских боев.

НАСЛАЖДЕНИЕ ДОБЛЕСТЬЮ И СМЕРТЬЮ: ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАДИАТОРСКИХ ИГР КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННЫХ ЗРЕЛИЩ

В последние десятилетия существования Римской республики звериные травли и гладиаторские бои стали верным средством обойти политических соперников, приобрести расположение народа и обеспечить себе голоса на выборах, короче говоря, превратились в мощный инструмент воздействия на массы. Оратор Цицерон, прекрасно сознававший значение игр для политиков, желавших продемонстрировать всем свою популярность, в «Речи в защиту Публия Сестия» упоминает, как этот народный трибун показался на одном из гладиаторских боев «для того, чтобы даже недруги наши увидели наглядно, чего хочет весь народ... Рукоплескания всех зрителей, заполнявших места от самого Капитолия, рукоплескания со стороны ограды форума были таковы, что, по словам присутствовавших, никогда еще римский народ не выражал своего мнения так единодушно и открыто» (Cic. pro Sest. 124).

Одним из первых по этому пути пошел добивавшийся популярности Сулла, который в 93 г. до н. э. выставил на арену Большого Цирка «сотню львов с гривами» (Plin. Hist. Nat. VIII. 53), т. е. самцов. Цирк этот представлял собой огромный ипподром вместимостью 150 тысяч зрителей¹, находившийся в узкой долине между холмами Палатин и Авентин, где обычно происходили конные состязания, но иногда устраивались и другие представления (рис. 4). Выпущенные из клеток звери разбрелись на пространстве длиной 600 м и шириной 150 м, обнесенном высокой железной решеткой, за которой находились трехуровневые зрительские места. Здесь и развернулась затем настоящая охота (Sen. De brev. vitae, 13. 6). Мавретанский царек Бокх прислал для нее специальный отряд охотников из племени гетулов, вооруженных копьями и дротиками. В результате были перебиты все львы, но не обошлось и без человеческих жертв.

Гладиаторские бои к этому времени превратились в само собой разумеющееся развлечение для всех желающих, и, хотя чисто внешне традиция исполнения религиозного долга соблюдалась, в политических целях исполнение завещания относительно погребальных игр могло быть надолго отсрочено. Характерный пример связан с именем Гая Юлия Цезаря, который, дожидаясь должности эдила — магистрата, наблю-

¹ В I в. н. э. после перестройки и ряда ремонтных работ количество мест на ипподроме возросло до 250 тысяч, а последующая реставрация, позволившая увеличить его размеры, довела вместимость зрительских трибун до 385 тысяч человек.

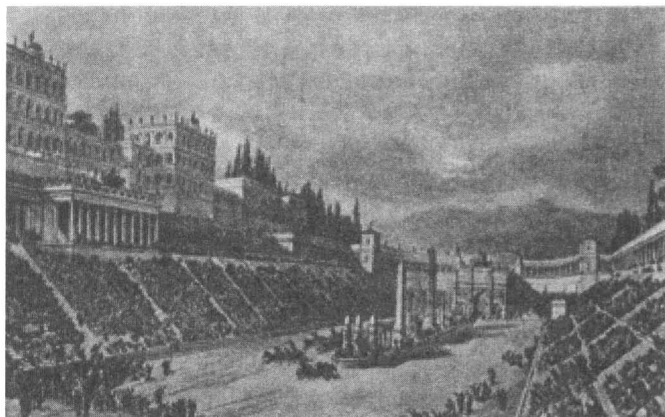

Рис. 4. Большой Цирк в Риме. Реконструкция

давшего за общественными зданиями, храмами, дорогами, рынками и пр., устроил гладиаторские бои в честь покойного отца лишь через двадцать лет после его смерти, в 65 г. до н. э.² Зато какое это было великолепное зрелище! Никто до тех пор не выставлял на арену сразу триста двадцать пар гладиаторов, одетых в доспехи из чистого серебра (Plut. Caes. 5). Видимо, большей частью они происходили из принадлежавшей Цезарю гладиаторской школы в Капуе, где одновременно могли обучаться до пяти тысяч человек³. Ведь таким образом можно было хоть немного уменьшить астрономические затраты на представление. На

² Köhne E. Bread and Circusses: The Politics of Entertainment. P. 16.

³ Носов К. С. Указ. соч. С. 15.

самом деле оно могло бы стать еще более грандиозным, но политические противники Цезаря испугались такого количества мастерски владевших оружием людей, и «поэтому было издано постановление, определявшее число гладиаторов, превышать которое никому в Риме не разрешалось» (Suet. Caes. 10. 2). Дополнительной реакцией на это событие стал принятый по предложению Цицерона закон 63 г. до н. э., запрещавший кандидату в магистраты в течение двух лет, предшествующих избранию, «давать гладиаторов» (Cic. in Vat. 15. 37). Впрочем, надо думать, при использовании ряда юридических «лазеек» его обходили часто и умело. Ведь никто не мог запретить частному лицу «дать» игры под предлогом поминок по своему родственнику, особенно если последний включил его в свое завещание.

Сам Цицерон относился к устроителям игр весьма критически, если не отрицательно: «Расточительные — это те, кто проматывают свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и травлю диких зверей — на все то, о чем память они оставят недолгую или вообще не оставят никакой» (Cic. Off. II. 55—57). Он не находил ни малейшего удовольствия в вынужденном созерцании ревущей вокруг арены толпы, иронично отмечая по поводу игр, организованных в честь его старого недруга Квинта Цецилия Метелла: «Я лично думаю, что большего стечения народа, чем то, какое было во время этих гладиаторских боев, не бывает никогда» (Cic. pro Sest. 125). Таким же скептическим было его отношение к схваткам с дикими зверями. Одному из друзей он признавался: «Они были великолепны, ни-

кто не отрицает; но что за удовольствие для образованного человека смотреть, как либо слабый человек будет растерзан могучим зверем, либо прекрасный зверь будет пронзен охотничьим копьём?» (Cic. Epist. CXXVII. 2—3).

Между тем на травли диких зверей никакие ограничения не распространялись, и они проводились во все возрастающих масштабах. Эдилы и квесторы (самые младшие магистраты) должны были устраивать их при своем вступлении в должность. Марк Эмилий Скавр, будучи эдилом 58 г. до н. э., «вывел» перед народом 150 «африканских зверей», т. е. пантер или леопардов (Plin. Hist. Nat. VIII. 64). «Гвоздем» другой звериной травли, устроенной в 55 г. до н. э. прославленным полководцем Гнеем Помпеем по случаю открытия в Риме возведенных им каменного театра и храма Венеры Победительницы, стали двадцать слонов. Римляне издавна питали слабость к этим животным, наделяя их высокими нравственными качествами, великодушием и чувством достоинства. Это впечатление усилилось, когда слоны после короткой схватки с «охотниками», метавшими в них копья, попытались убежать, а «потеряв всякую надежду на бегство», с жалобным ревом заметались по арене, «словно оплакивая себя и умоляя о сострадании». Особое сочувствие вызвал один из слонов: «с пронзенными ногами он на коленях полз на толпу своих врагов; вырывая щиты, бросал их вверх, так что они, к удовольствию зрителей, падали, описывая круг, как будто брошенные искусной рукой, а не яростным чудовищем» (Plin. Hist. Nat. VIII. 7. 7). Но это только один из эпизодов данного тогда представления. Пли-

ний Старший писал, что за первые четыре дня игр были убиты четыреста пантер и были показаны публике невиданные ранее животные: рысь, обезьяны из Эфиопии и носорог (Plin. Hist. Nat. VIII. 7. 20—21).

Все же никакие, даже самые красочные, звериные травли не могли затмить зрелища, где люди, проливая кровь, сражались друг с другом. Политикам по-прежнему приходилось проявлять чудеса изобретательности для привлечения на свою сторону симпатий изменчивой толпы римского плебса. Некоторые из них фактически уже не ограничивали себя в реализации различного рода зрелищных проектов. Так, став диктатором, Юлий Цезарь отметил в 46 г. до н. э. свой четвертой триумф над Галлией, Египтом, Понтом и Нумидией представленным в Большом Цирке масштабным сражением двух отрядов, в каждом из которых было по 500 пехотинцев, 300 всадников и 20 боевых слонов. Для их размещения на арене цирка возвели два укрепленных лагеря, для чего даже снесли меты (поворотные столбы), использовавшиеся во время состязаний колесниц. Сражаться эти отряды должны были до полного уничтожения одной из сторон. Триумф великого римского полководца увенчало и совершенно необычное представление — своего рода гладиаторские игры на воде, получившие название «навмахия». Так же стали называть и специально возведенные с этой целью сооружения ⁴. Для первой навмахии, имитировавшей сражение между египетским и тирийским флотами, на Марсовом поле, представлявшем собой большую низменность к северу от го-

⁴ Брабич В., Плетнева Г. Зрелища Древнего мира. С. 52.

родских стен Рима, было выкопано целое озеро. Выбор представленного исторического сюжета был неслучайным, ведь не прошло и года, как Цезарь посадил на трон Египта молодую царицу Клеопатру VII (47—31 до н. э.), и она уже успела нанести официальный визит в Рим вместе с младенцем — его собственным сыном. Известие о готовящемся потешном морском сражении вызвало всеобщий ажиотаж: «...отовсюду стекалось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам; а давка была такая, что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора» (Suet. Caes. 39. 4). В итоге жители Рима увидели впечатляющую схватку, в которой с обеих сторон сошлись на воде около двух тысяч гребцов и тысяча воинов. Правда, потом о таких развлечениях пришлось на время забыть, т. к. из-за гнилостных испарений озеро засыпали.

Через год диктатор впервые почтил устройством игр память своей дочери Юлии, а ведь ранее никто не решился бы оказать подобную честь женщине. На этот раз всеобщее внимание привлекли не столько профессиональные гладиаторы, сколько смертельный поединок двух представителей известных римских фамилий — Фурия Лептина и Квинта Кальпена, (Suet. Caes. 26. 2; 39. 1; Plut. Caes. 55). В свое время они встали на сторону Помпея, чем и вынесли себе смертный приговор. Цезарь решил сделать им предложение, от которого невозможно было отказаться. Единственным шансом сохранить жизнь стало участие в бою на арене. Проливающие кровь два столь знатных человека — такое зрелище было поистине незабываемым. Кстати, еще одну страницу в историю

гладиаторских игр Юлий Цезарь вписал самой своей смертью, поскольку именно она положила начало официальному проведению их за счет государственных средств⁵.

Помимо этого, видимо, уже в то время появилась практика включения гладиаторских поединков в программу развлечений на пирах знатных римлян. У Николая Дамасского есть упоминание о том, что «друзей часто приглашали на обед для того, чтобы сверх всего прочего они посмотрели на две или три пары гладиаторов, которых вызывали, когда гости были уже сыты и пьяны от обеда. Когда гладиатор падал пронзенный, гости рукоплескали от удовольствия» (Athen. IV. 153—155).

Свой «золотой век» зрелища, связанные с пролитием крови, безусловно, переживают в период Римской империи, ведь лояльность народа по отношению к власти в известной мере оплачивалась удовлетворением потребностей толпы в «хлебе и зрелищах». В калейдоскопе событий столичной жизни постоянно сменяли друг друга пышные шествия, грандиозные театральные постановки, похоронные процессии и, конечно, гладиаторские бои. При установлении режима личной власти все это попало в сферу самого пристального внимания государства, активно вмешивавшегося в различные сферы жизни общества. Наконец, дело дошло и до права свободно, по своему усмотрению, проводить игры с участием гладиаторов. Можно ли было оставить в руках сенатской аристократии это верное средство привлечь к себе людские

⁵ *Junkelmann M.* Das Spiel mit dem Tod. S. 38—39.

сердца? Первая попытка взять его под полный государственный контроль предпринимается уже при создателе империи, Октавиане Августе (31 до н. э.— 14 н. э.). В 22 г. до н. э. вводится закон об ограничении гладиаторских выступлений в Риме, требовавший запрашивать соответствующее разрешение у сената. Теперь в роли единственных легальных организаторов гладиаторских боев остались лишь императоры и преторы, которые должны были рассчитывать только на собственные средства и проводить игры не менее двух раз в год — в декабре и марте, т. е. в начале зимы и весны. Максимальное число гладиаторов не должно было превышать 120 человек (Dio Cass. LIV. 2). Больше мог позволить себе только император. В дальнейшем уже не преторы, а квесторы имели право на свои деньги устраивать в Риме официальные игры. А так как теперь покупать голоса было не к чему, а приобретать популярность опасно, то, надо думать, никто и не беспокоился о придании играм какого-то особого блеска. Поражающие воображение представления могли давать только императоры, у которых для этого были все возможности. Как правило, их проведение увязывалось со значимыми событиями в жизни государства, например, со знаменательными годовщинами в императорской семье или с открытием какого-либо общественного сооружения. Всей подготовкой зрелища обычно ведали императорские вольноотпущенники или особые «кураторы игр» (*curatores munerum*).

При Августе проводится и четкое разделение гладиаторов на отдельные типы с определенным набором вооружения (мирмиллоны, ретиарии, секуторы,

фракийцы и др.)⁶ и разрабатываются правила проведения боев. Регламентации подверглось даже распределение зрительских мест в амфитеатрах: «На всяких общественных зрелищах первый ряд сидений всегда оставался свободным для сенаторов... Солдат он отделил от граждан. Среди простого народа он отвел особые места для людей женатых, отдельный клин — для несовершеннолетних и соседний — для их наставников, а на средних местах воспретил сидеть одетым в темные плащи. Женщинам он даже на гладиаторские бои не позволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами» (Suet. Aug. 44. 1—2).

Подводя итоги деятельности императора Августа, Светоний писал: «...он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие. По его словам, он давал игры четыре раза от своего имени и двадцать три раза от имени других магистратов...» (Suet. Aug. 43. 1). Те же цифры фигурируют в автобиографичной надписи, известной под названием «Деяния божественного Августа», где имеется ряд дополнительных сведений по интересующему нас вопросу. В частности, о количестве участников восьми больших гладиаторских состязаний, устроенных им от себя лично, а также от имени сыновей и внуков, говорится, что их было до 10 000 человек, т. е. в каждом из представлений участвовало не менее тысячи гладиаторов. Не менее роскошными

⁶ Эти и другие типы гладиаторов подробно рассматриваются в главе 4.

были устроенные двадцать шесть раз травли африканских животных, «во время которых убито было зверей около 3500» (*Res gestae*. 22). О всепоглощающем увлечении подобными массовыми представлениями свидетельствует сообщение о том, что в такие дни по Риму расставляли «стражу, чтобы уберечь обезлюдивший город от грабителей» (*Suet. Aug.* 43.1).

Преемники Августа, независимо от собственных вкусов, продолжали его политику в отношении гладиаторских игр, понимая их значение для поддержания своей популярности в народе. Конечно, нельзя было лишить людей права устраивать гладиаторские игры на поминках, но пасынок Августа Тиберий (14—37 н. э.) и для них сократил число гладиаторов. Он устраивал игры редко, но если принимал такое решение, то денег не жалел, предлагая уже получившим свободу опытным гладиаторам-профессионалам до 100 000 сестерциев, чтобы они порадовали публику своим искусством (*Suet. Tib.* 34. 1). В этот период население Италии стремилось восполнить недостаток зрелищ всеми возможными способами: использовался любой повод потребовать от состоятельных людей проведения игр. В городе Полленции, как писал Светоний, «чернь не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона до тех пор, пока силой не вынудила наследников потратить большие деньги на гладиаторские зрелища» (*Suet. Tib.* 37).

Короткое правление Гая Калигулы (37—41 н. э.) было отмечено триумфальным возвращением в Рим различных массовых зрелищ. Среди них гладиаторским играм отводилось особое место. Свидетельством этого стала попытка возвести недалеко от Сеп-

ты ⁷ первый большой амфитеатр, под который снесли многие большие здания, но строительство так и не было доведено до конца (Suet. Cal. 21). Страстно любивший гладиаторские игры Калигула часто превращал их в демонстрацию своего произвола по отношению к гражданам. Человека, который обещал биться в качестве гладиатора, если император выздоровеет, он заставил исполнить обет, а сам смотрел, как тот сражается, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. Возненавидев некоего Эзия Проккула, за огромный рост и пригожий вид прозванного Колосс-эротом, Калигула «...во время зрелищ вдруг приказал согнать его с места, вывести на арену, срастить с гладиатором легковооруженным, потом с тяжеловооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем — связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и наконец прирезать» (Suet. Calig. 35. 2). Он очень ревниво относился к вниманию и реакции зрителей. Так, «когда Порий, колесничный гладиатор, отпускал на волю своего раба-победителя и народ неистово рукоплескал, Гай бросился вон из амфитеатра с такой стремительностью, что наступил на край своей тоги и покатился по ступеням, негодуя и восклицая, что народ, владыка мира, из-за какого-то пустяка оказывает гладиатору больше чести, чем обожествленным правителям и даже ему самому!» (Suet. Calig. 35. 3). За плохой отзыв о его зрелищах

⁷ Септа (лат. 'ограда') — место для голосования в народном собрании, представлявшее собой обнесенную мраморной стеной с портиками просторную прямоугольную площадь размерами 310×120 м на Марсовом поле.

можно было угодить на каторжные работы, подвергнуться клеймению раскаленным железом или перепиливанию пилой. Даже царственные особы не могли чувствовать себя в безопасности в его присутствии. Мавретанского царя Птолемея он принял в Риме с большим почетом, а затем умертвил только потому, что тот, явившись однажды на бой гладиаторов, привлек взгляды зрителей блеском своего пурпурного плаща. Молодой император, детство которого прошло в военных лагерях, иногда сам выходил покрасоваться перед публикой в вооружении секутора или фракийца, особенно когда был полностью уверен в собственной безопасности. Однажды он бился с мirmиллоном из гладиаторской школы на деревянных мечах, и тот нарочно упал перед ним, тогда император прикончил противника железным кинжалом и с пальмовой ветвью в руках обежал победный круг. В конечном итоге увлечение Калигулы фракийцами стоило ему расположения толпы, которого он так ревностно добивался. Ему так и не простили смерти любимца публики гладиатора по прозвищу Голубь, который победил на арене фракийца, но в отместку был отравлен самим императором.

Клавдий (41—54 н. э.) любил удивить плебс пышным дорогостоящим представлением, своего рода «закуской», как он говаривал, имея в виду «неожиданное и неподготовленное угощение». Гладиаторские игры император устраивал много раз и во многих местах. В годовщину дня рождения он давал их в лагере своей гвардии — преторианцев, но без диких зверей и богатого убранства, а вот в Септе — полностью и по обычной программе. Клавдий часто заигрывал с про-

стыми людьми, называя их «хозяевами», и вместе с ними громко отсчитывал золотые монеты, причитавшиеся победителям (Suet. Claud. 21. 4—5). Естественно, когда в 52 г. стало известно о завершении под Римом многолетних работ по подготовке спуска воды Фуцинского озера, он не мог упустить такую возможность устроить грандиозную навмахию. На этот раз предварительная рекламная кампания по поводу инсценировки сражения между сицилийским и родосским флотами была проведена на должном уровне, и несметные толпы зрителей заполнили берега озера, холмы и вершины окрестных гор, расположившись так, будто это был огромный театр (рис. 5). Вот как описывает произошедшее затем сражение Тацит: «Клавдий снарядил триремы и квадриремы, посадив на них девятнадцать тысяч человек; у берегов озера со всех сторон были расставлены плоты, чтобы сражающимся некуда было бежать, но внутри этого ограждения оставалось довольно простора для усилий гребцов, для искусства кормчих, для нападения кораблей друг на друга и для всего прочего, без чего не обходятся морские бои. На плотях стояли манипулы преторианских когорт и подразделения конницы, на них же были возведены выдвинутые вперед укрепления с готовыми к действию катапультами и баллистами, тогда как остальную часть озера стерегли моряки на палубных кораблях... И хотя сражение шло между приговоренными к смерти преступниками, они бились как доблестные мужи» (Тас. Ann. XII. 56). Именно перед началом этого представления из уст осужденных прозвучала знаменитая фраза: «Здравствуй Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»

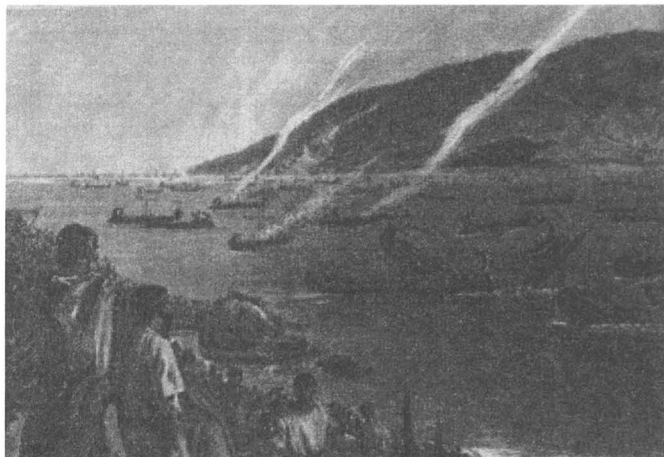

Рис. 5. Навмахия на Фуцинском озере (по В.Тарновскому)

Согласно традиционным представлениям, ее всегда произносили гладиаторы, выходявшие на арену в присутствии императора, как это показано на одной из картин Жана-Леона Жерома, где данная фраза была вынесена в ее название. На самом деле никаких подтверждений существования такой формулы приветствия найти невозможно. В навмахии же Клавдия эти слова сыграли роковую роль. Услышав их, император прокричал в ответ: «А может быть и нет», что навмахии, в основном осужденные преступники, восприняли как помилование и отказались занять свои места на кораблях. На потеху толпе Клавдию с угрозами и уговорами пришлось вприпрыжку бегать вдоль берега, чтобы заставить их выйти на бой. Судя по тому, что «после длительного кровопролития оста-

вшимися в живых была сохранена жизнь», именно это стало условием продолжения представления.

При Клавдии театрализованные массовые сражения могли проводиться и на суше: однажды на Марсовом поле он повелел представить «взятие и разграбление города, а потом покорение британских царей, и сам распоряжался, сидя в плаще полководца» (Suet. Claud. 21. 6). Не приходится удивляться, что далеко не все римляне находили удовольствие в таких развлечениях. «Нет ничего губительнее для добрых нравов, чем зрелища, ведь через наслаждение еще легче прокрадываются к нам пороки», — писал философ Сенека своему другу Луцилию, делясь впечатлениями от гладиаторских боев (Sen. Epist. VII. 2). Относительно Клавдия это наблюдение применимо в полной мере. Со временем в его характере обнаружились те же отвратительные черты, что и у Калигулы, которому он приходился дядей. «На гладиаторских играх, своих или чужих (т. е. на тех, где формально он не имел права распоряжаться. — В. Г.), он всякий раз приказывал добивать даже тех, кто упал случайно, особенно же ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим... Звериными травлями и полуденными побоищами увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть, даже когда все расходилось завтракать. Кроме заранее назначенных бойцов, он посылал на арену людей по пустым и случайным причинам — например, рабочих, служителей и т. п., если вдруг плохо работала машина, подъемник или еще что-нибудь. Однажды он заставил биться даже одного своего раба-номенклато-

ра⁸, как тот был, в тоге» (Suet. Claud. 34. 1—2). Только однажды Клавдий поступил «уместно и хорошо: одному колесничному гладиатору он дал почетную отставку по просьбе его четверых сыновей и под шумное одобрение всех зрителей, а потом тут же вывесил объявление, указывая народу, как хорошо иметь детей, если даже гладиатор, как можно видеть, находит в них защитников и заступников» (Suet. Claud. 26.5).

Каждый, кто оказывался на троне империи, старался хоть в чем-то превзойти своих предшественников в отношении привлечения симпатий толпы, каждый раз жаждавшей и требовавшей какого-нибудь чуда. Надо было только изобрести нечто совершенно необычное, чего раньше никто не делал. Нерон (54—68 н. э.), например, издал указ, разрешающий свободным женщинам становиться гладиатрисами, и сразу «большое число знатных женщин... запятнало себя выходом на арену» (Tac. Ann. XV. 32). Когда и это приелось, по велению императора зрителям показали сражающихся женщин-эфиопок. Подтверждением реального существования гладиатрис служит хранящийся в Британском музее рельеф из Малой Азии, где представлены в вооружении мирмиллонов две сражающиеся женщины — Амазонка и Ахиллия (рис. 6).

Вскоре были сняты вообще все запреты. На арену деревянного амфитеатра на Марсовом поле выходили биться до четырехсот сенаторов и шестисот всадников, многие с нетронутым состоянием и незапятнанным именем. Из тех же сословий император набирал

⁸ Такой раб сопровождал хозяина и подсказывал имена встречных для приветствий.

Рис. 6. Рельеф с изображением гладиатрис Амазонки и Ахиллии

венаторов и служителей арены. Впрочем, тогда он не позволил убить ни одного бойца, даже из числа преступников (Suet. Ner. 12. 1). Тяга к личному участию в захватывающем зрелище однажды побудила самого Нерона, вооружившегося охотничьим копьем, вступить в схватку со львом. Правда, ходили упорные слухи о том, что хищника предварительно подготовили к этой встрече: вырвали зубы и порвали главные мышцы.

Даже император Вителлий, правивший Римом всего несколько месяцев в 69 г. н. э., несмотря на ожес-

точенную борьбу за власть со своими конкурентами, счел необходимым бросить часть подчиненных ему солдат на строительство новых амфитеатров, а в собственный день рождения отдал приказ провести гладиаторские бои в каждом из 265 кварталов Рима (Tac. Hist. II. 67). На совершенно новый уровень, уже не в пространственном, а во временном отношении, поднял гладиаторские игры император Тит (79—81 н. э.), имевший солидный опыт их организации. В 70 г. н. э., сразу после штурма Иерусалима, он пышно справил «день рождения своего брата и в его честь предал смерти множество евреев из тех, которые подлежали наказанию. Число погибших в битвах со зверями, сожженных и павших в сражениях друг с другом превышало 2500 человек». То же, но в еще больших масштабах, повторилось в связи с днем рождения его отца (Jos. Fl. Bell. Jud. VII. 3.1). Тит включил гладиаторские бои и в программу великолепных празднеств, данных по случаю открытия грандиозного амфитеатра Флавиев, более известного под названием Колизей. Помимо собственно поединков на арене они включали в себя венацию и навмахию и продолжались целых 100 дней. При этом император заранее оповестил всех, что устроит гладиаторские бои «не по собственному вкусу, а по вкусу зрителей» (Suet. Tit. 8. 2). Этот откровенный подкуп низших слоев римского общества сработал блестяще и укрепил позиции династии, которую после Тита продолжил его младший брат, Домициан (81—96 н. э.). Он внес особую «изюминку» в проведение роскошных и великолепных кровавых зрелищ, впервые отправив на арену гладиаторов-карликов, там же снова оказались женщины-

гладиатрисы (Suet. Domit. 4. 1). Звериные травли и гладиаторские бои Домициан любил проводить ночью при свете факелов, часто, в виде особой милости к народу, выпуская в финале две пары профессионалов из собственной школы (Suet. Domit. 4. 1).

Но особого размаха достигли гладиаторские бои в период правления императора Траяна (98—117 н. э.), когда в 107 г. он отметил свою победу над племенем даков организацией грандиозных празднеств. Они затянулись на 124 дня, в которые уложились выступления 10 тысяч гладиаторов (т. е. столько же, сколько за все царствование Августа) и травля 11 тысяч зверей. Еще более 10 тысяч бойцов были выведены на арену Рима за последующие пять лет⁹. Эти цифры подтверждаются находкой в Остии каменной плиты с надписью, отразившей события того времени, но в то же время внесшей в них некоторые коррективы. В частности, стало ясно, что игры Траяна проводились не безостановочно, а по несколько дней подряд с интервалами, что вполне объяснимо, поскольку любые однотипные зрелища нужно дозировать в разумных пределах, чтобы они не приелись публике. Сначала на рубеже 107 и 108 гг. состоялись отборочные бои, продолжавшиеся в течение 12—13 дней. В каждом из них принимали участие по 300 пар гладиаторов. Затем с июня 108 г. по ноябрь 109 г. в течение 117 дней с перерывами, т. е. примерно раз в пять дней, проводились основные бои, в которых участвовали 9883 гладиатора. Видимо, это свидетельствует о том, что бойцы, одержавшие победу, могли и дальше продол-

⁹ Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. С. 53.

жать выступать на арене. Данное наблюдение подтверждает эпитафия Марка Антония Эксоха, гладиатора-фракийца из Александрии, прибывшего в Рим для участия в играх 117 г., устроенных в честь военных побед Траяна. За время игр Эксох трижды участвовал в поединках¹⁰.

После проявленной Траяном щедрости, о которой в столице империи вспоминали многие поколения завсегдатаев амфитеатров, последующие правители из династии Антонинов казались просто скрягами. Самое большее, на что расщедрился император Адриан (117—138 н. э.), это устроенные им по случаю дня рождения «гладиаторские бои, продолжавшиеся непрерывно в течение шести дней», и тысяча выпущенных на арену диких зверей (Ael. Spart. Hadr. VII. 12). Другую тысячу хищников он выставил для «охоты» на афинском стадионе, поскольку формально занимал в любимом им городе должность высшего должностного лица — архонта. Известно также, что он почтил память Помпеи Плотины, жены усыновившего его Траяна, играми, в которых участвовали триста гладиаторов. Лишенные прежнего обильного финансирования гладиаторские школы были обязаны своим выживанием в основном знатным римлянам, избранным на различные муниципальные должности. Например, эдилам полагалось устраивать зрелища на протяжении не менее трех дней. Дело это было весьма дорогостоящее даже для состоятельной семьи. Бесплатными были только приговоренные к смерти преступники, предоставлявшиеся местными судебными органами.

¹⁰ Берд М., Хопкинс К. Колизей. С. 51, 84—85.

Редко раскошелывался на проведение гладиаторских игр и «философ на троне» — Марк Аврелий (161—180 н. э.). Единственный случай, когда он не пожалел денег, — это грандиозное представление 175 г. в Колизее, во время которого было проведено 2757 боев гладиаторов. Два года спустя, чтобы смягчить недовольство в провинциях большими расходами, которых требовали игры с участием гладиаторов, император отменил весьма доходный для государственной казны налог на продажу гладиаторов, дававший от двадцати до тридцати миллионов сестерциев ежегодно. Более того, в преамбуле соответствующего законодательного акта говорилось, что государственная казна «не должна быть запятнана замаранными кровью деньгами... аморально пополнять ее за счет мероприятий и акций, осужденных всеми божьими и человеческими законами». Он установил также предел расходов на игры и условия продажи или найма гладиаторов (Iul. Capit. M. Anton. XI. 4; XXVII. 6). При этом некоторое дозволенное властями количество бойцов их хозяин должен был по более низкой цене уступить организатору зрелищ как человеку, связанному с проведением общегосударственной акции, обеспечивающей не только ему, но и императору поддержку народных масс. Правда, сам Марк Аврелий нередко вызывал недовольство народа тем, что во время представлений демонстративно рассматривал государственные бумаги или перечитывал философские трактаты. В собственном сочинении «Наедине с собой» он высказался по поводу гладиаторских боев вполне определенно, назвав их утомительными и скучными. Более того, в преамбуле закона 177 г. со-

держалась столь резкая их критика, какую раньше никто себе не позволял: государственная казна «не должна быть запятнана замаранными кровью деньгами... аморально ее пополнять за счет мероприятий и акций, осужденных всеми божьими и человеческими законами». Луций Вер (161—169 н. э.), соправитель Марка Аврелия, напротив, пережил такое бурное увлечение гладиаторскими боями, что часто устраивал их во время своих пиров, затягивая увеселения на всю ночь (Iul. Capit. Ver. IV. 9).

Страсть к гладиаторским играм захватила и сына Марка Аврелия, Коммода (180—192 н. э.), который всерьез собирался сменить дворец на казарму своих любимцев и часто устраивал с ними совместные пирушки. До чего дошла эта страсть, рассказывает Геродиан, написавший труд «История императорской власти после Марка»: «Коммод, уже не сдерживая себя, принял участие в публичных зрелищах, дав обещание... сразиться в единоборстве с мужественнейшими из юношей. Молва об этом распространилась, и со всей Италии и из соседних провинций спешили люди посмотреть на то, чего они раньше не видели и о чем не слыхали». Этот высокий мускулистый человек мастерски владел многими видами оружия и даже мог пронзить пикой слона. Все «толковали о меткости его руки и о том, что он никогда не промахивается... Всех зверей он поражал копьем или дротиком с первого удара. Наконец, когда из подземелий амфитеатра была одновременно выпущена сотня львов, он убил их всех таким же количеством дротиков — трупы их лежали долго, так что все спокойно пересчитали их и не обнаружили лишнего дротика. До этих

пор, хотя его поступки и не соответствовали императорскому положению, однако в них было благодаря мужеству и меткости нечто приятное для простого народа; когда же он обнаженный вышел на арену амфитеатра и, взяв оружие, начал сражаться как гладиатор, тогда уже народ с неодобрением посмотрел на это зрелище — благородный римский император, после стольких трофеев отца и предков, не против варваров берет в руки оружие, подобающее римской власти, но глумится над своим достоинством, принимая позорнейший и постыдный вид. Вступая в единоборство, он легко одолевал противников, и дело доходило до ранений, так как все поддавались ему, думая о нем как об императоре, а не как о гладиаторе» (Her. Hist. I. 15). Нередко в дневной программе император в вооружении секутора принимал участие в показательных поединках с известными гладиаторами. При этом он держал щит в правой руке, а деревянный меч в левой и очень гордился, что от рождения был левшой. Впрочем, император сражался и «острым» оружием, убивая при этом традиционных противников секуторов — ретиариев. Если верить античным авторам, к концу жизни Коммод одержал на арене тысячу побед, причем предметом особой гордости для него было то, что его 620 раз провозгласили «перворазрядным секутором» (Ael. Lampr. Comm. XI. 12; XII. 10—12; XIII. 3—4). Погиб Коммод все-таки не от оружия или звериных когтей, а в результате заговора, составленного людьми из его ближайшего окружения, случайно узнавшими о намерении императора их казнить. В итоге его задушил обычно упражнявшийся с ним в борьбе атлет Нарцисс, позднее, при импера-

торе Септимии Севере, отданный за это на растерзание львам. Когда известие о смерти ненавистного тирана дошло до сената, раздались крики: «Гладиатора — в сполиарий!» (Ael. Lampr. Comm. XVIII. 4) — т. е. в мертвецкую.

После смерти последнего представителя династии Антонинов, в особенности с вступлением Римской империи в полосу затяжного кризиса III в., когда государственная казна испытывала недостаток денежных средств, гладиаторские игры становятся все более скромными. Впрочем, иногда их пытались разнообразить различными театральными эффектами. В период правления Септимия Севера (193—211 н. э.), после истории с китом, выбросившимся на побережье Италии, на арену вывезли бутафорского кита, из пасти которого выскочили пятьдесят медведей. Спустя несколько лет в реализации сходной идеи использовали декоративный корабль, который день за днем, в течение всех игр, «терпел крушение» на арене, и по ней разбегались сотни медведей, львов и зубров, с которыми сражались венаторы. Гелиогабал (218—222 н. э.) предпочитал развлекать себя, а не толпу. С этой целью он использовал небольшой амфитеатр Кастренсе, возведенный в Риме в начале III в. Развратный император «устраивал свою столовую на самом высоком месте амфитеатра, и когда он завтракал, для него выпускали на арену преступников, которые охотились на диких зверей» (Ael. Lampr. Geliogab. XXV. 7—8). В этот период только немногие богатые провинциалы, вроде принадлежавшего к древнему роду будущего императора Гордиана I, могли позволить себе ежемесячные игры, в которых участвовало от 150 до

500 пар гладиаторов и от сотни африканских зверей до тысячи германских медведей (Iul. Capit. Gord. III. 5). Обычно большие официальные игры приурочивались к какому-либо конкретному значимому событию. Например, в связи с избранием сенатом в 238 г. двух новых императоров — Пупиена Максима и Бальбина — и отправкой одного из них на войну Юлий Капитолин сообщает о возобновленном древнем обычае, согласно которому перед походом «устраивали гладиаторские бои и охоты». Объяснялось это тем, что «готовившиеся идти на войну римляне должны были видеть битвы, раны, оружие и обнаженных людей, нападающих друг на друга, — чтобы на войне не бояться вооруженных врагов и не приходить в ужас от ран и крови» (Iul. Capit. Max. et Balb. VIII. 5—7). С прежними временами, пожалуй, могли сравниться только проведенные императором Филиппом Арабом (244—249) игры 248 г., посвященные 1000-летию основания Рима. Тогда в дело были пущены все зрелищные ресурсы, накопленные в Вечном городе: «...тридцать два слона, десять лосей, десять тигров, шестьдесят прирученных львов, тридцать прирученных леопардов, десять бельб — то есть гиен, тысяча пар казенных гладиаторов, шесть гиппопотамов, один носорог, десять косматых львов, десять жирафов, двадцать диких ослов, сорок диких лошадей и бесчисленное количество всевозможных других животных» (Iul. Capit. Gord. XXXIII. 1). В меньших масштабах отметил десятилетие своего правления император Галлиен (253—268), и все же его игры были названы «небывалыми» из-за невиданных дотоле торжественных предварительных шествий, в которых участвовали десять слонов, прирученные дикие жи-

вотные разных пород и тысяча двести гладиаторов в пышных золоченых одеяниях римских матрон (Треб. Poll. Gall. VII. 4; VIII. 1—3). Последнее обстоятельство связано со склонностью Галлиена к различного рода шуткам. Известны две из них, имеющие отношение к тому, что происходило на арене амфитеатра. «Когда однажды он велел выпустить на арену огромного быка и вышел охотник, который должен был поразить его, но после десяти выходов так и не смог убить, Галлиен послал охотнику венок. Так как все стали вполголоса выражать недоумение, почему такой в высшей степени неумелый человек получает венок, Галлиен велел объявить через глашатая: „Не сумеешь поразить быка столько раз — дело трудное“. Когда кто-то продал его жене вместо настоящих драгоценных камней — стеклянные... Галлиен велел схватить продавшего как бы для того, чтобы отдать его на растерзание льву, а затем распорядился выпустить из клетки каплуна. Когда все удивились такой смешной выходке, он велел сказать через глашатая: „Он подделал, и с ним поступили так же“, а затем отпустил торговца» (Треб. Poll. Gall. XII. 3—5).

В этот сложный период, когда государство со всех сторон подвергалось нападениям врагов, императоры не упускали случая сэкономить на организации публичных зрелищ. Так, Проб (276—282) по случаю триумфа над германцами и африканским племенем блеммиев показал римлянам на арене Большого цирка звериные травли и поединки трехсот пар гладиаторов, набранных исключительно среди пленных представителей упомянутых племен, а также сарматов и исаврийских разбойников, захваченных на юге Малой Азии (Fl. Vor. Prob. XIX. 8). Последние гран-

диозные гладиаторские игры в духе прежних традиций устраивал император Диоклетиан (284—305), при котором число христианских мучеников, в том числе и принявших смерть на арене, увеличилось почти вдвое.

Понятно, что христиане не могли испытывать симпатий к гладиаторским играм и подвергали их активному осуждению. Уже «Апостольское поучение», приписываемое Ипполиту, Папе Римскому конца II в., отлучало от жизни христианских общин гладиаторов и их наставников. Против кровопролития на арене выступил и Тертуллиан, подвизавшийся в Риме в качестве адвоката. Став христианином, он обрушил на любителей кровавых зрелищ гневные обличительные речи: «Если я войду в Капитолий или Серапей для жертвоприношений и молитв, то изменю Богу, точно так же, как если войду в цирк или театр в качестве зрителя... Амфитеатр посвящен еще большему числу демонов, чем Капитолий — это поистине храм всех демонов. Там столько же нечистых духов, сколько зрителей... Если можно доказать, что жестокость, свирепость, варварство нам позволительны, тогда пойдем в амфитеатр... Лучше не видеть, как карают злодеев, чем видеть, как с ними гибнут и добрые люди, если, конечно, они понимают, в чем благо. Ведь среди гладиаторов есть и невинные люди, приносимые в жертву удовольствию публики... Кто не выносит вида покойников, тот в амфитеатре с удовольствием смотрит на тело, плавающее в луже крови. Кто пришел посмотреть на казнь преступников, тот сам плетми и розгами толкает гладиатора, против его воли, на убийство. Кто требует опасного убийцу отдать на съедение льву, тот просит свободы свирепому гла-

диатору, а в случае его смерти подбегает и с близкого расстояния сочувственно разглядывает того, чьей гибели требовал издалека» (Tert. De spect. 8; 12; 19; 21). Тертуллиан утверждал, что не сможет учить милосердию тот, кто «с удовольствием смотрит на разъяренных медведей и щитки ретиариев. Да избавит Бог служителей своих от желания участвовать в столь губительных увеселениях... и устами, произносившими в храме „Аминь“, рассуждать о достоинствах гладиатора» (Tert. De spect. 25). Конечно, несмотря на все свое возмущение, христианские писатели были не в силах остановить кровопролитие, поощрявшееся властями. Максенций (306—312), известный гонитель христиан, давал гладиаторские игры в честь своего дня рождения, даже когда его соперник, будущий Константин I Великий (312—337), со своим войском стоял у стен Рима. Да и сам Константин, позднее признанный церковью равноапостольным, отметил свою победу над Максенцием гладиаторскими играми, на проведение которых он и в дальнейшем выделял деньги. Ситуация начала меняться, только когда император стал открыто поддерживать христианскую церковь. Под ее влиянием был принят эдикт о наказании преступников, где, в частности, указывалось, что магистраты не должны посылать осужденных преступников в гладиаторские школы, вводился запрет на организацию гладиаторских игр, а казни заменялись принудительным трудом в каменоломнях. Впрочем, этот закон не касался Рима и ряда других городов, которым в этом отношении были даны особые привилегии. В любом случае, масштаб выступлений на арене был уже далеко не тот, что раньше. Но все же римлянам было трудно отказаться от укоренившихся привычек,

и к 357 г., несмотря на очередной запрет для солдат и офицеров добровольно поступать в гладиаторские школы, волна игр вновь захлестнула всю территорию империи. Иногда продолжал проявляться и «высочайший» интерес к играм. Так, императора Грациана (367—383), как в свое время Коммода, настолько захватила страсть к истреблению животных, что, «убивая стрелами зубастых зверей», он каждый раз испытывал неподдельный восторг (Аmm. Marc. XXXI. 10. 18). Тем не менее идея проведения игр ради развлечения народа постепенно угасала. Этот процесс распространялся с греческого Востока на латинский Запад. Последний «мунус» в восточных провинциях Римской империи состоялся в 392 г. в Антиохии. В западной части государства ситуация была совершенно иная. На увлечение местного населения играми не могли повлиять никакие военно-политические катастрофы. В одном из сочинений Сальвиана, церковного писателя начала V в., повествуется об уцелевших жителях Трира, четыре раза подряд разграбленного варварами, которые признавались, что совершенно примирились бы со своей участью, если бы им оставили их привычные зрелища. Из сохранившихся писем Квинта Аврелия Симмаха (ок. 340—402), ревностного защитника древних обычаев и противника христианства, мы знаем, что он не раз устраивал игры, чтобы отметить очередной этап в карьере своего сына. Так было и в 393 г., когда тот выдвинул свою кандидатуру на должность квестора. Из письма, описывающего подготовку игр, мы знаем, с какими сложностями пришлось столкнуться их организатору. Подготовку зрелища он начал с обращения к своим друзьям в разных концах империи за помо-

щью в доставке лошадей, медведей, львов, шотландских собак, крокодилов и т. д. По мере приближения игр беспокойство Симмаха все нарастало. Ситуация складывалась далеко не так, как он хотел. Медведи вовремя не прибыли, о львах ничего не было известно, а крокодилов доставили буквально в последнюю минуту. К тому же они наотрез отказывались принимать пищу, а это значило, что их нельзя будет оставить на конец представления, как первоначально планировалось. Оставались, правда, еще гладиаторы: три десятка пленных германцев из племени саксов, но накануне игр двадцать девять человек из них задушили друг друга, чтобы не появляться на арене. Это был жестокий удар и, по словам Симмаха, ему понадобилась вся его философия, чтобы перенести это несчастье. По поводу мужества гордых саксов он заявил, что «ничего не хочет слышать об этих негодях, которые оказались хуже Спартака» (Symm. X. 46). Впрочем, эта неудача не остановила его, когда в 401 г. сын собрался выставить свою кандидатуру в преторы. Теперь подготовку к играм в Колизее начали почти за три года, и только поэтому удалось собрать медведей из Италии и ряда северных областей, лошадей из Испании, собак из Британии, львов, леопардов, антилоп и крокодилов из Африки. Дополнительные сложности доставило решение императора Гонория (395—423) в 399 г. закрыть последние гладиаторские школы. В итоге затраты составили две тысячи фунтов золота, чего вполне хватило бы для пропитания почти двадцати тысяч крестьянских семей в течение года. Возникает вопрос: а часто ли использовался в этот период Колизей по своему прямому назначению? Ответ можно найти в документах, где отмечается, что из

176 праздничных дней в году под гладиаторские бои отводилось всего десять¹¹.

Возможности «людей меча» хоть как-то устроить свою судьбу ограничивались все больше. Приближался переломный момент в истории игр, который наступил в 404 г. Когда очередная пара гладиаторов готова была вступить в бой на арене Колизея, прекратить кровопролитие призвал монах Телемах из Малой Азии. Возмущенные тем, что их пытаются лишить любимого зрелища, люди на трибунах завязали драку, в которой Телемах погиб. Потрясенный этой смертью Гонорий запретил впредь устраивать в Риме плохо увязывавшиеся с официальной государственной идеологией гладиаторские бои, но даже если бы этот запрет не состоялся, уже нельзя было и думать о дорогостоящих играх. Целая волна бедствий обрушилась на Рим — несколько разрушительных землетрясений и три варварских нашествия. К концу V в. население города сократилось в десять раз, и он находился в страшном упадке. Теперь было уже не до роскошных представлений, оставшихся в далеком прошлом. Впрочем, та часть обычной зрелищной программы, которая была связана с травлей зверей, продержалась в пределах ранее единой империи еще несколько десятилетий, поскольку отношение общества к «охотам» было достаточно терпимым. Последние выступления венаторов в уже начавшем разрушаться Колизее состоялись в 523 г. при остготском короле Теодорихе¹².

¹¹ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 53—54.

¹² Носов К. С. Указ. соч. С. 37.

ГЛАВА 3

НА ПУТИ К АРЕНЕ: ОБУЧЕНИЕ РЕМЕСЛУ ГЛАДИАТОРА

Выход гладиаторов на арену был лишь финалом долгой и тщательной подготовки профессиональных бойцов, которая велась сначала частными лицами, а позднее и на средства римских императоров. Людей, для которых содержание и обучение гладиаторов было профессией и единственным источником средств к существованию, называли ланистами (термин, производный от того же корня, что и *lanius* 'мясник'). Такой человек считался запятнанным, а занятие его — постыдным, и занимать какие-либо государственные должности он не мог. Ланиста на свой страх и риск скупал и опытных гладиаторов, и молодых рабов с подходящими физическими данными. Видимо, предпочтение отдавалось тем, кто превышал средний рост римлян, составлявший около 1 м 65 см¹. Иногда в гладиаторские школы отправляли преступников, и только смертная казнь была для них страшнее. Если по прошествии трех лет осужденный оставался жив,

¹ *Wisdom S. Gladiators — 100 BC-AD 200. P. 15.*

его освобождали от выступлений в амфитеатре, но он должен был еще два года прожить в школе, после чего получал уже полное освобождение. Пополняли ряды гладиаторов и военнопленные, например, император Тит после взятия Иерусалима часть евреев распределил между школами при амфитеатрах. Кроме того, любой хозяин мог отправить своего раба в гладиаторы за любую провинность или без вины. Только Адриан ограничил этот произвол тем, что теперь требовалось согласие самого раба, если, конечно, он не совершил преступление, за которое полагалось наказание гладиаторской школой (Ael. Spart. Hadr. 18). Порой попадали туда и свободные люди, привлеченные либо даровым кровом, готовой едой и надеждой на сытую жизнь в будущем, либо возможностью обогатиться, а также стремящиеся к блестящим победам и опьяняющей славе. Именно последним обстоятельством можно объяснить появление целого ряда законодательных актов I в. до н. э.—I в. н. э., касающихся участия римских граждан в гладиаторских боях. Еще в 38 г. до н. э. был принят закон, запрещавший сенаторам, а потом и всадникам, выступать на арене в качестве гладиаторов, но он слишком часто нарушался. Император Тиберий для исправления нравов общества по этой причине осудил на изгнание многих распутных юношей из высших сословий. Особого успеха такие карательные меры не возымели, и в 69 г. н. э. вышел указ императора Вителлия, строжайше запрещающий «римским всадникам позорить себя участием в гладиаторских боях». Сообщающий об этом Тацит добавляет, делая небольшой экскурс в недавнее прошлое: «При прежних принцепсах их склоняли к этому деньгами, а чаще силой; многие муниципии и

колонии наперебой старались подкупить наиболее развращенных из своих молодых людей, чтобы сделать их гладиаторами» (Tac. Hist. II. 62). Позднее в одном из своих трактатов Тертуллиан неодобрительно восклицал: «Скольких бездельников тщеславие побудило взяться за ремесло гладиатора, а некоторые из тщеславия даже участвуют в звериных травлях и считают, что шрамы от когтей и зубов сделают их привлекательнее» (Tert. Ad martyг. 5).

Могли быть и другие причины: одним из любимых упражнений в риторских школах были сочинения на тему о благородном юноше, который, жертвуя честью и добрым именем, нанимался в гладиаторы за деньги, чтобы предать погребению отцовский прах или помочь другу. В действительности подобные случаи встречались редко, поскольку, по крайней мере в Италии, законодательство ставило перед таким человеком ряд препятствий, которые должны были заставить его передумать. Доброволец должен был объявить народному трибуну свое имя, возраст и получаемую сумму, но тот мог не согласиться на заключение сделки, если считал его негодным для такого ремесла по возрасту или состоянию здоровья (Iuv. 11.5—8). При этом сумма, за которую человек продавал свою жизнь и свободу, была достаточно скромной: по закону не больше 2 тысяч сестерциев. Столько же стоил раб, не обученный никакому ремеслу. Тем не менее такие волонтеры составляли примерно пятую часть всего населения гладиаторской казармы². Фактически они становились «юри-

² *Wisdom S. Op. cit. P. 13.*

дически мертвыми» и давали официальную клятву в том, что на срок действия договора их можно «жечь, заковывать в цепи, сечь и убивать железом». Платой за каждое выступление становились все те же две тысячи сестерциев. В случае продления договора гонорар увеличивался сразу в шесть раз. С другой стороны, чтобы немедленно разорвать контракт, требовалось заплатить немалый выкуп. Отличительной чертой свободных гладиаторов было обязательное упоминание в связи с ними родового имени, например: Тит Клавдий Фирм, тогда как рабов обозначали просто по именам. Впрочем, иногда и те и другие скрывались за псевдонимами, как правило, имеющими отношение к птицам (Голубь), животным (Лев, Тигр), мифологическим персонажам (Гермес, Геркулес, Ахиллес) либо к отличительным качествам конкретного человека (Непобежденный, Отважный).

Любой ланиста, практиковавший продажу гладиаторов организаторам игр или сдачу их внаем, имел вполне реальную возможность заработать достаточно большую сумму. В переписке Цицерона упоминается, что его друг Аттик, никогда не упускавший случая нажиться, как-то раз купил хорошо обученный отряд гладиаторов. Это приобретение вызвало полное одобрение знаменитого оратора. Со знанием дела он писал, что если отдать гладиаторов внаем, то уже после двух выступлений можно полностью вернуть свои деньги (Cic. Epist. IV. 4a. 2). Для знатного человека такая коммерческая операция не считалась позорной, ведь для него это был всего лишь побочный источник дохода. В поисках заказчиков хозяин группы гладиаторов мог переезжать с ними с места на место, по-

добно бродячему цирку, давая по пути представления, неизменно приносившие хорошую прибыль. Обойтись без его услуг не могли ни городские магистраты, ни частные лица, дававшие игры. Для понимавших толк в этом деле таким образом открывался путь к быстрому обогащению, которое, впрочем, не вызывало уважения в глазах других людей.

Но прежде чем приносить доход, гладиаторы должны были пройти определенный курс обучения. Первые гладиаторские школы появились на юге Италии, в Кампании, с ее прекрасным здоровым климатом. Нередко им покровительствовали или содержали их богатые и влиятельные люди, заинтересованные в том, чтобы в случае необходимости получить поддержку отряда опытных бойцов. В этой ситуации лангиста выступал в роли управляющего заведением. Иногда ему отдавали в науку своих рабов несколько хозяев: у некоего Сальвия Капитона их обучалось двенадцать человек, и только один был его собственностью, остальные принадлежали разным людям (CIL. IX. 465—466). Мы знаем, что Юлий Цезарь имел школу гладиаторов в Капуе, а в судьбоносную ночь накануне перехода через Рубикон он занимался не чем иным, как обсуждением плана здания другой школы — в Равенне, которая в итоге и была построена в короткие сроки. Из его писем следует, что он уделял постоянное внимание обучению все большего количества принадлежавших ему гладиаторов. Некоторые молодые бойцы получали необходимые навыки в домах римских всадников и даже сенаторов, хорошо владевших оружием и часто лично руководивших занятиями (Suet. Caes. 26. 3). В первые века

нашей эры лучшие школы гладиаторов в столице и других городах могли принадлежать только императорам. Среди их выпускников особой известностью пользовались те, кого называли юлианцы и неронианцы, т. е. прошедшие подготовку в школах, основанных Юлием Цезарем и Нероном.

Для начала новичков, оказавшихся в школе, как и молодых легионеров в армии, заставляли выполнять определенные упражнения (рис. 7). Им выдавали сплетенные из прутьев закругленные щиты и палки или деревянные мечи двойного веса по отношению к обыкновенным, чтобы, получив настоящее, более легкое оружие, они сражались спокойнее и быстрее. Такие упражнения формировали сильные руки и плечи. Плиний Старший, рассказывая о проявлениях необычайной силы, писал, что «имевший тощее тело, но необыкновенную силу Тристан, славившийся владением самнитским оружием в боях гладиаторов, и его сын, воин Помпея Великого, обладали мышцами, идущими вдоль и поперек, крест-накрест, по всему телу, на плечах и на руках» (Plin. Nat. Hist. VII. 81—82). Затем начиналась отработка приемов владения мечом на деревянных чучелах высотой в человеческий рост. Как заметил Вегетий в своем трактате «Краткое изложение военного дела», «никогда еще ни на песке арены, ни на поле битвы никто не оказывался непобедимым воином, если он со всем прилежанием не упражнялся и не учился искусству на чучелах...» (Veget. I. 11). Процесс обучения он описывает следующим образом: новичок, нападая на чучело, «старается поразить его в голову и лицо, то грозит его бокам, то, нападая на голени, старается подрезать ему

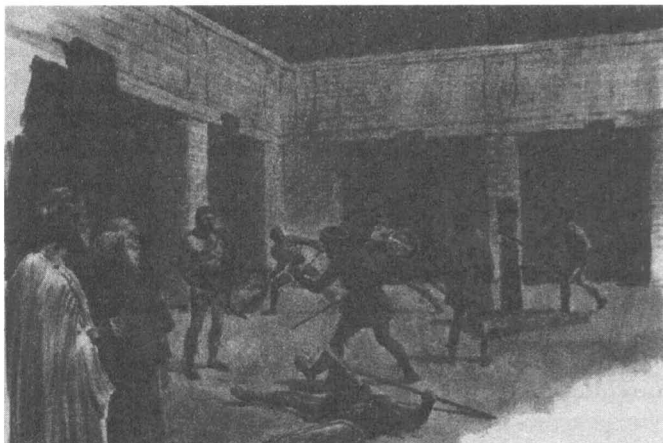

Рис. 7. Занятия в гладиаторской школе (по В. Тарновскому)

подколенки, отступает, наскокивает, бросается на него... При этих предварительных упражнениях всегда особенное внимание обращалось на то, чтобы новобранец, стремясь нанести рану, сам не открывал ни одной части своего тела и не подставлял ее для удара. Кроме того, они учились бить так, что не рубили, а кололи... Удар рубящий, с какой бы силой он ни падал, редко бывает смертельным, так как жизненно важные части тела защищены и оружием и костями; наоборот, при колющем ударе достаточно вонзить меч на два дюйма, чтобы рана оказалась смертельной, но при этом необходимо, чтобы то, чем пронзают, вошло в жизненно важные органы. Затем, когда наносится рубящий удар, обнажаются правая рука и правый бок; колющий удар наносится при прикрытом

теле и ранит врага раньше, чем тот успеет заметить» (Veget. I. 11—12).

После приобретения новичком первых необходимых навыков их совершенствованием занимался более опытный боец. На показательных поединках тщательно анализировались ошибки и промахи учеников. Несколько удачно проведенных сражений давали им право перейти в категорию «ветеранов». Гладиаторов каждого типа разделяли в соответствии с их силой и умением на пять рангов-палусов. В эпитафиях родные или друзья никогда не забывали упомянуть, что умерший был гладиатором высших первого или второго ранга. При жизни это повышало его рыночную стоимость, которая определялась подробными записями по каждому бойцу. В тексте закона 177 г. указаны предельные цены на гладиаторов, проставленные в сестерциях.³ Для начала он предусматривал, чтобы на каждом представлении рядовые гладиаторы стоимостью от одной до двух тысяч сестерциев составляли не менее половины от общего числа участников. Опытные бойцы в зависимости от разряда ценились гораздо дороже — от трех до пятнадцати тысяч сестерциев. И все же разница в их стоимости была не слишком большой, особенно если сравнить гонорары современных футбольных звезд и рядовых спортсменов. Сами выступления гладиаторов в провинциальных амфитеатрах по стоимости делились на пять ка-

³ Чтобы составить представление об их покупательной способности, укажем такие цифры: пятисот сестерциев крестьянской семье вполне хватало, чтобы прокормиться в течение года.

тегорий: от тридцати до двухсот тысяч сестерциев. Столичные представления требовали, конечно, большего вложения денег. Например, будущий император Адриан, заняв должность претора, потратил на игры два миллиона сестерциев (Ael. Spart. Hadr. III. 8). Правда, в эту сумму, очевидно, вошли затраты на приобретение животных и подарки зрителям. Возвращаясь к провинциальным представлениям, отметим, что даже при максимальной стоимости игр на них могли выступить в поединках не более сорока бойцов, т. е. они были сравнительно небольшими.

Если в дальнейшем хорошо обученный гладиатор, демонстрируя на многих играх свои храбрость и ловкость, презрение к боли и смерти, завоевывал расположение народа, то по требованию публики он мог получить свободу, символом которой служил специальный деревянный меч — рудис. Эти способные «завести толпу» люди вызывали всеобщий интерес и восхищение повсюду — от рыночной площади до императорского двора. Юноши из знатных семейств приходили учиться у них фехтованию, да и сами императоры нередко посещали гладиаторские школы. Порой, подвергая себя опасности насмешек, в гладиаторов влюблялись женщины из высшего общества, увлеченные их силой и славой, даже если они не блистали особой красотой. Причем этой страсти нередко отдавались не юные девушки, а вполне зрелые матроны, такие как Эппия, жена сенатора, в одной из сатир Ювенала (Iuv. VI. 103—112):

Что за краса зажгла, что за юность пленила Эппию?
Что увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?

Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак, огромный по самому носу,
Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он, стало быть, схож с Гиацинтом.
Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
Лучше, чем муж: ведь с оружием он!⁴

Конечно, Эппия вымышленный персонаж, но для Рима ее история была вполне реальным явлением. Достаточно вспомнить Фаустину, жену Марка Аврелия, которая, по одной из версий, родила будущего императора Коммода от простого гладиатора. Судя по надписям из Помпей, обитатели гладиаторских казарм пользовались не меньшей популярностью, чем современные спортсмены, киноартисты или музыканты: все знают их имена, карьеру, обсуждают подробности поединков на арене и рисуют их на стенах домов. И все-таки можно было восхищаться гладиаторами и в то же время презирать их ремесло. Выражая именно такого рода устоявшееся мнение, Ювенал считал гладиаторскую школу последней степенью человеческого падения. Когда хотели утешить человека, потерявшего сына, то говорили, что его ожидало неопределенное и, может быть, мрачное будущее:

⁴ В последней строке Ювенал имеет в виду и некий вполне очевидный для римского читателя эротический подтекст, ведь использованное в оригинале латинское слово *ferrum* ('железо') имело и другое значение — «меч». Таким образом, гладиус был синонимом пениса, поскольку ножны меча назывались *vagina*.

а вдруг он стал бы гладиатором? ⁵ Это бросавшееся в глаза противоречие подчеркивал Тертуллиан, когда писал: «Устроители и распорядители игр наказывают бесчестьем и лишением прав тех самых возниц, актеров, атлетов, гладиаторов, которым зрители отдают свои симпатии, а зрительницы, сверх того, и тело, рискуя погубить свое доброе имя и репутацию: им закрыт доступ в Курию и на Ростры, в сенаторское и всадническое сословие, к каким-либо почетным должностям и наградам. Какое извращение! Они любят тех, которых наказывают; презирают тех, кого одобряют; хвалят исполнение, а исполнителя позорят» (Tertul. De spect. 22).

На тренировках требовалось, несмотря ни на что, сохранять самообладание и строжайшую дисциплину. Провинившиеся попадали в карцер, за серьезные проступки их беспощадно наказывали. Большинство гладиаторов терпели такую жизнь, ведь за попытку побега в назидательных целях полагалось распятие на кресте, но в отдельных случаях людьми полностью овладевала мысль о самоубийстве. Как правило, это касалось непрофессионалов, скажем, осужденных на смерть преступников. Так, участники второго восстания рабов на Сицилии 104—101 гг. до н. э., отправленные в римские гладиаторские школы, не желая выступать на арене, перебили друг друга (Diod. Sic. XXXVI). Сенека сохранил рассказ о гладиаторе, который на пути к амфитеатру, где должно было состояться венацио, сломал шею, засунув голову между спиц вращавшегося колеса. Другой нанес себе смер-

⁵ Берд М., Хопкинс К. Колизей. С. 76.

тельный удар, вонзив в горло острую щепку, а один германец покончил счеты с жизнью, засунув в горло губку из уборной, которую использовали в тех же целях, что и современную туалетную бумагу. В какой-то мере чувства человека, испытывавшего страх перед ареной, передает сохранившийся отрывок из риторического упражнения о юноше, случайно попавшем в гладиаторскую школу: «И вот наступил этот день. Публика уже собралась на спектакль, чтобы взглянуть на наши страдания, и люди, обреченные на верную смерть, вышли на арену амфитеатра, образуя процессию в преддверии собственных похорон. Устроитель спектакля, который надеялся снискать себе популярность за счет нашей невинной крови, опустился на свое место... Наставник был невысокого мнения обо мне, и я, несомненно, считался уже покойником. В ожидании своего выхода на арену я с ужасом озирался. Один человек точил меч, другой — нагревал полоски металла (для проверки, не симулирована ли смерть? — *В. Г.*), третий возился с кнутами, видимо, приготовленными для травли зверей... Трубы заливались от радости, предвкушая мою погибель, появились носилки, чтобы выносить с арены убитых, — меня ждал неотвратимый конец»⁶.

В научно-популярной литературе часто встречается мнение о том, что гладиаторские игры в ходе представления превращались в какую-то «кровавую баню». Возьмем для примера такие строки: «Со щемящей ясностью можно представить себе, что творится на арене; от этих ручьев крови, от этих сотен

⁶ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 82.

трупов становится физически плохо»⁷. Пожалуй, это справедливо только по отношению к порой неуклюжим массовым сражениям, в которых заставляли принимать участие осужденных на смерть преступников или военнопленных, недавних врагов Рима. Это была своего рода разновидность массовой казни, где никто, собственно, и не стремился «отпустить» победителей. Для таких бойцов, в подготовку и экипировку которых не было вложено почти никаких средств, существовал особый термин — грегариин. В отличие от них смерть гладиаторов, обладавших большим опытом выступлений на арене, была слишком дорогим удовольствием. К тому же каждый тип гладиаторов, очевидно, имел широкий круг «фанатов», активно выступавших в защиту своих любимцев, если их выход заканчивался случайным поражением. Не избежали этого увлечения и многие императоры. Светоний сообщает, что Калигула покровительствовал фракийцам и даже убавил вооружение их обычным противникам — мирмиллонам, «а когда один из них, по прозвищу Голубь, одержал победу и был лишь слегка ранен, он положил ему в рану яд и с тех пор называл этот яд „голубиным“» (Suet. Cal. 55. 2). Тит, не скрываясь, также объявил себя «поклонником гладиаторов-фракийцев, из-за этого пристрастия нередко перешучивался с народом и словами и знаками, однако никогда не терял величия и чувства меры» (Suet. Tit. 8. 2). Совсем по-другому вел себя, достигнув императорского достоинства, младший брат Тита, Домициан. Он открыто «болел» за мирмиллонов и, услышав

⁷ *Сергеенко М. Е.* Простые люди древней Италии. С. 95.

однажды слова уважаемого человека, отца семейства, который сказал, что гладиатор-фракиец не уступит противнику, а уступит распорядителю игр (т. е. фракиец уступит мирмиллону не потому, что он слабее, а потому, что мирмиллонов император любит больше. — *В. Г.*), приказал вытащить его на арену и бросить собакам, выставив надпись: «Щитоносец (еще одно название фракийцев. — *В. Г.*) — за дерзкий язык» (*Suet. Domit. 10. 1*). Видимо, не избежал этого увлечения и император Адриан, который нередко упражнялся с гладиаторским оружием и сам часто смотрел на гладиаторские бои (*Ael. Spart. Hadr. XIV. 10; XIX. 8*). Еще один высокопоставленный «болельщик» — император Коммод — покровительствовал секуторам.

В данном случае рассуждать на тему о «падении римских нравов» с сегодняшних позиций бессмысленно. Видимо, индустрия гладиаторских игр в Риме была настолько отработана, что практически невозможно было сопротивляться всеобщему опьянению захватывающим зрелищем, которое действовало как наркотик. То, что происходило две тысячи лет назад на арене амфитеатра, увлекало порой даже людей изначально добродетельных. В этом отношении показательна история, рассказанная одним из т. н. отцов церкви Августином (354—430) в сочинении под названием «Исповедь». Среди его учеников был некто Алипий, в характере которого отмечались «врожденные задатки ко всему доброму». Он отправился в Рим изучать право, и там захватила его невероятная жадность к гладиаторским играм, хотя сначала подобные зрелища были ему отвратительны и ненавистны. «Однажды он случайно встретился по дороге со своими друзьями и соучениками, возвращавшимися с

обеда, и они, несмотря на его резкий отказ и сопротивление, с ласковым насилием увлекли его в амфитеатр. Это были как раз дни жестоких и смертоубийственных игр. „Если вы тащите мое тело в это место и там его усадите“, — сказал Алипий, — „то неужели вы можете заставить меня впиться душой и глазами в это зрелище? Я буду присутствовать, отсутствуя, и таким образом одержу победу и над ним, и над вами“. Услышав это, они, тем не менее, повели его с собой, может быть, желая как раз испытать, сможет ли он сдержать свои слова. Придя, они расселись, где смогли; всё вокруг кипело свирепым наслаждением. Он, сомкнув глаза свои, запретил душе броситься в эту бездну зла; о, если бы заткнул он и уши! При каком-то случае боя, потрясенный неистовым воплем всего народа и побежденный любопытством, он открыл глаза, готовый как будто пренебречь любым зрелищем, какое бы ему ни представилось. И душа его была поражена раной более тяжелой, чем тело гладиатора, на которого он захотел посмотреть... Как только увидел он эту кровь, он упился свирепостью; он не отвернулся, а глядел, не отводя глаз; он неистовствовал, не замечая того; наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Он был уже не тем человеком, который пришел, а одним из толпы, к которой пришел, настоящим товарищем тех, кто его привел. Чего больше? Он смотрел, кричал, горел и унес с собой безумное желание, гнавшее его обратно. Теперь он не только ходил с теми, кто первоначально увлек его за собой: он опережал их и влек за собой других» (Aug. Conf. VI. 8. 12—13).

А, собственно, как часто поединок на арене завершался кровавым финалом и какие шансы выжить

были у гладиатора во времена Римской империи? Это во многом зависело от степени его профессионализма и отношения публики к побежденным, ведь по правилам, установленным Августом, бои с установкой на смерть одного из участников надолго попали под запрет. Потерпевший поражение, если рана не была смертельна, имел право просить пощады у народа. Исполнение этой просьбы называлось *missio*. Случалось, что противники оказывались равны по силе и ловкости, тогда опять могли вмешаться зрители и потребовать, чтобы оба бойца были отпущены. О них говорилось, что они *stantes missi*, т. е. избавлены от смерти, когда еще стояли на ногах и могли продолжать бой. В таком финале не было позора поражения. Между тем преступников, осужденных на смерть, если они выступали в роли гладиаторов, помиловать было нельзя.

Результаты ста поединков I в. н. э., проанализированные французским ученым Ж. Виллем, дали следующую картину: шансы остаться в живых, выйдя на арену, примерно 9:1, у проигравшего — 4:1⁸. Получается, что в тот период помилование фактически было обычным явлением. Кроме того, при подборе сражающихся пар учитывался опыт участников: запрещалось выставлять ветерана против новичка. Об одном из отступлений от правил рассказывают помпейские граффити. Речь идет о подвигах некоего Марка Аттилы, который, будучи дебютантом, в вооружении мирмиллона сразился с профессионалом, четырнадцатикратным победителем на арене, и заставил

⁸ *Ville G. La gladiature en occident des origines à la mort de Domitien. P. 318—325.*

его просить пощады. История повторилась через некоторое время с двенадцатикратным победителем Луцием Феликсом. Спустя двести лет, видимо как реакция на сокращение числа выступлений, жестокие нравы снова возобладали. Шансы сохранить жизнь в ходе боя снизились до 3:1, а для проигравших и вовсе в лучшем случае составляли 1:1.

О судьбе и жизненном пути многих профессиональных бойцов мы знаем по надгробным эпитафиям, согласно которым средняя продолжительность жизни гладиатора, безусловно, отличалась от соответствующего показателя для простого римлянина. Если взять в качестве точки отсчета возраст 17 лет, в котором большая часть молодых людей попадала в гладиаторскую школу, то римский гражданин имел все шансы прожить еще лет тридцать, а они — в лучшем случае десять. Конечно, не всем удавалось достичь и этого возрастного предела. Надписи на могильных памятниках гладиаторов скупы на выражение чувств. Обычно в них указывали имя, тип вооружения, родину, число поединков и годы жизни, например: «Македону, фракийцу, новобранцу из Александрии, весь отряд фракийцев. Жил 20 лет, 8 месяцев, 12 дней». Гладиатор Главкон закончил свою карьеру на восьмом поединке, когда ему было двадцать три года. Жена по имени Аврелия и «те, кто любили его», поставили памятник, на котором, судя по всему, приведены последние сказанные им слова: «Мой совет: найди себе собственную звезду. Не доверяй Немезиде. Она обманула меня». Надгробная надпись из Флоренции рассказывает о гладиаторе, который после тринадцати выступлений на арене погиб в возрасте 22 лет, оставив жену и двоих детей, а товарищам дал

напоследок еще один практический совет: «Убивай каждого, кого бы ни победил». Надо сказать, что многие из профессиональных гладиаторов были женатыми людьми и имели детей. Их семьи разделяли все тяготы казарменной жизни, часто связанной с переездами из одного города в другой. Например, одна эпитафия гласит, что погребенный был воспитанником школы в Аквилее, потом начал выступать в соседних провинциальных амфитеатрах, а нашел свою смерть в Далмации, решив померяться силами с гладиаторами школы в Спалато (совр. Сплит). Редко кто проявлял такое благоразумие, как ретиарий Веян, который сразу после освобождения посвятил свои сеть и трезубец в храм, а на заработанные деньги купил поместье, где и умер в собственной постели спустя много лет. Например, удачливый боец по имени Фламма из Сирии за тридцать лет своей жизни участвовал в тридцати восьми поединках, из которых четыре проиграл, но получил *missio*. В описании его судьбы цифра «4» фигурирует еще один раз. Четырежды Фламме вручали деревянный меч как символ освобождения, но он снова и снова возвращался на арену, пока не нашел там свою смерть. Таким людям нравилось показывать во всем блеске свою отвагу, ловкость, мастерство и хладнокровие. Сенека вспоминал мирмиллона Триумфа, недовольного тем, что при императоре Тиберии редки гладиаторские игры и зря пропадают лучшие годы. Младший современник Сенеки, философ-стоик Эпиктет (ок. 50—120 н. э.) в своих беседах упомянул, как императорские гладиаторы жаловались, что слишком редко принимают участие в поединках, и «молили бога и наставников, чтобы им чаще предоставляли возможность показать

себя в деле». Видимо, ветераны чувствовали себя на арене достаточно уверенно. В описании боев одного гладиатора из Кампании отмечено, что, выступая в пределах этой области, он за четыре дня провел двадцать два поединка с лучшими местными бойцами⁹.

Своего рода гладиаторскую элиту готовили четыре существовавшие в Риме императорские школы. Одну из них, так называемую «Большую школу», итальянские археологи обнаружили рядом с Колизеем, связанным с ней подземным переходом. Она вполне оправдывала свое название, так как ежегодно здесь обучались ремеслу гладиаторов всех типов сотни молодых людей. Построенное из кирпича здание, по всей вероятности, насчитывало в высоту три этажа. В центре этого комплекса находился огромный двор с портиком и четыремя фонтанами по углам (рис. 8). В него был встроены небольшой амфитеатр, на девяти рядах сидений которого могло разместиться до 1200 зрителей. Когда наступал момент выхода на арену Колизея, она уже не пугала обучавшегося здесь гладиатора своим непривычным видом. На северной и южной сторонах учебного амфитеатра располагались трибуны для императора или особо почетных гостей. На перпендикулярной оси были открыты два входа, ведущие на арену. В каморках-кубикулах по другим сторонам здания, как считается, могло разместиться до тысячи гладиаторов. Это здание оказалось обозначено на обнаруженных при раскопках фрагментах карты Рима, высеченной на мраморной плите во времена императора Септимия Севера.

⁹ *Ville G. Op. cit. P. 321.*

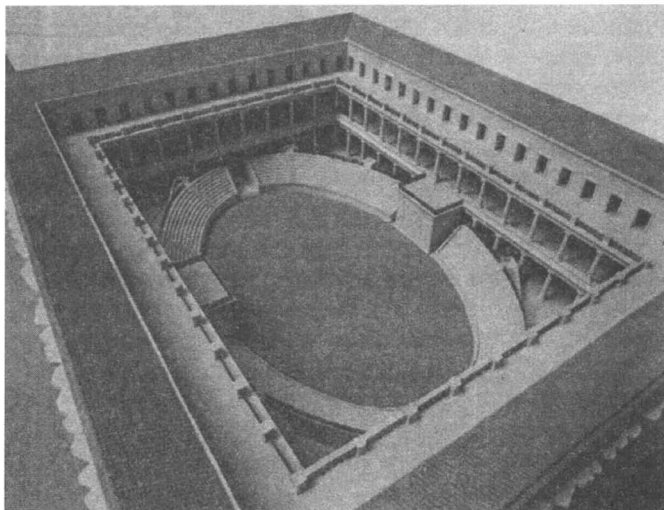

Рис. 8. Большая школа в Риме (макет)

Другие столичные гладиаторские школы отличались конкретной специализацией. В Утренней школе, называвшейся так соответственно времени выступлений, готовили будущих «охотников», бестиариев и венаторов. Последних учили умело действовать копьем, рогатиной или широким и коротким кинжалом — ведь их жизнь постоянно зависела от меткого глаза и твердой руки. Хорошо обученный венатор порой легко справлялся со своими страшными противниками; например, молодой Карпофор убил за один день 20 зверей, за что был прославлен поэтом Марциалом (Mart. Spect. 15). В Галльской школе готовили мирмиллонов, а в Дакийской, по крайней мере на первых порах, обучали кровавому ремеслу пленников, захва-

ченных в войнах с даками. Гладиаторы из этих школ выступали не только на играх, устраиваемых императором. Он мог продать их или отдать внаем и таким образом получить хороший доход для казны.

Сохранились отдельные надписи, позволяющие судить об организационной стороне деятельности такого рода заведений. Во главе каждой школы стояли прокуратор с помощником, в прошлом люди военные или из числа чиновников финансового ведомства. Это были выгодные должности, ведь устроители игр от лица императора могли рассчитывать на заработки не менее 200 тысяч сестерциев в год¹⁰. Они распоряжались целым штатом служащих: хозяйством занимался вилик, учетом доходов и расходов ведал диспенсатор, арсеналом — препозит; мертвецкой, куда попадали убитые или умершие гладиаторы, — куратор. При школе была особая мастерская по изготовлению и починке доспехов (самиарий). Как правило, гладиаторов определенного типа готовили особые мастера фехтования из числа императорских рабов или вольноотпущенников. Иногда среди них встречались специалисты сразу по двум-трем видам вооружения и технике ведения боя.

Особое внимание уделялось поддержанию хорошей физической формы гладиаторов. Об этом заботились опытные массажисты и лекари, так как гладиаторы стоили дорого и их владельцы были заинтересованы в том, чтобы они выступали на арене долго и наиболее эффектно. Ведь больные и изможденные бойцы никогда бы не смогли привлечь внимание пуб-

¹⁰ Для сравнения: годовое жалованье императорского прокуратора в провинции составляло 60 тысяч сестерциев.

лики. Нередко к их услугам были врачи достаточно высокого уровня, например, знаменитый Гален (ок. 130—200 н. э.), в 28 лет получивший соответствующую должность при гладиаторской школе в Пергаме. Позднее, сделав блестящую карьеру при императорском дворе, он не без гордости вспоминал, что при нем «ни один гладиатор не умер от ран, хотя раньше смертей было очень много». В его многочисленных сочинениях чувствуется знакомство с теми проблемами, которые возникали в процессе первоначальной профессиональной деятельности, в частности, по поводу вправления кишок в рану.

Следы тщательного лечения выявлены при анализе недавно обнаруженных близ Эфеса костных останков гладиаторов. То, что шестьдесят семь погребений людей в возрасте от 20 до 30 лет на одном из участков местного некрополя связаны именно с захоронениями гладиаторов, стало ясно из надписей и изображений на надгробных стелах. При изучении найденных там скелетов выяснилось, что многие из погребенных имели при жизни несколько заживших ран, в том числе травмы хотя и серьезные, но, тем не менее, не повлекшие за собой летального исхода. Прежде всего это касается следов от ударов трезубцем по голове и ампутации конечностей, что требовало хирургического вмешательства.

Довольно часто в качестве классического образца провинциальной гладиаторской школы рассматривается постройка, открытая в Помпеях, но это является заблуждением. Настоящая школа была разрушена землетрясением 62 г., и под нее наскоро переоборудовали расположенный близ местного театра четырехсторонний портик дорического ордера, первоначаль-

чально предназначавшийся для прогулок зрителей в антрактах между представлениями¹¹. Находившийся в центре постройки большой прямоугольный двор размерами 55×44 м стал использоваться для тренировок (рис. 9). Пришлось проход в театр заложить, а к колоннаде пристроить жилые помещения в два этажа, освещавшиеся через двери. На втором этаже находились комнаты ланисты и другие помещения, откуда можно было наблюдать за упражнениями новобранцев. Первый этаж предназначался под низкие тесные каморки площадью около 4 кв. м, в каждой из которых размещалось на время сна не более двух человек. Несколько бóльших размеров был карцер, имевший зарешеченные окна и настолько низкие потолки, что выпрямиться в полный рост было невозможно. Под слоем застывших лавы и пепла здесь обнаружили останки четырех человек, прикованных цепями к стене, и ножные колодки. Они представляли собой деревянный брус с прикрепленной к нему железной полосой и кольцами, в которые пропускалась металлическая штанга, наглухо закреплявшаяся тяжелыми замками. Даже несколько часов, проведенных в таком неудобном положении, были мучительны.

Подсобную роль играли столовая и большая кухня, где готовилась обильная и сытная пища, главным образом из ячменной муки и бобов, считавшихся самыми полезными для физического развития тела. Действительно, необыкновенно высокий уровень содержания стронция в костях гладиаторов из Эфеса указывает на то, что они придерживались практически полностью вегетарианской диеты, приводившей,

¹¹ Коарелли Ф. и др. Помпеи. С. 178.

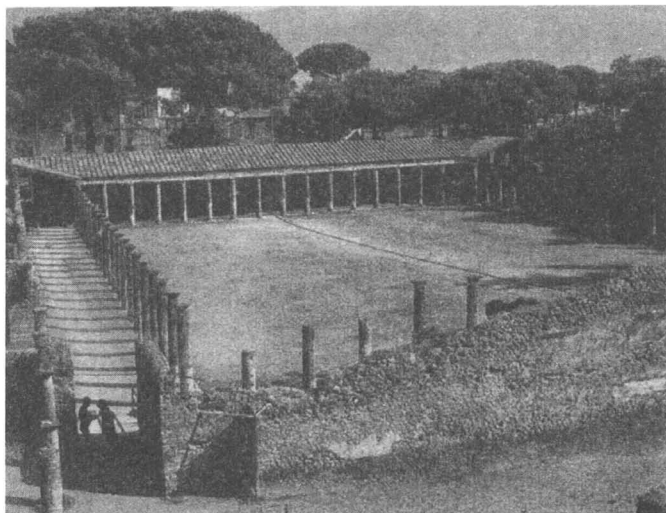

Рис. 9. Гладиаторская школа в Помпеях

правда, к широкому распространению кариеса зубов. Известно также, что стронций гораздо лучше, чем кальций, способствует заживлению костной ткани, при этом прочность костей повышается. Это означает, что у гладиаторов были очень крепкие кости, способные вынести мощные удары на арене. Помимо прочего, растительная пища обеспечивала формирование плотной прослойки подкожного жира, служившего дополнительной защитой в случае проникающего ранения. В этом смысле многие художники-помпьеристы были абсолютно правы, изображая грузные, слегка оплывшие торсы своих любимых персонажей.

Выход из школы всегда находился под присмотром многочисленных охранников. Спокойно миновать его можно было только в день игр, когда местные обитатели отправлялись отсюда, чтобы убивать или быть убитыми. А что же можно сказать о чувствах самих людей, выходявших на арену амфитеатра? В какой-то мере соприкоснуться с миром их мыслей позволяют надписи на стенах казармы. Конечно, большей частью это просто имена, сопровождаемые указанием на число выступлений и побед, но иногда встречаются памятные записи, сплетни и непристойные шутки. Например, некий Флор отмечает, что 26 июля он одержал победу в Нуцерии, а 14 августа — в Геркулануме. Фракийца Крескента его товарищи по казарме называют «господином ночных девиц» и «запоздалым их врачом», а ретиария Келада — «предметом девичьих вздыханий». В связи с этим можно вспомнить распространенную в научно-популярной литературе трактовку находки в помпейской казарме останков богатой дамы в том смысле, что она пришла сюда в день катастрофы на любовное свидание. Правда, тогда непонятно, зачем она принесла очень дорогие вещи? Видимо, в действительности все было гораздо прозаичнее: «...как и другие застигнутые врасплох жители Помпей, эта женщина бежала из города, захватив с собой драгоценности, и попыталась переждать каменный дождь под крышей казарм, однако крыша не выдержала и вскоре рухнула. Так что это не поединок любви и смерти, а печальная история тщетной попытки убежать от разъяренной стихии»¹².

¹² Коарелли Ф. и др. Указ. соч. С. 180.

ТИПЫ ГЛАДИАТОРОВ И ИХ ВООРУЖЕНИЕ

Какие же основные типы гладиаторов сложились к тому периоду, когда в 79 г. н. э. помпейская казарма, раскопки которой дали лучшие из сохранившихся образцы их вооружения, оказалась погребенной под градом вулканических камней и пепла? Каковы были особенности их экипировки, предполагавшие определенную технику боя? Сразу отметим, что относительно вооружения мнения исследователей полностью совпадают не более чем по шести его типам. Дело в том, что к началу первых веков нашей эры отдельные типы гладиаторов, первоначально соответствовавшие народам, враждебным Риму, уже успели исчезнуть или несколько видоизменились. В сохранившихся изобразительных материалах легче всего определяется тип, именованный «ретиарий» (от лат. rete 'сеть'). Он был вооружен сетью диаметром около 3 м, привязанной к запястью веревкой, большим трезубцем с толстой деревянной рукоятью (фусциной) и кинжалом (рис. 10). Из средств защиты у полуобнаженного ретиария были только крепившийся на левой руке многослойный стеганный наруч (маника) из ткани или

Рис. 10. Надгробный рельеф ретиария Марциала. III в.

кожи и пристегивавшийся к нему металлический наплечник (галер), закрывавший отчасти и шею (рис. 11). Низ живота был прикрыт лишь матерчатой набедренной повязкой (сублигакул), которая представляла собой ярко окрашенный кусок ткани в форме равнобед-

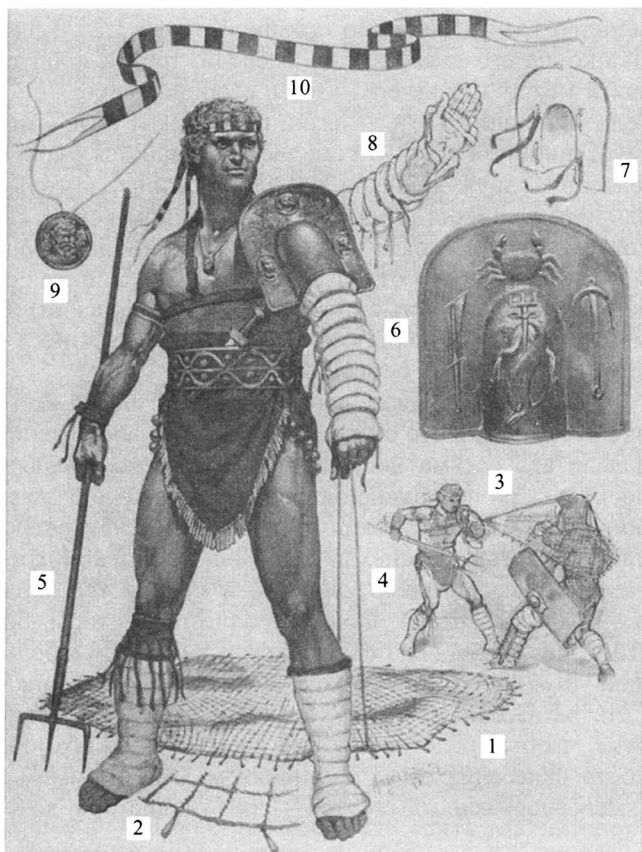

Рис. 11. Ретиарий (по S. Wisdom):

- 1 — сеть; 2 — свинцовые грузики; 3 — действия ретиария в бою;
 4 — длинная веревка сети; 5 — трезубец; 6 — галер;
 7 — крепления галера; 8 — маника; 9 — медальон;
 10 — головная повязка

ренного треугольника со стороной около 1,2—1,5 м. Два конца его завязывались спереди, третий пропущен между ног и через узел и свободно свисал спереди. Верхнюю часть повязки перекрывал пояс (балтеус) шириной до 8—12 см, застегивавшийся сзади с помощью двух крючков на одном конце, которые входили в отверстия на противоположном конце. На кожаной основе пояса традиционно крепились бронзовые пластинки. В отдельных случаях ноги ниже колен защищали толстые стеганные обмотки (фасции) из множества слоев шерсти или льна, закреплявшиеся с помощью кожаных ремешков.

Общий вес снаряжения ретиария составлял всего около 7—8 кг, и это отсутствие тяжелого вооружения делало его весьма непрестижным в глазах римлян, поскольку он постоянно находился в движении, давая повод для издевательских насмешек. Действительно, при отсутствии доспехов ему больше приходилось рассчитывать на свою скорость и проворство. Сражался он, как в основном и прочие гладиаторы, босым¹, что, очевидно, объясняется стремлением к большей устойчивости на песке арены во время поединка. Сеть ретиарий держал в хорошо защищенной левой руке, чтобы предотвратить во время броска возможность нанесения раны противником. Обычно им был тяжеловооруженный секутор — тип гладиатора, кото-

¹ Обувь гладиаторов на скульптурных изображениях и мозаиках мы видим достаточно редко. Впрочем, М. Юнкельман считает, что в данном случае они могли надевать кожаные шнурованные полусапожки без подошвы (*Junkelmann M. Das Spiel mit der Tod. S. 53*).

рый детально будет рассмотрен далее. В случае удачи ретиарий стремился быстрее опутать и повалить его, а затем нанести решающий удар. Если сопернику удалось завладеть сетью, ретиарий кинжалом перерезал веревку на запястье и высвобождался. Эта пара — ретиарий и секутор — напоминала зрителям поединок рыбака и рыбы. Это сравнение усиливалось, когда «рыбака» ставили на высокий помост, куда вели две узкие доски со ступеньками, и ретиарий должен был с помощью собранных в кучки камней защищать его от атаки сразу двух секуторов (рис. 12). Итак, как же выглядел секутор (букв.: 'преследователь')? Его оружие включало шлем, прямоугольный щит (скутум), поножь на левой ноге, манику на правой руке и меч. Шлем обтекаемой формы имел чрезвычайно гладкую поверхность, небольшие, диаметром не более 3 см, отверстия для глаз и округлый гребень в виде плавника рыбы. Соответственно, зацепить его сетью или поразить трезубцем было чрезвычайно трудной задачей. Тактика секутора диаметрально отличалась от образа действий ретиария. Это практически тот же мирмиллон, но с усовершенствованной техникой нападения. Чтобы устранить преимущества противника, он стремился к ближнему бою, но предсказать его исход было невозможно. У Светония есть рассказ о том, как при Калигуле «пять гладиаторов-ретиариев в туниках бились против пяти секуторов, поддались без борьбы и уже ждали смерти, как вдруг один из побежденных схватил свой трезубец и перебил всех победителей» (Suet. Cal. 30. 3). То, что такой вариант развития поединка между ретиариями и секуторами вовсе не являлся исключительным событи-

Рис. 12. Поединок ретиария с секутором на помосте.
II—III вв.

ем, доказывает фрагмент рельефа III в. с надгробного памятника ретиария на Аппиевой дороге. Здесь присутствуют изображения пяти соответствующих пар гладиаторов, причем ретиарии во всех случаях оказываются победителями. Судя по числу убиваемых секуторов, в данном случае представлен бой *sine missio*, т. е. «без отпуска».

Предшественниками секуторов в их противостоянии ретиариям были мирмиллоны (рис. 13), по свиде-

Рис. 13. Терракотовая фигурка мирмиллона

тельству лексикографа периода поздней Империи Феста, ранее именовавшиеся галлами. По мнению одних, галлы появились на арене после завоеваний Юлия Цезаря; согласно другой точке зрения — значительно раньше. В любом случае, оба названия уже в I в. н. э.

стали синонимами. Слово «мирмиллон» происходит либо от названия морской рыбы (*mormyllos*), которая изображалась на шлеме, либо от *murex* ('морская улитка', 'утес'), в обоих вариантах морская тематика налицо. Поединок гладиаторов именно этих типов, как наиболее характерный и впечатляющий, подробно описал Р. Джованьоли в первой главе своего романа «Спартак», хотя изображений ретиариев, относящихся ко времени ранее рубежа нашей эры, так до сих пор и не найдено. Как известно, в романе бой заканчивается смертью проигравшего схватку ретиария, но в действительности, как уже отмечалось, все могло быть иначе. У Валерия Максима, закончившего свой труд под названием «Достопамятные деяния и изречения» около 30 г., сохранился рассказ о поединке между ретиарием и мирмиллоном на гладиаторских играх в Сиракузах, когда именно ретиарий повалил своего противника и собирался добить его кинжалом (Val. Max. I. 7. 8). Даже потеряв сеть, трезубцем он мог нанести удары страшной силы в голову или ноги противника, поймать и выбить из рук клинок его меча или сильно надавить на край щита.

Мирмиллон сражался обнаженным по пояс, что давало возможность продемонстрировать публике мощный торс и игру мышц. Его защитное вооружение было представлено шлемом, маникой на правой руке, короткой поножью на левой ноге и щитом-скутумом. Характерными чертами шлемов мирмиллонов были забрало, широкие поля и огромное украшенное плюмажем из перьев или конского волоса навершие в форме плавника рыбы. Один из них, хранящийся в коллекции Берлинского музея, был даже посеребрен,

подобно рыбьей чешуе, и на солнце, должно быть, представлял собой поистине ослепительное зрелище. Поножь с надевавшимися под нее толстыми стегаными обмотками защищала ногу мирмиллона только ниже колена. Выше защитой служил skutum, укрывавший бойца до самого подбородка. Единственным наступательным оружием был обыкновенный гладиус — который иногда привязывали ремнем к руке, чтобы не выронить при столкновении с противником. В сумме вес вооружения мирмиллона составлял 16—18 кг, из которых до 7,5 кг приходилось на щит. Возможно, этот тип гладиатора, более других по комплекту вооружения соответствовавший римскому легионеру, использовался на арене для воссоздания картины сражений между римлянами и их многочисленными врагами.

Противостоять ретиарию на арене мог и арбелас — гладиатор с экипировкой в виде шлема, чешуйчатого панциря или кольчуги до колен, стеганой или набранной из металлических полос маники на правой руке и коротких поножей на ногах (рис. 14). Шлем обычно имел продольный гребень. Вместо щита в левой руке арбеласа мы видим на сохранившихся рельефах странное орудие в виде трубчатого наруча, завершающегося полукруглым лезвием. Видимо, оно было предназначено для разрезания сети ретиария и парирования ударов его трезубца, а при случае могло нанести противнику страшные рваные раны. В правой руке при этом находился гладиус или кинжал. Общий вес вооружения должен был достигать 22—26 кг. Без щита, с двумя мечами или изогнутыми кинжалами, выступали и димахеры. На дошедшем до

Рис. 14. Рельеф с изображением боя между ретиарием и арбеласом. II—III вв.

нас рельефе из Фригии изображен боец в шлеме с забралом и полями, с поножами и стегаными обмотками на ногах. Его защитное вооружение, детально не проработанное, скорее всего, представляло собой кольчугу, иначе ближний бой для него при наличии двух коротких кинжалов был бы невозможен.

Название еще одного типа гладиатора — гопломах — греческого происхождения и означает «сражающийся оружием». В комплект его снаряжения входило копье в сочетании с коротким мечом или кинжалом (рис. 15). Минимум одежды ограничивался,

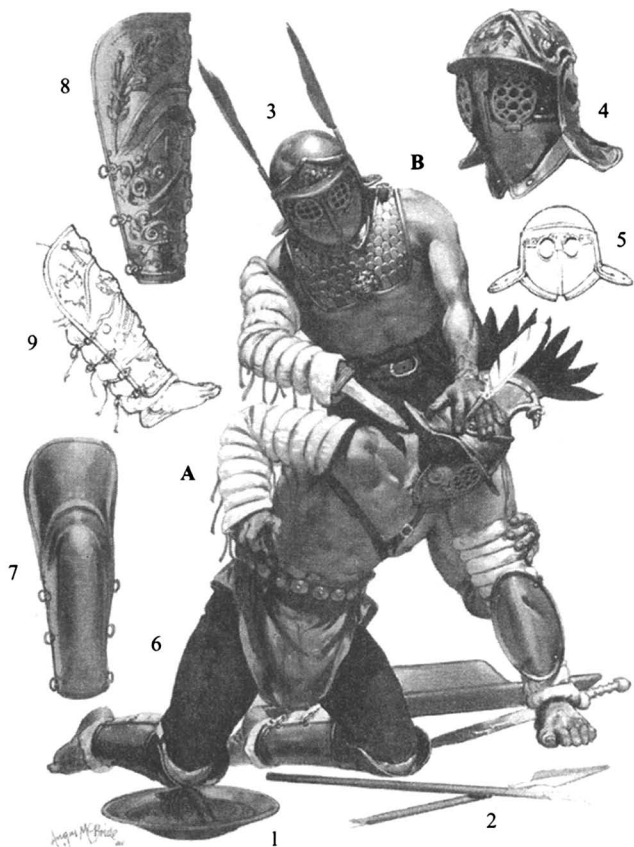

Рис. 15. Гопломах и провокатор (по S. Wisdom):

А — гопломах: 1 — круглая пармула; 2 — копье; 6 — поножи на ногах; 7, 8 — типы поножей; 9 — способ крепления поножей; В — провокатор: 3 — шлем с перьями; 4 — шлем обычного типа; 5 — шлем из Хаукидона (Англия)

как и у мирмиллона, набедренной повязкой и широким поясом. Голову защищал шлем с забралом, широкими полями и наверху, украшенным плюмажем. В боковые стороны шлема втыкались два изогнутых пера. Маленький круглый щит гопломаха диаметром около 45 см имел сильно изогнутую, чашевидную форму. Он изготавливался из толстого листа бронзы и был очень тяжелым, что позволяло использовать его не только для защиты, но и для нападения. В руке, державшей щит, гопломах сжимал короткий кинжал, на правую руку надевалась маника. Небольшие размеры щита компенсировали высокие, доходившие до середины бедра, поножи, надевавшиеся поверх стеганых обмоток, верхняя часть которых скрывалась под набедренной повязкой. Весь комплект вооружения вряд ли весил больше 17—18 кг. В зависимости от вкусов публики, в различных областях империи гопломах обычно выступал в паре с мирмиллоном или фракийцем.

Последний из упомянутых типов гладиаторов появился в Риме довольно давно. Во время войны 87—85 гг. до н. э., которую полководец Сулла вел на Востоке против понтийского царя Митридата VI Евпатора, в римском плену оказалось много служивших в его войске фракийцев. И вот устроителям очередных игр пришла мысль выпустить на арену гладиаторов-фракийцев (рис. 16). Правда, наименование это оказалось достаточно условным, так как «этническим» вооружение фракийцев назвать нельзя. Их можно легко спутать с гопломахами из-за маники на правой руке, стеганых обмоток на ногах, высоких поножей и шлема с полями и забралом, в котором было пробито

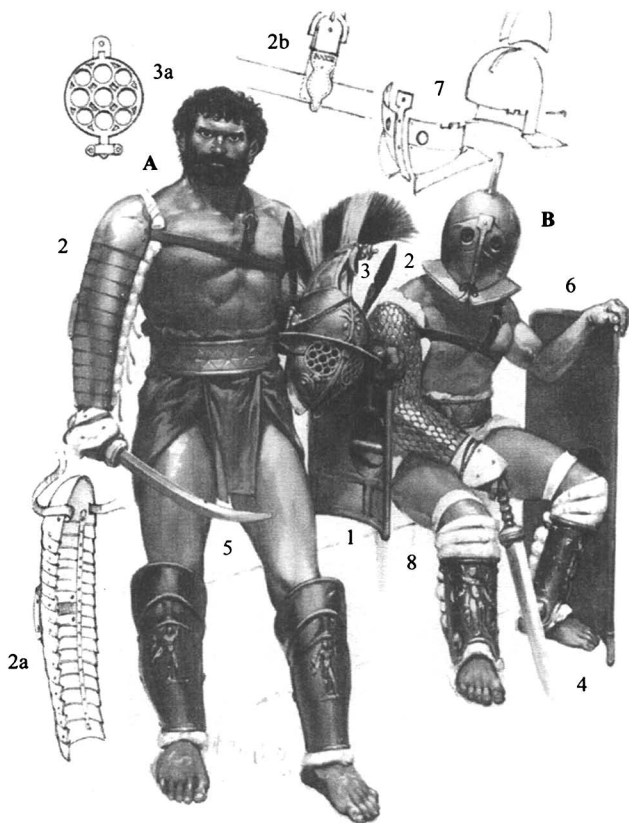

Рис. 16. Фракиец и секутор (по S. Wisdom):

A — фракиец, *B* — секутор; 1 — короткий щит; 2 — маника из металлических пластин; 2а — конструкция маники; 2b — пряжка кожаного ремня для крепления маники; 3 — шлем с гребнем; 3а — решетка отверстия для глаз в шлеме; 4 — гладиус; 5 — сика; 6 — скутум; 7 — конструкция шлема; 8 — поножи

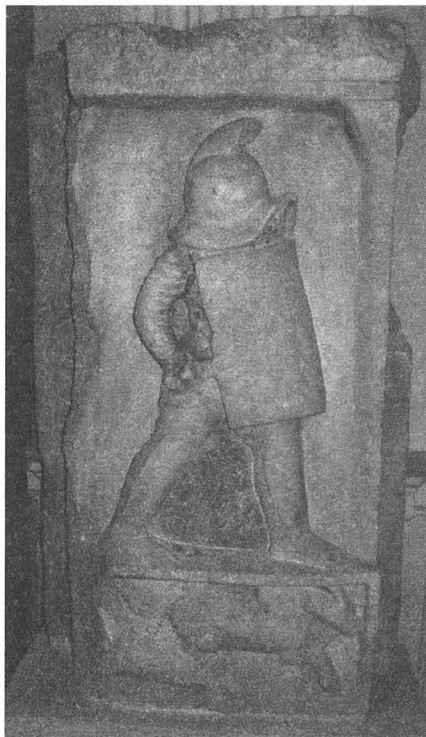

Рис. 17. Мраморный рельеф с изображением гладиатора-фракийца, найденный в окрестностях Смирны в 1867 г.

множество отверстий. Шлем, как правило, имел характерный легко узнаваемый изогнутый гребень (рис. 17), часто в виде головы грифона. Этот мифологический образ символизировал Немезиду, богиню возмездия, небольшие храмы которой имелись во многих местах

античного мира, где проводились гладиаторские бои. Украшением шлема могли служить султан из перьев (креста) или два пера на боковых сторонах. Существенно отличали фракийца маленький щит почти квадратной формы и небольшой кинжал (сика) с лезвием, изгибавшимся под тупым, а иногда и под прямым углом (рис. 16, 5). Тяжесть вооружения у мирмиллона, гопломаха и фракийца была почти одинаковой, но фракиец должен был проявлять большую подвижность, вести маневренный бой. Зрители ждали от гладиаторов такого типа ловких перебежек, точно рассчитанных проворных движений, позволявших с легкостью уклоняться от выпадов соперника или стремительно переходить в атаку. Только быстрота действий, учитывая небольшие размеры щита, могла спасти ему жизнь.

Еще один ранний и очень популярный тип гладиатора — это провокатор, выступавший полуобнаженным (повязка и металлический пояс-балтеус) с маникой на правой руке и высокой поножью на левой ноге. Шлем с нащечниками, как правило, армейского образца, большой прямоугольный щит и меч с прямым клинком напоминали вооружение римского легионера. Бросавшаяся в глаза особенность заключалась в наличии на груди большой металлической пластины (кардиофилакс) в виде прямоугольника или полумесяца, которая крепилась на спине перекрещивающимися ремнями. Со II в. шлем провокатора стал более закрытым, с надежно прикрывающим шею широким задним полем. Нащечники сменило забрало с отверстиями для глаз, закрытыми решетками. Щит отличался от скутума наличием у него вертикального

металлического ребра. Вес вооружения в облегченном варианте составлял 14—15 кг. Обычно провокаторы сражались в паре, и только в отдельных случаях в качестве их противников выступали гладиаторы других типов².

Сходились на арене и легковооруженные гладиаторы-всадники (эквиты). Они начинали бой, используя копья с листовидным наконечником, а когда те ломались, то, оказавшись на земле, продолжали его с помощью коротких мечей. Обычно этот момент и изображался в произведениях античного изобразительного искусства. Голову эквита защищал шлем округлой формы с забралом и широкими полями, иногда с двумя перьями по бокам. Другими защитными элементами были круглый кавалерийский щит (парма эквестрис) из толстой тисненой кожи диаметром около 60 см и маника на правой руке. В начале нашей эры, судя по сохранившимся изображениям, они выступали в чешуйчатых панцирях (лорика сквамата), позднее — в простых подпоясанных туниках без рукавов, с широкими вертикальными цветными полосами. В отдельных случаях ноги всадников были защищены стегаными накладками-фасциями.

Много пока неясного в отношении упоминаемых у ряда античных авторов и в различных надписях эсседариев (колесничих). Сам термин происходит от названия легкой двухколесной кельтской колесницы и входит в употребление, по крайней мере, с середины I в. Соответственно, можно полагать, что бои на колесницах вошли в обиход после 43 г. н. э., когда в пе-

² Носов К. С. Указ. соч. С. 60.

риод правления Клавдия была завоевана Британия. Желание развлечь публику вполне могло побудить императора включить в программу гладиаторских игр необычный для римлян бой на колесницах. Вот как описывал их Юлий Цезарь, первым предпринявший попытку захватить остров: «Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими... И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу» (Caes. De bello gall. IV. 33).

Выступление эсседариев, скорее всего, начиналось с демонстрации искусства управления колесницей, затем, как и в случае с эквитами, конное сражение переходило в поединок пеших бойцов. Не так давно М. Юнкельман предложил отнести к эсседариям изображения тех гладиаторов, экипировку которых нельзя соотнести ни с каким другим типом³. Следуя этому принципу, предпринимали попытки выделить характерные черты их вооружения: шлем без полей с забралом (иногда с двумя перьями), выгнутый овальный щит, маника на правой руке, короткие обмотки на ногах. Дополнительно атрибутировать гладиато-

³ *Junkelmann M. Das Spiel mit der Tod. S. 117.*

ров с выгнутым овальным щитом и соответствующим набором прочего вооружения как эсседариев помогает следующее наблюдение: на тех рельефах, где проработаны детали поверхности этого щита, хорошо виден вытянутый умбон — выпуклая металлическая пластина, связанная с продольным ребром жесткости. Такой щит носил название «тюреос» и стал известен в античном мире благодаря кельтам, к которым относились и галлы, и бритты, и малоазийские галаты. В греко-римском искусстве овальный кельтский щит часто являлся своего рода этнической эмблемой, в данном случае вполне логичной для экипировки типа гладиаторов, связанного своим происхождением с Британией.

Совсем мало сведений о таких гладиаторах, как андабат (сражался вслепую, в глухом шлеме без прорезей для глаз), велит (возможно, с вооружением одноименного легкого пехотинца периода Республики), крупелларий (имел сплошной железный доспех), лакверарий (разновидность ретиария, но вместо сети лассо и короткое копьё), сагиттарий (с мощным сложносоставным луком, в коническом шлеме и чешуйчатых доспехах), самнит (в комплект вооружения, видимо, входили шлем с гребнем, трехдисковый панцирь, большой щит, поножь на левой ноге, копьё и меч).

Отдельно остановимся на такой фигуре из числа выступавших на арене с оружием, как венатор, сражавшийся исключительно с дикими зверями. Экипировка бойца этого типа вплоть до середины I в. н. э. весьма напоминала облачение тяжеловооруженных гладиаторов: из одежды — набедренные повязки или туники, стеганые обмотки на ногах; из защитного

вооружения — поножи, маника, щит (круглый, овальный или прямоугольный), из наступательного — меч и копье. Для характеристики вооружения венаторов на этом этапе наибольший интерес представляет часть рельефа, обнаруженного в Риме, во дворце Орсини, при постройке которого использовали мраморные плиты из театра Марцелла. Сюжет рельефа перекликается с событием, ознаменовавшим торжественное открытие театра императором Августом в 13 г. до н. э. — грандиозным венацио, в котором приняли участие 600 диких зверей. Мы видим здесь бой нескольких венаторов со львом, леопардом и медведем (рис. 18). Один из них, вооруженный мечом, в шлеме открытого типа и чешуйчатом панцире, сбитый с ног львом, лежит на земле. В пасти этого зверя рука другого неудачливого «охотника». Оба венатора в правой части рельефа представлены в туниках с открытым правым плечом, в шлемах с загнутым вперед гребнем, они вооружены квадратными щитами и короткими мечами. Особо отметим еще одну интересную деталь — это показанные на всех животных широкие ремни, соединенные на спине и снабженные кольцом. Дело в том, что в клетках под ареной их прочно привязывали за эти кольца особым способом, чтобы звери не травмировали себя слишком резкими движениями. В данном случае за кольцо толстым канатом привязан медведь, видимо, чтобы уравнивать шансы человека и зверя. Со второй половины I в. н. э. тяжелая экипировка венаторов, не обеспечивавшая ожидаемый публикой драматизм при встрече человека с животным, коренным образом изменилась. Основным облачением их стала туника, на ногах появи-

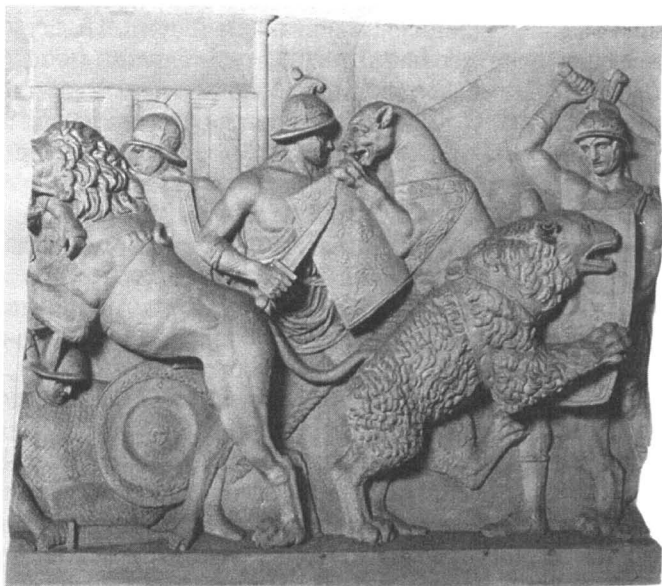

Рис. 18. Мраморный рельеф конца I в. до н. э.
с изображением венаторов

лись короткие фасции, а в качестве единственного оружия использовалось только короткое охотничье копьё (венабул). Позднее, во II в. н. э., для бойцов этого типа входят в моду штаны до колен в сочетании с широким поясом и небольшим орнаментированным нагрудником.

Если подвести некоторый итог, можно сделать такой вывод: доспехи гладиаторов каждого типа имели уязвимые места, но всё было продумано таким образом, чтобы исключить быструю победу и у равнове-

сить шансы противоборствующих сторон. Поэтому во время состязаний не было никакой возможности предугадать по экипировке, кто из гладиаторов сможет победить, что подогревало у зрителей особый интерес к происходящему на арене. Действительно, поразить противника в грудь при защищенных конечностях достаточно сложно, что предполагает эффективное активное ведение боя, большое мастерство и сноровку, иначе искушенной римской публике просто стало бы скучно. Конечно, фехтования в современном смысле этого слова в те времена не было. Использовались в основном колющие удары, для парирования которых применялся щит. Нередко он и сам использовался как средство нападения, чтобы неожиданным ударом его ребра или умбона — выпуклого выступа в центральной части — вывести врага из равновесия (ср.: Тас. Agric. 36). Только два типа гладиаторов в силу отсутствия щита должны были применять парирование клинка клинком — димахер и арбелас.

Наибольшие преимущества в бою для всех типов гладиаторов давала левосторонняя стойка с развернутым под углом 45° к противнику корпусом⁴. Она позволяла как наносить, так и парировать мощные удары, особенно если основным средством защиты был большой щит. Когда ноги были слегка согнуты в коленях, он практически полностью закрывал тело от нижнего края забрала до верхнего края поножей. В этой стойке правая рука с мечом находилась на уровне бедра. Чтобы не открыться, удар на близкой дистанции старались наносить поверх щита либо атаковали,

⁴ Носов К. С. Указ. соч. С. 83—84.

отводя щит и одновременно делая шаг вперед. Использование гопломахами копья предполагало предпочтение дальней дистанции ведения боя, так как при тесном контакте оно становилось бесполезным. Самую серьезную опасность ближний бой представлял для ретиария. В этой ситуации выигрыш даже нескольких мгновений мог обеспечить ему возможность нанести решающий удар трезубцем. Фракиец, наоборот, мог наносить удары за линию щита своим изогнутым кинжалом только в ближнем бою.

Основным оружием гладиаторов, как это явствует из их названия, был гладиус — меч, использовавшийся в римской армии с конца III в. до н. э. Знаменитый «испанский» гладиус имел лезвие длиной 64—69 см при ширине 4,0—5,5 см. Его двусторонний клинок с продольным ребром жесткости и четко выраженным острием позволял не только рубить, но и колоть, что в тесноте боя было немаловажно. В период правления императора Августа его быстро вытеснил гладиус типа Майнц, применявшийся вплоть до середины I в. н. э. Длина клинка в данном случае составляла около 50 см при ширине до 8,7 см. Общая длина меча весом до 1,2—1,6 кг в отдельных случаях достигала 75 см. Позднее получают распространение облегченные гладиусы так называемого помпейского типа весом около 1 кг (рис. 19). Соответственно, их клинок имел меньшие размеры: длина около 45 см при ширине 5—6 см, с острием, грани которого располагались под углом 45°. Во времена поздней Римской империи, с конца II—начала III в., гладиус сменяет длинный меч — спата с клинком длиной до 85 см. Из сохранившихся надписей известно о существовании в этот период мирмилонов-спатариев, провокаторов-спатариев и др.

Наряду с мечами ретиарии и ряд гладиаторов с облегченным вооружением широко использовали кинжалы, которые, если судить по находкам в Помпеях, имели костяные рукояти и широкие прямые клинки ромбовидного сечения длиной около 20—30 см. Такие кинжалы практически мало отличаются от «пугио», принятых на вооружение в римской армии начиная с конца II в. до н. э. О кинжалах с тонким изогнутым лезвием (сика) можно судить лишь по двум образцам с равномерным изгибом по всей длине. Один из них, с небольшой круглой гардой, имеет длину около 60 см, причем 45 см приходится на сам клинок. Другой происходит из римского лагеря в Оберадене и является деревянной моделью с резко выделенной рукоятью и клинком длиной 30,5 см⁵. В обоих случаях обоюдоострые клинки с ребром жесткости предназначены прежде всего для нанесения уколов. После середины I в. н. э. лезвие таких кинжалов стали делать более широким и имеющим резкий перелом под углом 45°, что позволяло их владельцам наносить противнику колющие или рубящие удары.

Не менее распространенным оружием гладиаторов было копье длиной около 2,0—2,3 м, которым

Рис. 19.
Гладиус
из Помпей.
I в. н. э.

⁵ *Wisdom S. Op. cit. P. 49; Junkelmann M. Das Spiel mit der Tod. S. 93.*

пользовались гопломахи, эквиты и венаторы. Найденные в школе гладиаторов в Помпеях бронзовые наконечники копий демонстрируют наличие втулки и листовидного или ланцетовидного пера с выделенным ребром жесткости. По поводу единственного трехлопастного наконечника треугольной формы высказано вполне вероятное предположение, что он является частью трезубца ретиария⁶, длина которого, судя по сохранившимся изображениям, была не менее 1,6—1,8 м. Как известно, ретиарий пользовался также сетью, рассматривавшейся в древности как метательный снаряд, поэтому иногда его называли якулатор (метатель). Вес ее, как показывает реконструкция, составлял от 1,5 до 3,0 кг. Она была круглой с широкими ячейками около 10—20 см и свинцовыми грузиками на концах⁷.

Если наступательное оружие гладиаторов мало отличалось от обычного армейского, то говоря о защитном вооружении, следует отметить для него ряд существенных особенностей. Чтобы в них разобраться, придется обратиться к анализу находок из Помпей. Эта удивительная коллекция включает пятнадцать шлемов, пять пар длинных и шесть коротких одиночных поножей, три наплечника-галера и маленький круглый щит. Большей частью они щедро украшены различными рельефными изображениями, что обусловило появление следующей распространенной точки зрения: это парадное вооружение, которое надевали только для участия в помпе — торжественной

⁶ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 118.

⁷ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 95.

процессии открытия игр. В данном случае приводились такие аргументы: 1) эти предметы вооружения слишком дорогие, чтобы их могли подвергать опасности повреждения; 2) на них нет следов воздействия оружия; 3) они слишком тяжелые для использования в бою; 4) металлическая поверхность с рельефными украшениями не является достаточно прочной, чтобы выдержать сильные удары⁸. Однако эти доводы легко можно оспорить. Нельзя забывать, что гладиаторы были участниками пышных представлений и должны были произвести впечатление на публику, в том числе и роскошью своего вооружения. К тому же преимущественное использование колющих, а не рубящих ударов вряд ли предполагает значительное число повреждений. В шлемах чаще всего должна была страдать решетка забрала, но починить или заменить ее было несложно. Поэтому только на двух помпейских шлемах имеются боевые отметки в виде зарубок или бронзовой заплатки. Что касается веса шлемов, то он действительно варьирует от 2,72 кг до 6,80 кг, что даже при среднем значении в два раза тяжелее шлема римского легионера I в. Но ведь пользовались ими в совершенно разных условиях! Гладиаторы надевали шлем непосредственно перед боем, а не тащили его на себе во время длительного перехода. Непродолжительный поединок на арене нельзя даже сравнивать со сражением, которое могло затянуться на несколько часов. При увеличенном весе шлемов о слабости металла вследствие чеканки рельефного декора также не приходится говорить. Для них исполь-

⁸ Носов К. С. Указ. соч. С. 89.

зовалась листовая бронза, которая по толщине почти в полтора раза превышает ту, что применялась при изготовлении шлемов в римской армии. Таким образом, комплекты так называемого парадного вооружения на самом деле являлись атрибутом обычного выступления на арене, очевидно, периодически меняя владельцев.

Гладиаторские шлемы I в. до н. э., как правило, представляли собой комбинацию беотийского и аттического шлемов, от которых были заимствованы широкие отогнутые вниз поля, а также характерная налобная пластина и широкие нащечники. Следующий этап в развитии шлемов связан с появлением около 20 г. до н. э. забрала. Оно скрывало индивидуальные черты человека и позволяло зрителям лучше сосредоточиться на искусстве боя. Это «обезличивание» оказывало своего рода психологическую помощь и самим гладиаторам, когда приходилось сражаться со своими приятелями по казарменной жизни. Само забрало состояло из двух частей, подвешенных на петлях, и открывалось в разные стороны наподобие створок ворот. Часто имелись специальные круглые отверстия для глаз диаметром около 8 см. Обычно их закрывали съемные пластины с отверстиями. Спереди, на стыке частей забрала, находились защелки для фиксации их на металлической полосе, образующей вертикальное ребро. К концу I в. забрало почти целиком стало состоять из решетки с выступами, входившими в соответствующие прорезы в шлеме. Конструкция шлемов вышеописанных типов характерна только для экипировки мирмиллонов, гопломахов, фракийцев и эквитов. У секуторов и арбеласов диа-

метр глазных отверстий всего 3 см, что было мерой предосторожности против удара трезубцем ретиария. Впрочем, в одной из разновидностей шлема секутора все забрало было покрыто маленькими круглыми отверстиями для облегчения дыхания и расширения сектора обзора.

Если использовать разработанную М. Юнкельманом типологию шлемов, то наиболее ранние образцы I в. имеют горизонтальные поля либо по всему периметру (Кьети G), либо только по боковым сторонам и сзади, образуя спереди выгнутый козырек (Помпеи G). Приблизительно во второй четверти II в. н. э. появился тип шлема (Берлин G), который оставался популярным еще почти три столетия. Он имеет на боковых сторонах и сзади низкие поля, сочетающиеся с резко выделенным обрамлением решетки забрала (рис. 20).

Характерным элементом формы гладиаторских шлемов было навершие. У секуторов и арбеласов оно представляло собой изогнутый полукруглый гребень; в шлеме мирмиллона навершие поднималось сзади вертикально, затем изгибалось почти под прямым углом вперед, имея паз для крепления плюмажа из конского волоса. Шлем фракийца, как и гопломаха, на равномерно изогнутом вперед навершии мог иметь султан из перьев. О шлемах эсседариев можно говорить только предположительно. М. Юнкельман считает, что вначале они имели большое сходство с армейскими типа Маннхайм и Хагенау, но затем стали походить на шлемы секуторов. Единственными отличиями были отсутствие гребня и два пера по бокам тульи. Обычно все шлемы имели отполированную до блеска бронзовую поверхность, которую могли укра-

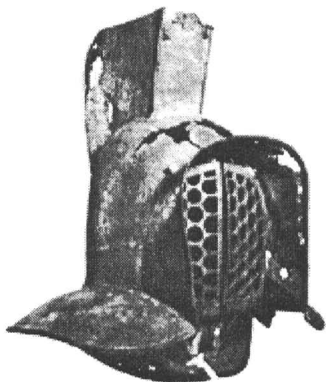

Рис. 20. Бронзовый шлем мирмиллона второй половины II—III в.

сить рельефными изображениями в технике глубокой чеканки или посеребрить. В этом отношении привлекает внимание прекрасно сохранившийся шлем фракийца (тип Къети G) из казармы гладиаторов в Помпеях. Его гребень украшен головой грифона, налобная часть — изображением пальмы как символа победы, а забрало — отчеканенными в невысоком рельефе круглыми щитами и копьями.

Для пышно украшенных шлемов мирмиллонов (тип Помпеи G) характерны прежде всего сюжеты, связанные с мифологическими персонажами.

Защитой руки у гладиаторов — у ретиария левой, а у всех остальных правой — служила маника, обычно изготовлявшаяся из нескольких слоев простеганной материи или кожаных ремней. Она крепилась на руке с помощью многочисленных кожаных ремешков, защищая кисть и большой палец только снаружи. Реконструкция маники с использованием в качестве наполнителя конского волоса показала, что это изделие весит не более 1 кг, хорошо держит рубящий удар и рука в нем достаточно подвижна⁹. С начала

⁹ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 89; *Носов К. С.* Указ. соч. С. 108.

II в. н. э. и вплоть до IV в. были распространены маники чешуйчатой конструкции с металлическими пластинками. Для них использовалась более сложная система крепления: ремни, охватывавшие грудь, спину и левое плечо. Специфическим защитным приспособлением исключительно ретиария был галер — почти квадратный, с округлыми верхними краями бронзовый щиток с выступом для руки и двумя парами петель для привязывания с внутренней стороны. Обычно его высота не превышала 35 см, а вес — 1,2 кг. Предназначение щитка, выступавшего вверх на 12—13 см, заключалось в защите шеи и головы от боковых ударов.

Щиты, входившие в состав вооружения мирмиллонов и секуторов, практически не отличались от известного skutума римских легионеров и менялись в соответствии с изменениями в его конструкции. До начала I в. н. э. skutум имел овальную форму, которая сменилась прямоугольной, полуцилиндрической, обеспечивавшей лучшую защиту для воина. Размеры щитов варьировали от 100—130 см в высоту до 60—80 см в ширину. С учетом обычной практики того времени, можно говорить, что при изготовлении такого рода защитного вооружения для придания ему особой прочности склеивали перпендикулярно друг другу два-три слоя тонких деревянных пластин толщиной около 2 мм каждый. Затем с обеих сторон их обтягивали сначала полотном, потом одним или несколькими слоями плотной кожи. Впрочем, иногда наблюдается и обратный порядок структуры внешнего покрытия. В любом случае обтяжка внутренней стороны была нужна для предотвращения трения ру-

ки о деревянную подложку щита. Представление о конструкции раннего скутума дает находка щита I в. до н. э. из Фаюмского оазиса в Египте. Овальный щит высотой 1,280 м и шириной 0,635 м имел выпуклую поверхность. Основа его была изготовлена из девяти тонких березовых дощечек, склеенных между собой боковыми сторонами. На нее с обеих сторон плотно наклеены узкие (от 2,5 до 5,0 см) пластины из той же породы дерева. С наружной стороны в центре щита железными гвоздями прибита выпуклая накладка — деревянный умбон удлиненной формы. От него отходят треугольные в сечении рейки, образующие продольный гребень. Со всех сторон щит обтягивался тонким слоем войлока из овечьей шерсти. Края внутреннего войлочного покрытия заворачивались наружу и пришивались к дереву, образуя валик шириной 5—6 см. Судя по реконструкции П. Коннолли, вес такого щита мог достигать 10 кг¹⁰.

Единственный сохранившийся экземпляр позднего скутума, датируемый III в., был обнаружен в Дура Европос (Сирия). Края его отделаны сыромятной кожей, пришитой к дереву, хотя чаще их обивали металлической полосой шириной около 5 см, на нее можно было принять рубящий удар (ср.: Polyaen. 8. 7. 2) или использовать ее для того, чтобы нанести противнику удар и сбить его с ног. Толщина края щита была около 6 мм, но к середине он, вероятно, мог утолщаться до 1 см. Изнутри его основа укреплена образующими прямоугольник наклеенными деревян-

¹⁰ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. С. 131.

ными планками. Ручка образована утолщением дополнительной планки, проходящей по горизонтальной оси через центр. С внешней стороны такую рукоять прикрывал металлический умбон. В бою большой щит держали за нее горизонтальной хваткой на вертикально опущенной руке, продетой через специальную петлю. Внешнюю поверхность щита, как в данном случае, могли украшать разноцветными изображениями или орнаментом. Скutum, реконструированный П. Коннолли на основе находки в Дура Европос, весил около 5,5—7,5 кг. Соответственно, использование его в индивидуальном поединке требовало хорошей физической подготовки.

Провокаторы пользовались щитом меньшего веса и меньших размеров — около 70—80 см высотой. Сильно изогнутый небольшой щит фракийцев (пармула) был прямоугольным (около 55×60 см), как правило, без обычного круглого умбона. Очевидно, рукоять в данном случае располагалась вертикально. Реконструированный вес щита составил 3 кг. Помпейский образец круглого бронзового щита гопломаха при диаметре 37 см весил 1,6 кг и был богато украшен серебряной и медной чеканкой в виде двух концентрических лавровых венков и головы горгоны Медузы в центре (рис. 21). Щит удерживался левой рукой, в которой мог находиться и кинжал, тогда как в правой было копье. Несколько больших размеров (диаметром около 60 см) был щит эквитов — парма эквестрис, изготовленный из толстой прессованной кожи. По аналогии с турецкими щитами нового времени, он должен был легко отражать удары, направленные с разных сторон. Круглыми, овальными или

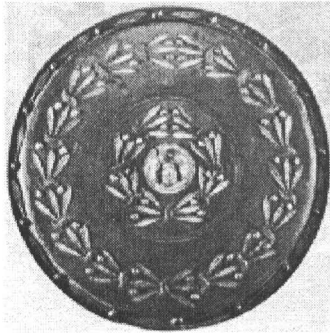

Рис. 21. Бронзовый щит из Помпей

прямоугольными щитами вплоть до середины I в. н. э. снабжали и венаторов. Какая-либо стандартизация в этом отношении отсутствовала.

У нескольких типов гладиаторов в обязательный комплект защитного вооружения входили поножи (окреа), которые в римской армии носили только центурионы. Изготовленные из бронзы

поножи крепились на голени с помощью кожаных ремней, пропущенных через несколько пар колец и завязанных сзади. По-видимому, их длина зависела главным образом от размеров щита, и отогнутый верхний край поножей мирмиллонов и секуторов предохранял ногу от ударов его нижней кромки. С другой стороны, удивляет отсутствие поножей у не имевших щита арбеласов и димахеров, а также у сражавшихся в качестве всадников эсседариев и эквитов. При этом мирмиллоны, секуторы и провокаторы имели поножь только на левой ноге, и если она была короткой, то обязательно снабжалась высоким округлым вырезом под верхнюю часть стопы. В свою очередь, высокие поножи имели выпуклость для коленной чашечки. Роль подкладки играли стеганные обмотки (фасции) весом, судя по реконструкциям, до 3,5 кг. Наличие примерно на половине поножей коротких надписей из нескольких букв — NCA, NER,

NER.AVG — указывает, скорее всего, на то, что они были изготовлены в мастерских при гладиаторской школе Нерона, пускавших в продажу часть сделанного оружия. Наличие сразу на десяти других предметах одной надписи MCP заставляет предполагать в человеке, который скрывается за этой монограммой, либо мастера-оружейника, либо местного ланисту¹¹. Поверхность гладиаторских поножей зачастую покрывал богатый рельефный декор, например, на одной из них изображены голова бога вина и виноделия Диониса, свойственные ему атрибуты и головки его спутников — сатиров и менад.

¹¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 112—113.

ГЛАДИАТОРЫ НА «СУШЕ» И НА «МОРЕ»: РИМСКИЕ АМФИТЕАТРЫ И НАВМАХИИ

Для выступлений гладиаторов были предназначены специальные архитектурные сооружения — амфитеатры и навмахии, тип которых сложился далеко не сразу. Первые амфитеатры появились в той области Италии, где, собственно, и начали проводить гладиаторские игры, — в Кампании. Здесь во второй половине II в. до н. э. были впервые опробованы казавшиеся наиболее приемлемыми инженерные решения в отношении предназначенных для этого зданий. Некоторые из них использованием естественного рельефа местности при сооружении мест для зрителей еще довольно близко напоминали греческие театры. В то же время новым конструктивным подходом стало применение арочных перекрытий с опорой на радиальные линии стен, расходящихся от центральной площадки. В данном случае главной задачей было обеспечить возможность наибольшему числу зрителей увидеть происходящее на арене. Это обстоятельство в конечном итоге обусловило выбор эллиптической формы здания, которая, помимо всего прочего,

допускала большую маневренность участников зрелищ. Самыми ранними постройками, относящимися к прототипам амфитеатров, стали сооружения в Теане, Капуе, Литерне и Кумах. Следующим по времени возведения является достаточно хорошо изученный амфитеатр в Помпеях (ок. 70 до н. э.), наглядно демонстрирующий, что к тому времени данная архитектурная форма почти окончательно сформировалась. В памятной надписи говорится, что его воздвигли на собственные средства Гай Квинтий Валг и Марк Порций в благодарность за избрание их в квинквены и «отдали это место на вечное владение» жителям города¹. Правда, для обозначения такого щедрого дара в тексте надписи использован термин «спектакула», что буквально значит «здание для представлений». Его конструкция в форме эллипса (136×104 м) довольно оригинальна: во избежание расходов на слишком высокую внешнюю стену арена размерами 66,7×35,0 м и 35 рядов зрительских мест вместимостью 20 тысяч человек наполовину были углублены в землю (рис. 22). Вынутый при этом грунт использовали для земляного вала под трибунами. Его подпирала массивная кладка с мощными контрфорсами. Для восточной части здания естественной опорой стала городская стена. На арках, переброшенных между контрфорсами, покоилась крытая галерея, по которой зрители добирались до верхних рядов. Снизу сюда вели шесть лестниц, пристроенных снаружи к контрфорсам и также опиравшихся на арочные конструкции.

¹ *Сергеенко М. С. Помпеи. С. 262.*

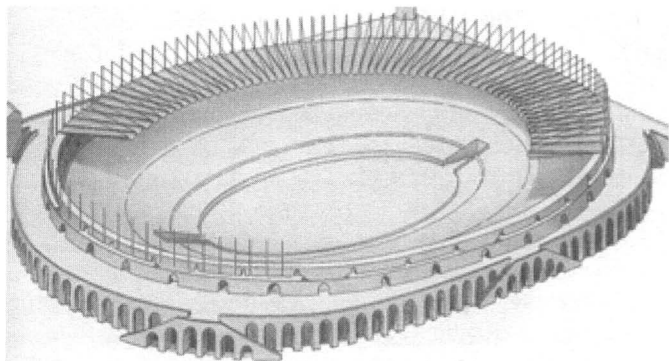

Рис. 22. Реконструкция амфитеатра в Помпеях

Чтобы избежать толкотни и давки в толпе зрителей, спешащих занять или покинуть свои места, помпейские архитекторы остроумно использовали внутренние коридоры и наружные лестницы. Из шести входов два, каждый шириной 5 м, вели прямо на арену. Через них входили гладиаторы, здесь же выпускали зверей. С западной стороны, где амфитеатр подходил слишком близко к городской стене, вход повернули под прямым углом в сторону арены. Параллельно ему с той же стороны сделали два узких прохода в коридор, идущий вокруг всего здания под нижними рядами второго яруса, и два таких же прохода устроили с противоположной стороны. Коридор этот не был сквозным: по центру большой оси его с обеих сторон перегородили глухой стеной. Таким образом, толпа разбивалась на два потока и расходилась по рядам первого и второго ярусов, куда из коридора вели лестницы. Первый ярус предназначался для пред-

ставителей городских властей и знати, а также прочих официальных лиц. Находившиеся здесь широкие ступени, видимо, заставлялись переносными скамьями. Великолепно сохранившийся высокий парапет отделял их от зрительских мест на втором ярусе, куда всех желающих пускали за деньги. На третий, бесплатный, ярус, где всегда толпился народ, можно было либо подняться со второго яруса по лестницам, делящим внутреннее пространство амфитеатра на отдельные секторы-клинья, либо, что было гораздо удобнее, спуститься на него с верхней террасы. В случае необходимости использовался узкий и темный выход прямо с арены наружу: своеобразная «дверь смерти», через которую выносили тела павших гладиаторов и трупы животных. Маленькая комната рядом с этим проходом, скорее всего, использовалась как споларий или пункт оказания первой помощи. От первых рядов зрительских мест арену отделяла узкая двухметровая стена, на которой, видимо, крепилась металлическая решетка, служившая защитой от диких зверей. Первые исследователи помпейского амфитеатра еще могли видеть на поверхности этой стены росписи со сценами из жизни гладиаторов и изображениями травли зверей. Один из самых интересных сюжетов связан с подготовкой к бою: два соперника стоят напротив друг друга в присутствии судьи, очерчивающего место поединка на песке, а рабы уже готовы помочь бойцам надеть их доспехи². Крышу над амфитеатром заменял тент (веларий), который периодически натягивали в жару или в дождь. Как писал

² Носов К. С. Указ. соч. С. 142—144, 175.

один из римских поэтов, такой тент «похищал сидящих под ним у дневного света и погружал в забавы». В целом углубленное в землю здание помпейского амфитеатра выглядит скромным и приземистым. Другие сооружения такой конструкции неизвестны, ведь, как правило, римские амфитеатры возводились на ровной поверхности независимо от строительного материала.

Сама столица государства, несмотря на огромную популярность различного рода зрелищ, долгое время не имела постоянного сооружения, предназначенного для гладиаторских игр. Но если еще раз вспомнить политическую подоплеку организации этих представлений, то становится понятной консервативная позиция сената, который долгое время считал строительство долговременных зрелищных зданий в Риме противоречащим общественным интересам. В дальнейшем, когда судьба Республики оказалась в руках нескольких влиятельных политиков, прежние ограничения быстро утратили свое значение. Как известно, первый театр, возведенный из камня, появился в пределах городской черты лишь в 55 г. до н. э. благодаря влиянию и богатству Гнея Помпея, устроившего там для начала надолго запомнившиеся звериные травли. Всего через два года построили и первое здание амфитеатра классической формы³. Произошло это следующим образом. У Плиния Старшего сохранилось известие о гладиаторских играх, устроенных Гаем Скри-

³ Вскоре появился и соответствующий термин, впервые употребленный Витрувием в его труде под названием «Десять книг об архитектуре» (Vitr. VII. 1).

бонием Курионом в память об умершем отце, бывшем консуле и известном ораторе. Молодой патриций построил для них, с точки зрения Плиния, совершенно «сумасбродное сооружение... Он соорудил вплотную друг к другу два обширнейших театра из дерева, каждый из которых держался на вращающейся на оси уравновешенной плоскости, и после того как кончалось дополуденное представление зрелищ в обоих театрах, обращенных сценами в противоположные стороны, чтобы не заглушать друг друга, он, вмиг повернув их, причем после первых дней, как известно, даже с некоторыми сидевшими, и сомкнув их углы между собой, превращал в амфитеатр и устраивал сражения гладиаторов» (Plin. Nat. Hist. XXXVI. 116—120). Конечно, для зрителей это оказалось полной неожиданностью и, несомненно, вызвало бурный восторг. Стоит отметить, что Курион, показавший народу яркое и необычное зрелище, сумел-таки получить от него определенные дивиденды: почти сразу он был избран народным трибуном, а впоследствии стал проконсулом Сицилии и занимал высокие военные посты, пока не погиб в гражданской войне, сражаясь на стороне Юлия Цезаря в Северной Африке против помпеянцев. А в 46 г. до н. э. уже сам могущественный диктатор озаботился возведением для народа деревянного амфитеатра, над которым для защиты зрителей от солнца был натянут такой огромный тент, что, по словам Плиния Старшего, он выглядел великолепно сам по себе.

Скоро пришло время и для каменных построек подобного рода. Первый такой амфитеатр, еще наполовину деревянный, был сооружен в 29 г. до н. э. на

Марсовом поле. В тот год один малоизвестный полководец, зато богатейший человек по имени Статилий Тавр завершил успешный военный поход в Северную Африку и, как знак благоволения императора Августа, получил разрешение провести гладиаторские игры. Единственным условием было возведение для них постоянного сооружения. Дион Кассий, скептически описывая это, судя по всему, весьма скромное здание, обозвал его «театром для псовой охоты» (Dio Cass. LI. 23. 1). В дальнейшем ни Август, ни его преемники никогда не использовали эту непритязательную и далеко не вместительную постройку для официальных представлений. И все же с тех пор новая архитектурная традиция в Риме практически не прерывалась, хотя для проведения масштабных зрелищ в период правления императоров от Августа до Калигулы часто предпочитали использовать Септу на Марсовом поле. Там же, всего за один год, император Нерон выстроил грандиозный деревянный амфитеатр (Suet. Ner. 12. 1).

За пределами Вечного города подобные деревянные сооружения не всегда отличались достаточной надежностью. Порой это приводило к трагическим последствиям. Так, в 27 г. в Фиденгах, маленьком городке под Римом, некий вольноотпущенник Атилиий решил построить амфитеатр, «предприняв это дело ради грязной наживы». Он правильно рассчитал, что не избалованные при императоре Тиберии зрелищами римляне толпой хлынут на выступления гладиаторов и богатая прибыль для него будет обеспечена. Действительно, наспех возведенное сооружение оказалось переполненным до отказа, но прямо на представлении

ряды сидений рухнули. В итоге погибло больше 20 тысяч человек и около 30 тысяч было перекалечено (Тас. Анн. IV. 52—53). Специальное решение сената по данному поводу гласило, что теперь строительство возможно только после предварительного обследования грунта, а чтобы исключить стремление к экономии средств, был введен запрет на проведение гладиаторских игр для тех, чье состояние оценивалось в сумму менее 400 тысяч сестерциев. Впрочем, вряд ли это постановление касалось тех, кто был занят только организацией зрелищ, ведь гладиаторские бои можно было провести и просто на городской площади или на каком-нибудь другом ровном месте. Известно, что император Вителлий в 69 г. н. э. продал своего любимца Азиатика бродячему ланисте (Suet. Vit. 12), хотя большие деньги у него явно не водились. Так или иначе, число амфитеатров быстро росло: к концу I в. н. э. только в ближайшей к Риму области Лаций их было по крайней мере 14, в Кампании — 9. И это неудивительно: муниципальные магистраты и, наконец, просто богатые и влиятельные люди не упускали случая развлечь сограждан в благодарность за избрание или из желания сохранить их доброе расположение

Со временем одним из символов римской цивилизации становится именно амфитеатр. Самым грандиозным из них по праву считается сооружение, вошедшее в историю архитектуры как амфитеатр Флавиев. Это название связано с династией правителей Рима, начало которой было положено вышедшим из военной среды императором Веспасианом (69—79 н. э.). Другое всем известное название — Колизей (от итальян-

янского colosso 'огромный') вошло в употребление гораздо позже, не ранее VII в., поскольку рядом находилась гигантская статуя из позолоченной бронзы, не уступавшая по своим размерам (около 35 м) знаменитому Колоссу Родосскому, одному из семи чудес света. Когда-то она изображала Нерона (Suet. Ner. 31. 1), а потом, будучи дополнена лучистой диадемой, — бога солнца (Mart. De spect. 2) ⁴. Дело в том, что строительство амфитеатра развернулось на месте искусственного озера, вырытого когда-то в садах так называемого «Золотого Дома», грандиозного дворца Нерона, занимавшего в центре города территорию площадью 120 га. Это место было выбрано не случайно: в Риме последовательно уничтожались памятники, связанные с именем ненавистного жителям столицы императора. Кроме того, новому владыке государства, чтобы укрепить династию, было необходимо добиться расположения народа. Самым простым решением вопроса стало возведение в столице нового постоянного сооружения для массовых развлечений, ведь оба римских амфитеатра, каменный — Статилия Тавра и деревянный — Нерона, сгорели во время великого пожара 64 г. н. э. Сначала озеро в ложбине между холмами Веллий, Эсквилин и Целий осушили и заполнили раствором, напоминающим современный бетон. Глубина созданного таким образом фундамента составила 13 м, что изначально гарантировало необыкновенную прочность и долговечность всего сооружения в целом.

⁴ При Адриане ее передвинули поближе к амфитеатру с помощью платформы, в которую запрягли двадцать четыре слона (Ael. Spart. Hadr. 19).

Финансовые и людские ресурсы для грандиозной стройки, начатой в 72 г. н. э., были обеспечены благодаря успешному завершению Иудейской войны. Недавно этому нашлось археологическое подтверждение: на одной из каменных плит, окружавших арену, удалось обнаружить следы прикрепления бронзовых букв, которые сложились в надпись: «Император Веспасиан повелел возвести этот амфитеатр за счет военной добычи»⁵. Военнопленные, обращенные в рабство после взятия Иерусалима, добывали и основной строительный материал — местный белый известняк-травертин, прочный и достаточно декоративный. Каменоломни в Тибуре, где они работали, соединили со столицей империи специальной дорогой, которую проложили 30 тысяч рабов-иудеев. В общей сложности за десять лет по ней было доставлено на место строительства около 100 000 м³ камня. Итогом этой стройки стал самый вместительный и красивый амфитеатр античного мира, открывшийся для проведения первых игр в 80 г. н. э. при императоре Тите, который показал народу много удивительных вещей. «Бились друг с другом... четыре слона, было убито около 9 тысяч животных, домашних и диких, и женщины, правда незнатные, принимали участие в их избиении. Много мужей вступало в единоборство, многие же сражались сомкнутыми рядами в пешем и морском боях» (Cass. Dio. LXVI. 25).

На примере Колизея можно рассмотреть основные элементы конструкции римского амфитеатра (рис. 23). Он имеет форму эллипса с размерами по диагоналям

⁵ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 36—37. Рис. 7.

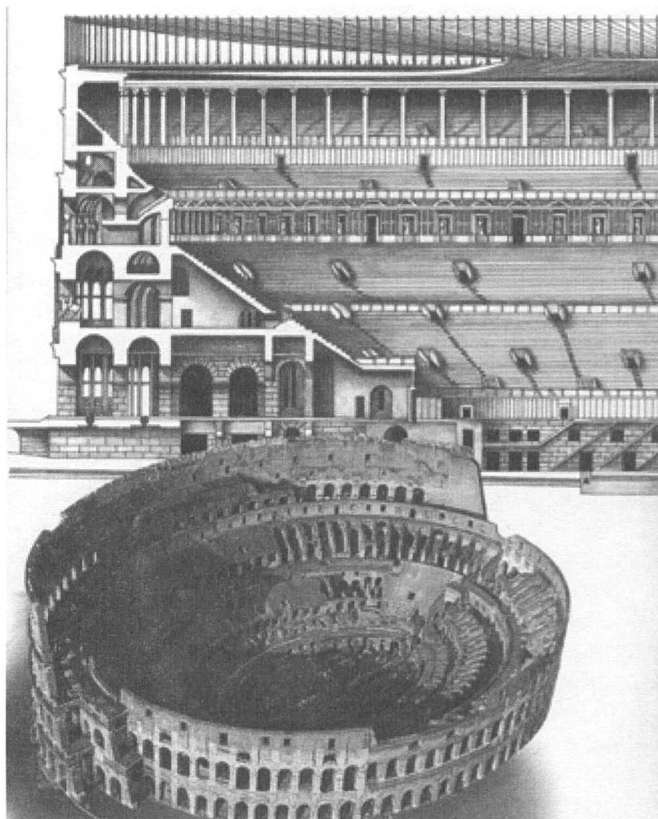

Рис. 23. Амфитеатр Флавиев (Колизей).
Общий вид и разрез

188 и 156 м и внешним периметром 527 м. Внутри, как бы на дне огромной чаши, находится овальная арена размером 86×54 м. Каркас здания составляют

восемьдесят радиальных и семь кольцевых стен, которые держат конструкцию зрительских мест. Внешняя стена сооружения, в полную высоту сохранившаяся только с северной стороны, делилась на три арочных яруса, в каждом из которых были использованы полуколонны разных архитектурных ордоров: в первом — сдержанного тосканского, во втором — изящного ионического, в третьем — нарядного коринфского. В проемах второго и третьего ярусов стояли мраморные статуи. Позднее высота внешней стены, после надстройки ее до четвертого яруса, составила 52 м. Верхний ярус расчленен на ряд секций, выделенных легкими коринфскими пилястрами, между которыми через равные промежутки прорезаны окна и когда-то были набиты круглые бронзовые щиты. При таком расположении по вертикали различных архитектурных элементов здания его низ зрительно несет на себе основную нагрузку, облегчая верхнюю часть.

Первый этаж включал 80 пронумерованных арок, через которые можно было попасть в определенный сектор амфитеатра. Два прохода (вомитория) на его длинной оси предназначались для участников представлений. Один из них, называвшийся Порта Триумфалис, служил для выхода победителей, через другой — Порта Либитина, посвященный богине смерти и похорон, выносили мёртвые тела. На короткой оси сооружения находились два входа для привилегированных посетителей, а благодаря остальным огромная масса зрителей всего за пять минут могла оказаться на пронумерованных местах, рассчитанных примерно на 60—70 тысяч человек, а после представления покинуть их без давки, не теснясь и не толкаясь.

В немалой степени этому способствовали четыре круговых коридора на первом этаже, которые вели не только к лестницам, но и к приспособленным для отдыха помещениям, где били струи фонтанов. Надо сказать, что при отсутствии эффективной водопроводной системы скопление огромных масс людей в амфитеатре было бы немыслимо. Недавние исследования позволили восстановить тщательно продуманную схему водоканализационных коммуникаций, которая обеспечивала работу не только фонтанов, но и многочисленных общественных уборных. Всё это говорит о высоком инженерном и архитектурном уровне конструкции сооружения в целом.

Сидения для зрителей, расположенные в гигантской воронке амфитеатра, разделялись на несколько ярусов, представляя собой как бы срез древнеримского общества в миниатюре. Наиболее привилегированными местами считались ложи с отдельными входами. Сохранилась только северная из них, предназначенная для магистратов и устроителя игр. Напротив находилась императорская ложа, к которой был проложен подземный ход, начинавшийся где-то к востоку от Колизея и прослеженный на протяжении около 40 м. При этом установлено, что он имел богатую внутреннюю отделку — покрытые мрамором стены и мозаичные полы. Таким образом, император мог попасть в свою ложу либо через парадный вход, либо пройдя по подземному переходу.

Самый нижний ярус из четырех рядов мраморных сидений предназначался для девственных весталок — жриц богини домашнего очага Весты, сенаторов и членов их семей. Второй, состоявший из восьми ря-

дов, — для состоятельных граждан из сословия всадников, а третий — для простого люда и женщин. Четвертый ярус представлял собой деревянную трибуну, отделенную от остальных большой галереей. Здесь, на самом верхнем уровне, помимо зрителей, располагались моряки императорского Мизенского флота (*Classis Miseniensis*), управлявшие огромным льняным веларием, покрывавшим Колизей сверху для защиты трибун от непогоды или яркого света. Этой цели служила сложная конструкция из опиравшихся на специальные кронштейны 240 мачт, на которых растягивались гигантские полосы материи, перемещавшиеся в зависимости от положения солнца. По сообщениям современников, они были окрашены в самые различные цвета — от желтого и голубого до красного и пурпурного — и представляли собой весьма красочное зрелище.

Восьмилетняя реставрация Колизея, завершившаяся в июле 2000 г., позволила получить более четкое представление о его высоких акустических и визуальных возможностях, особенно в отношении мест сенаторов и всадников. С нижних рядов расположенных выше мест для простых зрителей также достаточно четко различались фигуры сражающихся на арене людей. Только с последних рядов обзор был несколько затруднен и вряд ли удавалось хорошо слышать крики глашатаев и звуки музыки. В таком случае средством опознавания конкретных участников игр служили яркие одежды и сверкающее вооружение гладиаторов⁶.

⁶ *Сергеенко М. С. Помпеи. С. 262.*

Арена Колизея имела овальную форму размером 76×44 м и представляла собой деревянный настил, покрытый песком для впитывания крови и мочи. Иногда его могли окрашивать с помощью сурика или горной зелени в красный или зеленый цвет (Suet. *Ca-lig.* 18. 3; *Pl. Nat. Hist.* XXXIII. 27.90). Под ареной первоначально находились приспособления для заполнения внутреннего пространства амфитеатра водой из близлежащих водоемов в тех случаях, когда давались представления на мифологические сюжеты, устраивались с использованием моделей кораблей имитации морских сражений или охоты на водных животных — крокодилов и гиппопотамов. Затем, около середины II в. н. э., под ареной соорудили целый комплекс подземных помещений (гипогеум) высотой от 5,50 до 6,08 м, разделенных специальными проходами, а также клетки для диких зверей. Два подвальных коридора делили все пространство под ареной на четыре части. Центральный коридор находился на главной оси здания. Отсюда начинался проход, который вел в так называемую «Большую школу» для подготовки императорских гладиаторов.

Обширный гипогеум был открыт археологами в начале XIX в., в годы оккупации Рима наполеоновскими войсками. По площади он намного превосходит саму арену, так как по краям подземелья располагались вместительные склады декораций и оружия, комнаты для переодевания и для обслуживающего персонала. Судя по надгробным надписям, среди тех, кто обеспечивал проведение зрелищ, были врачи, оружейники, архивариусы, посыльные, привратники, смотрители за дикими животными. Специальные служи-

тели помогали гладиаторам надевать доспехи и готовить оружие перед выступлением, а массажисты постоянно поддерживали их спортивную форму. Большую роль в период проведения игр играл оркестр, который пронзительными звуками оповещал зрителей о различных моментах состязаний. Сначала ведущая роль в оркестре принадлежала горнисту и трубочу, а в период правления Нерона к ним добавился музыкант с гидравлическим органом.

Во время утренних представлений с помощью 60 лифтов, каждый из которых обслуживали восемь человек, животных или декорации с людьми, их устанавливающими, в считанные минуты доставляли наверх, почти до уровня арены. Подъем шел либо по вертикали (клетки с животными), либо по наклонным брускам под углом около 30° (платформы с декорациями). Еще один ряд подсобных помещений размещался в галерее, называвшейся «карцер», непосредственно вокруг арены. Для безопасности зрителей арену окружала стена высотой до 4 м, но, разумеется, этого было мало и, судя по найденному в Колизее граффито, ее дополняла металлическая решетка.

Отдельной мерой безопасности могло стать размещение по всему амфитеатру солдат, препятствовавших возникновению беспорядков из-за столкновений болельщиков. О том, какого накала могли достигать страсти в такой момент, свидетельствует характерный эпизод из истории Помпей, удостоившийся упоминания в «Анналах» Тацита: «Начавшись с безделицы во время представления гладиаторов... вспыхнуло жестокое побоище между жителями Нуцерии и Помпей... Задирая сначала друг друга насмешками и

поношениями, они схватились затем за камни и наконец за оружие, причем взяла верх помпейская чернь, в городе которой давались игры. В Рим были доставлены многие нуцерийцы с телесными увечьями, и еще большее их число оплакивало гибель детей или родителей» (Тас. Ann. XIV. 17). В итоге разбушевавшиеся помпейские «фанаты» были наказаны запретом на организацию гладиаторских игр в течение долгих десяти лет. Правда, три года спустя это жесткое решение было отменено, возможно, в связи с поразившим город мощным землетрясением 62 г. н. э., ставшим предвестием уничтожившей его катастрофы. Один из помпейских гладиаторов, успевший обзавестись собственным домом, заказал художнику представить стычку между помпейцами и нуцерийцами в настенной росписи. Здание амфитеатра изображено на фреске с высоты птичьего полета. Мы можем видеть сцену боя на арене, натянутый над частью зрительских мест веларий, вокруг скопище различных лавок со всякой снедью и мелкими товарами для пришедших на представление людей, и буквально повсюду — дерущихся горожан. Вероятно, такие кровавые побоища могли периодически происходить и в других городах.

После завершения строительства Колизея многие амфитеатры в Италии и за ее пределами стали возводиться по его образцу — в Сполето, ПUTEОЛАХ, ПРЕНЕСТЕ, НЕМАУЗЕ (Ниме), ЛЮТЕЦИИ (Париже) и других городах. Они составляют большую часть известных в настоящее время античных сооружений подобного рода. В качестве наиболее характерного примера можно упомянуть украшенный арками и статуями амфитеатр

в Капуе, перестроенный в конце I—начале II в. н. э. Впрочем, провинциальные италийские амфитеатры, дошедшие до наших дней, не всегда демонстрируют хорошую сохранность. В Вероне на знаменитой «Арене», где периодически ставятся оперы Дж. Верди, почти полностью уцелели места для зрителей, зато от внешней стены осталось всего несколько пролетов. За пределами Италии больше всего амфитеатров — тридцать шесть — обнаружено в Северной Африке. Лучший из них, получивший прозвище «Сморщенный Колизей», находится в Фисдрусе (Эль-Джем, Тунис). Действительно, он лишь немногим уступает по масштабам амфитеатру Флавиев — размеры по главным осям 148 и 122 м, высота наружных стен достигает 36 м. Возведение амфитеатра такого уровня могли позволить себе только преуспевающие горожане. И не случайно строительство его началось после 238 г., когда восставший против непомерно высоких налогов Фисдрус выдвинул своего претендента на императорский трон — проконсула провинции Африка Марка Антония Гордиана. Поэтому, когда в Риме окончательно утвердился его внук, Гордиан III, город не был обойден вниманием и финансовой поддержкой юного императора. Для строительства амфитеатра, в котором принимало участие около двадцати четырех тысяч человек, использовался песчаник, доставлявшийся из каменоломни на берегу Средиземного моря. Места, располагающиеся тремя ярусами на шестидесяти довольно мощных аркадах, могли вместить сорок пять тысяч зрителей, т. е. практически все взрослое население города. В центре напротив выхода, через который на арене появлялись гладиат-

торы, находится почетная ложа, вытянутая в высоту на два яруса. Под рядами сидений для зрителей сохранились высокие сводчатые галереи, игравшие роль своеобразных фойе. Возможную давку исключала хорошо продуманная система лестниц. На случай дождливой погоды были предусмотрены специальные трубы, служившие для отвода воды. Ниже уровня арены по продольной оси амфитеатра проходит туннель, связанный боковыми проходами с секциями, где находились клетки для диких зверей и помещения для гладиаторов. Эти небольшие комнатки были обнаружены археологами еще в 1904 г. Тогда же установили, что на арену из помещений под ней поднимались по пологому пандусу, проходя через двери по обеим ее сторонам. Всего таких дверей было восемь: из них две парадные, шириной около 4,5 м, для торжественных процессий в начале и конце представления, и шесть более узких, обычных.

Совершенно особые сооружения — навмахии — предназначались для проведения дорогостоящих морских сражений, в которых участвовали десятки кораблей с тысячами гребцов и воинов. Среди них, видимо, преобладали либурны — наиболее типичные корабли римского военного флота. Это были гребные суда водоизмещением до 80 т с двумя рядами весел по каждому борту и, соответственно, шестьюдесятью гребцами. Длина их составляла около 34 м при ширине 5 м. В носовой части, ниже уровня воды, у них находились остроконечные тараны, обшитые листами бронзы. При умелом маневрировании тараном можно было пробить дыру в обшивке вражеского корабля и потопить его. На платформах, расположенных в но-

совой и кормовой частях судна, обычно размещалось сорок воинов, готовых, если возникнет возможность, ринуться на борт корабля противника и немедленно вступить в бой.

Большей частью навмахии проводились на искусственных озерах в самом Риме. Первое из них, как уже говорилось, было выкопано в 46 г. до н. э. на Марсовом поле, где над большим неглубоким водоемом выстроили диковинное для римлян здание со скамьями для зрителей (рис. 24). Следующая навмахия состоялась только 44 года спустя, после освящения Августом храма Марса Мстителя, построенного в честь Юлия Цезаря, которого император в силу усыновления почитал как своего отца. На правом берегу Тибра, в районе, известном в наши дни как Трастевере, выкопали бассейн длиной более 500 м и шириной около 350 м и наполнили его свежей водой из ближайшего источника, подведенной по акведуку длиной 24 км. Посередине озера насыпали искусственный остров диаметром около ста метров в соответствии с запланированной инсценировкой исторического события — знаменитого сражения у острова Саламин, где в 480 г. до н. э. греческий флот одержал победу над персами. Историческая точность, конечно, не имела здесь никакого значения. Достаточно было ярко раскрасить «персидские» корабли в соответствии с римскими представлениями о восточной роскоши. Выбор сюжета навмахии из области истории Греции или Востока определялся в этом, да и в других случаях, нежеланием римлян видеть, хотя бы и не настоящее, поражение своих военных сил. В проведении зрелища, организованного Августом с участием трех

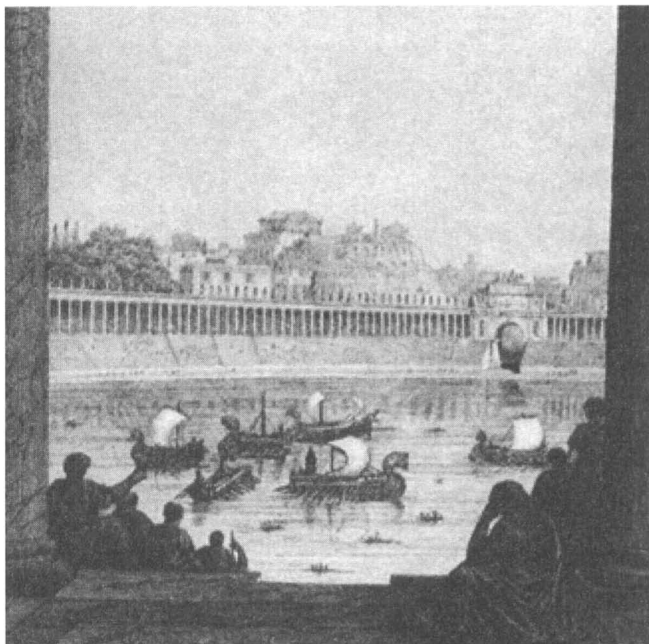

Рис. 24. Здание навахии. Реконструкция

десятков военных кораблей и еще большего количества судов меньших размеров, было занято более 3 тысяч навахиариев, очевидно, набранных среди приговоренных к смерти преступников. По мысли дальновидного императора сооружение в целом было продумано таким образом, чтобы в будущем использовать его как городское водохранилище.

Развлечения на воде устраивали и другие повелители Рима, каждый из которых стремился хоть в чем-

то превзойти своих предшественников. Так, в навмахии Нерона, устроенной в возведенном на Марсовом поле деревянном амфитеатре, оборудованном сложной водопроводной системой, перед «морским» сражением между «афинянами» и «персами» показали чудовищных рыб и морских животных, а после — быстро спустили воду и на сухом дне провели гладиаторские бои (Dio Cass. LXI. 9). Созданный в свое время по приказу Августа бассейн для навмахий продолжали иногда использовать. Еще одно грандиозное зрелище было организовано здесь по случаю открытия Колизея в 80 г. н. э. при императоре Тите. По завершении большой навмахии на озере возвели помост для проведения венацио и гладиаторских боев. Одновременно небольшие корабли сразились прямо на заполненной водой арене нового амфитеатра, имитируя известное сражение 434 г. до н. э. между керкирянами и коринфянами. На третий день состоялась новая «историческая» навмахия между «афинянами» и «сиракузянами», причем «афинянам», в реальности проигравшим битву 413 г. до н. э., удалось не только одержать победу на воде, но и, высадившись на небольшом островке, захватить возведенную на нем «крепость» (Dio Cass. LXVI. 25. 4).

В навмахиях Домициана участвовали порой целые флотилии кораблей. Они проводились в любую погоду на озере поблизости от Тибра, даже невзирая на ураган и сильный ливень. Это зрелище надолго запомнилось римскому плебсу потому, что многие простудившиеся люди потом умерли от лихорадки (Suet. Domit. 4.2). Последние упоминания о таких представлениях относятся к III в. Одно из них стало верхом

излишества, когда не знавший меры император Гелиогабал (218—222) приказал наполнить доверху вином прорытые для него каналы (Ael. Lampr. Geliog. XXII. 1). Конечно, не обошлось без навмахии и на праздновании тысячелетия города Рима в 248 г. при императоре Филиппе Арабе (244—249). Наконец, самым поздним из известных нам «морских» представлений стала устроенная Аврелианом (270—275) навмахия 274 г.

Организация гладиаторских игр на суше или на воде была сложной и дорогостоящей задачей. В Риме официальным организатором (эдитором) игр являлся, как правило, император. Фактически же эта обязанность была возложена на городских чиновников — преторов или квесторов, которые не зависели от рыночной стоимости игр, поскольку у их повелителя хватало собственных гладиаторов, поставляемых принадлежавшими ему школами. В провинции организацией игр должны были заниматься магистраты, которые могли тратить на эти нужды часть поступавших к ним доходов. Порой это ставило должностных лиц буквально на грань разорения. При Марке Аврелии и Коммоде для небольших городков максимум расходов определялся усреднением счетов за предшествовавшие десять лет. Чтобы превысить допустимое число гладиаторов, нужно было обращаться за специальным разрешением в сенат либо к самому императору.

Провинциальные эдиторы прежде всего заключали договор с ланистой, сразу оговаривая в деталях, сколько и каких гладиаторов требуется представить для продажи или аренды. В последнем случае наниматель платил полную стоимость только за убитых и

небольшую сумму за выступления оставшихся в живых. Один сохранившийся юридический документ сообщает среднюю цену за убитого или тяжело раненого гладиатора — четыре тысячи сестерциев. Поэтому никто из организаторов не был заинтересован в массовом уничтожении профессионалов на арене, особенно ланиста, который в таком случае лишался ценного товара и гарантированного источника дохода в будущем.

Часто уровень гладиаторских игр в провинциях был довольно невысоким. Скептический взгляд на подобного рода представления отразил Петроний, современник императора Нерона, в своем романе «Сатирикон», где один из персонажей рассуждает следующим образом: «... что хорошего сделал нам Норбан? Дал гладиаторов дешевых, полудохлых, дунешь на них — и повалятся; и бестиариев выдывал я получше; всадников, которых он дал убить, можно было счесть за человечков со щитка светильника — сущие цыплята: один — увалень, другой — кривоногий, а тертиарий-то (в данном случае секундант побежденного гладиатора. — *В. Г.*) — мертвец за мертвеца, с подрезанными жилами. Пожалуй, еще фракиец был ничего себе: дрался по правилам. Словом, всех после секли; а вся публика кричала: „Наддай! Настоящие зайцы!“» (Petr. 45).

Очень важно было привлечь внимание народных масс к предстоящим играм объявлениями (эдикта мунерис). Они писались красной краской на стенах домов и общественных зданий или читались глашатаями на городских площадях. Как правило, в них указывалось следующее: событие, по поводу которого

проводятся игры, имя эдителя, количество пар гладиаторов и наименование их группы («фамилия гладиатория»), перечислялись прочие элементы программы (например, звериная травля, выступления атлетов, казни преступников), нередко включая бесплатное приложение в виде тента от солнца, раздачи подарков или разбрызгивания благовоний. Комфортные условия, конечно, были весьма привлекательным моментом: ведь благовония или своеобразный дождь из цветов так освежали в душной атмосфере амфитеатра. К тому же многих манила возможность получения всяческих подарков — «разных птиц по тысяче в день, снедь любого рода, тессеры (жетоны. — В. Г.) на зерно, платье, золото, серебро, драгоценные камни, жемчужины, картины, рабов, скотину, даже на ручных зверей, а потом и на корабли, и на дома, и на поместья» (Suet. Ner. 11. 11). Все было делом случая — их просто бросали в народ.

Объявления об играх и бонусах для зрителей сохранились на помпейских улицах, например, «20 пар гладиаторов Децима Лукреция Сатрия Валента, бесменного фламина Нерона Цезаря, сына Августа, и 10 пар гладиаторов Децима Лукреция, сына Валента, сразятся в Помпеях за 6, 5, 4, 3 дня и накануне апрельских ид, а также будет охота по всем правилам и веларий. Написал Эмилий Целер, один при лунном свете». Другие надписи были менее многословными: «Гладиаторы Н. Попидия Руфа будут биться с 12-го дня до майских календ; будет звериная травля» (CIL. IV. 1186). Иногда такая реклама политиков местного масштаба делалась более долговечной. В тунисском городе Сусе сохранилась мозаика жившего в III в.

эдитора игр Магерия, украшенная надписью, до небес превозносящей этого человека и игры, им устроенные. Особенно подробно представлена там сцена травли леопардов, погибающих под ударами копий четырех венаторов. В центре мозаики слуга с длинными волосами держит поднос с четырьмя мешочками по тысяче сестерциев в каждом. По обе стороны от него длинная надпись следующего содержания: «Через глшатаая заявляю о событии, господа мои, чтобы представители школы Телегении получили вознаграждение за вашу благосклонность, дайте им взамен за одного леопарда по пятьсот монет». Надо полагать, эта фраза прозвучала на арене, призывая к вознаграждению охотников за их выступление. Продолжение надписи напоминает стенограмму, передающую живую атмосферу переполненного толпой зрителей амфитеатра: «Приветственные крики: твой пример — образец для будущих устроителей гладиаторских игр. Столько, сколько ты заплатил за это зрелище, только устроители давно ушедших времен платили. С какими иными гладиаторскими играми могут сравниться эти?! Да и когда это было?! Устрой игры, как это делают квесторы, устрой: это будет твой день — Магерий, плати! — [следуют возгласы]. Вот что значит — быть богатым! Быть богатым — значит быть всемогущим. Уже ночь: пусть твои венаторы из школы Телегении уйдут с твоих игр с вознаграждением».

Кроме надписей-извещений были и своего рода программки — листки, в которых сообщались все подробности, касающиеся игр (ср.: Ovid. *Ars amandi*. I. 163—176). В помпейском амфитеатре сохранились нацарапанные прямо на стене программы двух дней

гладиаторских боев с перечислением имен сражавшихся гладиаторов, указанием типа вооружения и списком побед каждого бойца. Позднее сюда внесли результаты поединков с пометками, кому из побежденных сохранили жизнь, а кто был убит.

Своеобразная иллюстрированная программа гладиаторских игр была представлена на рельефах с гробницы молодого дуумвира Авла Умбриция Скавра в живописнейшем месте за Геркуланскими воротами в Помпеях⁷. В комичном виде мода на подобные изображения представлена у Петрония следующим образом. Уже упоминавшийся Трималхион говорит скульптору: «Я очень прошу тебя, изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита гладиатора, чтобы я по милости твоей еще и после смерти пожил» (Petr. 71). К сожалению, помпейские рельефы не сохранились и известны лишь по зарисовкам Дж. Дженовезе и других художников XIX в. (рис. 25). Тем не менее даже в копиях они производят сильное впечатление, поскольку проникнуты идеей борьбы, где для всех ее участников существует только один выбор — победа или смерть. В частности, в различных вариантах даны сцены звериной травли, например, антилопа, загнанная собаками, и преследуемый ими дикий кабан. Далее на памятнике Скавра присутствует бестиарий, дразнящий медведя лоскутом материи, и несколько венаторов: один вонзает в грудь упавшего медведя копьё, другой пронзил насквозь промчавшегося мимо огромного быка.

⁷ Сергеевко М. Е. Помпеи. С. 262.

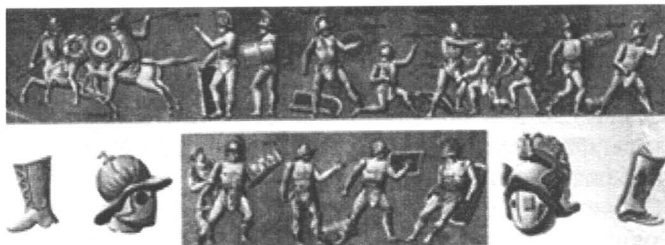

Рис. 25. Сцены гладиаторских поединков на рельефах гробницы Авла Умбриция Скавра

Большая часть изображений связана с поединками гладиаторов, относительно которых сообщаются их имена, принадлежность к определенной школе (в данном случае все юлианцы), число побед и исход последней схватки. К сожалению, не все надписи можно разобрать, тем не менее содержащуюся в рельефах информацию о вооружении и доспехах гладиаторов трудно переоценить. Серия соответствующих сцен открывается изображением двух всадников (эквитов) — Бебрикса (15 побед) и Нобилиора (11 побед), из которых первый нападает, а второй вяло защищается. В следующей паре, уже пешеходных бойцов, впереди стоит полный достоинства мирмиллон, раненный в грудь и опершийся на щит. Он поднял вверх руку с вытянутым пальцем, прося у публики помилования, и спокойно ожидает своей участи; за ним — столь же спокойный его победитель фракиец. Третья пара выглядит гораздо оживленнее. Слева опытный гопломех (34 победы) готовится нанести смертельный удар побежденному сопернику — мирмиллону (15 побед). Тот ранен в грудь, бросил щит и

поднял левую руку с просьбой о пощаде, с опаской оглядываясь назад. Далее обращает на себя внимание группа из четырех фигур, отличающихся размерами. Слева два крупно изображенных бойца, один из которых, левша по имени Ипполит, вонзает меч в горло побежденного гладиатора, обхватившего его колено. Справа — две небольшие фигуры ретиариев с трехзубцами. Наконец, в последней паре этого ряда секунтор-победитель театральным жестом вскидывает щит, видимо, ожидая восхищенной реакции публики, а рядом проигравший схватку фракиец жестом просит, чтобы его «отпустили» с арены. На рельефе, расположенном выше, представлены еще две пары гладиаторов. Слева мирмиллон, которого судья удерживает от нападения на бросившего щит раненого фракийца; справа другой фракиец, судя по всему, нанесший удар краем щита своему падающему противнику-мирмиллону.

Теперь попробуем представить себе, как протекал обычный день, связанный с традиционной программой гладиаторских игр, сложившейся в период правления Августа. Рано утром у входа в амфитеатр собиралась толпа, ожидавшая открытия. Люди бурно обсуждали достоинства и недостатки сегодняшних бойцов, ели, пили, заключали пари, брали напрокат подушки, чтобы высидеть целый день на каменных скамьях. Представление открывалось проходившей по арене торжественной процессией — помпой. Сначала появлялись ликторы, охрана должностного лица, которым на время игр считался их организатор. За ними шли трубачи и четыре человека, несущие на плечах носилки (феркулум) с культовыми статуями богов-по-

кровителей города. Далее несли таблички с перечислением приговоров для преступников и с указанием состава пар гладиаторов. Наконец перед глазами зрителей представляли в праздничной одежде сам эдитор игр и его помощники, демонстрировавшие шлемы и щиты гладиаторов, которые последними, в пурпурных, расшитых золотом туниках, обходили арену и могли показать публике свои неприкрытые лица и мускулы.

Утренняя часть программы, которая должна была разогреть публику, включала венацио и казни приговоренных к растерзанию зверями. Представление часто начиналось с демонстрации экзотических животных. Затем показывали своего рода звериный цирк: диких быков, стоящих на задних ногах и толкающих повозки; обезьян на лошадях, собаках или маленьких колесницах; танцующих слонов и многое другое. Наконец наступало время появления опасных крупных зверей, которых понуждали к схватке хлопаньем бича, уколами или горящими головнями. При этом наибольшим успехом пользовались пары лев — тигр, медведь — бык, слон — носорог и тигр — кабан.

Венаторы выступали в пешем или конном варианте, вооруженные охотничьими копьями, дротиками или луком со стрелами. Если они «охотились» на достаточно безобидных животных, например, антилоп, оленей или ослов, то должны были просто продемонстрировать свое искусство в обращении с оружием, но такая охота мало возбуждала чувства зрителей. Посетители амфитеатра, конечно, ждали другого — боя пеших венаторов с хищниками — львами, леопардами или тиграми. Более привычные медведи,

кабаны и быки тоже принимались с энтузиазмом. Во время «охоты» допускалось использование различных приспособлений для защиты. Чаще всего это была большая деревянная дверь, вращавшаяся вокруг своей оси. За ней можно было спрятаться и на некоторое время перевести дух. Той же цели служили деревянные бочки и плетеные ловушки. Иногда пресыщенным зрителям надоедало смотреть, как звери падают под меткими ударами копья или кинжала, и тогда от венаторов требовали акробатических трюков, чтобы придать «охоте» больше остроты и оттянуть время завершающего смертельного удара. В этом случае венатор выходил против зверя лишь с шестом в руках, и когда тот, припав к земле, готовился кинуться на человека, он с помощью шеста делал огромный прыжок, перелетал через него и убегал. Иногда венаторы имели более основательную экипировку — шлем, меч и щит, но и в этом случае возможности разных типов «охотников» уравнивались. Явное преимущество перед копейщиком в защите сочеталось с весьма ограниченным радиусом действия меча. Часть схваток с дикими зверями проводились один на один, другие приобретали массовый характер, когда против нескольких охотников выпускали сразу десятки животных, тем самым увеличивая для них риск получить травму или погибнуть. До предела уставший или серьезно раненный боец мог попросить разрешения покинуть арену и, соответственно, рассчитывать на *missio*, но если следовал отказ, приходилось сражаться с другим зверем.

Венацио, как правило, происходило на фоне искусственных пейзажей из камней, деревьев и водо-

Рис. 26. Венацио на арене амфитеатра Флавиев.
Реконструкция

емов (рис. 26). При императоре Пробе (276—282) для устроенной им «великолепнейшей охоты» в Рим перевезли из Германии целый лес с мощными вековыми деревьями, которые воины вырвали вместе с корнями. Их прикрепили «к соединенным между собой по длине и ширине бревнам, затем сверху была насыпана земля, и весь цирк, засаженный подобием леса, зеленел прелестной свежей листвой. Затем через все входы были впущены тысяча страусов, тысяча оленей, тысяча кабанов, далее — лани, горные козлы, дикие овцы и другие травоядные животные, сколько их можно было вскормить или найти... На следующий день он выпустил в амфитеатре сразу сто львов с гривами, которые своим рычанием создавали впечатление грома. Все они были убиты людьми, стоявши-

ми в задних воротах. Зрелище это не представляло собой ничего интересного по причине способа, каким убивали животных. Не было того стремительного натиска этих зверей, какой обычно бывает, когда они устремляются из клеток. Кроме того, многие из них, которые не захотели выходить в амфитеатр, были убиты стрелами. Затем было выпущено сто ливийских леопардов, затем сто сирийских; было выпущено сто львиц и вместе с ними триста медведей. Все эти дикие животные представляли собой, разумеется, зрелище скорее потрясающее, чем приятное» (Fl. Vor. Prob. XIX. 2—8).

За выступлениями венаторов обычно следовали казни преступников (ноксиев), приговоренных к растерзанию зверями. Их также могли обставить как «охоту», выдав для защиты только копье или меч, или просто выставить потенциальную жертву совершенно беззащитной перед разъяренным хищником. В период религиозных гонений именно таким образом закончили свою жизнь многие христианские мученики. Затем, около полудня, проходили выступления комических актеров и состязания атлетов (Suet. Calig. 18. 1). Среди тех, кто выступал в это время под музыкальное сопровождение труб, цимбал и водяных органов, следует назвать и пегниариев (от греческого *raignion* 'игра'). Их облачение, судя по мозаике, обнаруженной близ Трира, было довольно своеобразным: это длинные штаны, перехваченные ниже колен обмотками, или нечто вроде комбинезона с поясом. В левой руке у них был продолговатый посох, в правой — палка или кнут. Эти люди не сражались насмерть и в качестве оружия использовали только пал-

ку или кнут. Поединок заканчивался для обоих противников синяками и ссадинами, но без тяжелых ран. Только благодаря такой «специализации» один пегниарий из Большой школы смог дожить до 90 лет, что для настоящих гладиаторов было просто невозможно.

Еще одним элементом полуденной программы были главные казни, проводившиеся с использованием животных, они часто обставлялись как пышное театральное действие, с утонченной жестокостью обыгрывающее какой-нибудь мифологический сюжет. Например, известный разбойник Лавреол стал главным действующим лицом инсценировки наказания Прометея, укравшего священный огонь с Олимпа. Правда, вместо того чтобы приковать к скале, его привязали к кресту, а вместо орла напустили на несчастную жертву медведя, который терзал Лавреола так, что, как писал Марциал, «жить продолжали еще его члены, залитые кровью, хоть и на теле нигде не было тела уже» (Mart. Spect. 7.5—6). В «Географии» Страбона сохранился рассказ о казни во время гладиаторских игр в Риме сицилийского пастуха Селура, который был предводителем вооруженной шайки. Его возвели на высокий помост в форме горы Этна, орудуженный прямо на форуме. Внезапно помост рухнул и развалился, а несчастный упал прямо в поставленную под помостом клетку с дикими зверями, которая легко сломалась, так как была нарочно для этого приспособлена (Strab. VI. 2. 6). По свидетельству Тертуллиана, подобным образом наказывали преступников и позднее, заставляя их переживать на арене муки привязанного к огненному колесу Иксио-

на, оскопившего себя бога Аттиса или Геракла, заживо сгоревшего на костре.

Гибель животных и казни должны были возбудить зрителей перед кульминацией программы — гладиаторских боев, приходившихся на вторую половину дня. Перед началом боев на арену выходили рабы и заново готовили ее, посыпая оставшиеся кровавые пятна чистым песком. Бои начинались разминкой — пролюзио, в ходе которой в парных поединках использовалось безопасное деревянное оружие, похожее на применявшееся в ходе тренировок. Иногда на арену выходили известные фехтовальщики, чтобы показать подлинное мастерство. Император Тит на играх в своем родном городке Реате сразился в таком поединке с консулом Аллиеном. Коммод чрезвычайно любил показательные выступления, в которых побежденными, естественно, оказывались его противники. Когда зрительское нетерпение было подогрето в достаточной степени, сигналом трубы подавался знак к началу серьезной борьбы. После публичной проверки настоящего оружия его тут же пускали в ход. В надписях часто встречается упоминание о том, что гладиаторы бились «острым оружием»⁸, значит, мог быть и «тупой» вариант поединка. Как выглядели «тупые» мечи, позволяет представить мозаика из так называемого Дома гладиаторов в Курионе, крупном провинциальном городе на южном побережье Кипра. Она изображает, судя по экипировке, схватку двух эсседариев, Эллина и Жемчуга, с одинаковыми мечами, клинки которых не имеют привычного острого

⁸ *Сергеенко М. С.* Простые люди древней Италии. С. 106.

Рис. 27. Мозаика со сценой поединка двух эсседариев из Куриона (Кипр)

завершения, они как будто обломлены (рис. 27)⁹. Естественно, что при преимущественном использовании колющих ударов таким оружием можно было нанести только поверхностные ранения, не угрожавшие жизни особо ценных профессионалов.

Первыми на арене всегда выступали конные бойцы — эквиты. Порядок дальнейших выступлений регламентировался не столь жестко. На крупных играх могли устроить групповую схватку между двумя отрядами грегариев — гладиаторов «второго сорта», пригод-

⁹ См.: *Daszewski W. A. Les gladiateurs à Chypre. S. 83. Fig. 3.*

ных для массовой резни. Зрителей эта бойня захватывала, накал страстей не уступал тому, что творится на современных футбольных трибунах во время ответственного матча. Как писал один римский автор, крики толпы напоминали «завывания разъяренного моря». Многие зрители вскакивали, топали ногами, делая угрожающие жесты. Особенно удачные выпады сопровождались бурными рукоплесканиями, просчеты — оглушительным свистом. Тех, кто стремился убить противника сразу, громко бранили, как и тех, кто пытался сберечь силы. На уклонявшихся от сражения бойцов обрушивалась буря негодования: «...народ в гневе, ибо считает для себя обидой, что человеку не хочется погибнуть» (Sen. De ira, I. 2. 4); робких гнали в бой факелами, раскаленными железными прутами или бичами. «Бей его! Жги! Почему так трусит он мечей? Почему не хочет храбро убивать? Почему не умирает с охотой?» (Sen. Epist. VII. 5). В романе Петрония один из гостей богача Тримальхиона с восторгом ожидает такого зрелища на играх, которые будут длиться три дня: «...наш Тит... оружие даст превосходное; убежать — это шалишь — бейся насмерть; пусть весь амфитеатр видит» (Petr. 45).

Первоклассные гладиаторы обычно сражались попарно. Предварительно глашатай громко произносил их имена и перечень побед. Обычно схватка продолжалась пятнадцать-двадцать минут, и в течение часа зрители могли видеть два-три сражения, за которыми внимательно наблюдали главный судья (сумма рудис) и его ассистент (секунда рудис). Обязательным атрибутом судей были палки, пускавшиеся в ход, когда бойцы вели себя не по правилам. А такие

правила существовали. Если какая-то деталь экипировки ломалась или поединок затягивался, то объявляли дилидиум — временное приостановление схватки, чтобы участники поединка могли привести себя в порядок. Именно этот момент запечатлен на еще одной замечательной мозаике из кипрского Куриона, где друг другу противостоят фракиец и провокатор, а судья Дарий вовремя вмешивается и останавливает бой (рис. 28)¹⁰. Впрочем, иногда сумма рудис только выкрикивал советы, как атаковать или защищаться. Бой считался завершенным, если один из противников получал смертельную рану или не мог продолжать сражаться и сдавался. В последнем случае бросали щит или другое оружие и поднимали вверх руку с вытянутым указательным пальцем. Тогда судья становился между победителем и побежденным и прекращал схватку. Дальнейшая судьба побежденного зависела от решения эдителя, который учитывал мнение зрителей. Если он вызвал симпатию людей, его отпускали живым, если действовал вяло и неумело — добивали.

В свое время представление о том, как это происходило, многие получали по известнейшей картине уже упоминавшегося художника Жана-Леона Жерома «*Pollice Verso*» («Повернутые пальцы», 1872 г.), растиражированной в старых школьных учебниках по истории Древнего мира. Французский живописец изобразил эпизод, связанный с играми, устроенными императором Титом по поводу открытия Колизея (рис. 29). На картине мы видим гладиатора в вооружении мир-

¹⁰ Daszewski. Op. cit. S. 83. Fig. 4.

Рис. 28. Мозаика из Куриона (Кипр) с изображением боя между фракийцем и провокатором, который останавливает судья

миллона, одержавшего победу над ретиарием, трезубец и сеть которого валяются на песке. Рядом и чуть дальше еще два тела, не вынесенные с арены. Глadiator с полуобнаженным торсом и в шлеме с изображением рыбы смотрит на императора в ложе и ожидает знака — добить или пощадить поверженного противника. На картине Жерома пальцы всех зрителей повернуты вниз, что значило, как он полагал: «Добей

Рис. 29. Жан-Леон Жером. Pollice verso («Повернутые пальцы»). 1872 г.

его!» Действительно, если судить по различным художественным фильмам и картинам на сюжеты из истории Древнего Рима, может сложиться впечатление, что императоры и люди из толпы во время гладиаторских боёв поднимали или опускали большой палец, даруя помилование или смерть. Между тем это одно из самых распространенных, благодаря искусству, заблуждений, поскольку единого мнения на сей счет до сих пор не существует. Согласно некоторым римским авторам, жестом помилования, возможно, была поднятая правая рука, сжатая в кулак (Нор. I. 18. 66; Plin. Nat. Hist. XXVIII. 2), а отказ демонстрировался с помощью вытянутой руки (Juv. 3. 36). В любом случае, если смертельный приговор был вынесен, гладиатор, признавший своё поражение,

был обязан встать на колени перед победителем и подставить горло или спину под оружие противника. На некоторых скелетах гладиаторов, найденных близ Эфеса, сохранились следы колотых ран, нанесенных мечом сверху вниз прямо через лопатку глубоко в сердце. Зафиксированные на ряде черепов большие отверстия квадратной формы свидетельствуют о том, что тех, кто уже не мог подняться и умереть красиво, добивал ударом тяжёлого молота специальный слушитель.

Как и каждый точный выпад во время схватки, последний фатальный удар зрители сопровождали криками «Habet!» («Получил!»). Проигравший должен был принять его достойно, и в этом многие античные авторы видели неприкрытый героизм, отсюда и выражение: «Умереть как гладиатор». Цицерон со знанием дела писал в своих «Тускуланских беседах»: «Вот гладиаторы, они — преступники или варвары, но как переносят они удары! Насколько охотнее высколенный гладиатор примет удар, чем постыдно от него ускользнет!.. Был ли случай, чтобы даже посредственный гладиатор застонал или изменился в лице? Они не только стоят, они и падают с достоинством; а упав, никогда не прячут горла, если приказано принять смертельный удар! Вот что значит упражнение, учение, привычка...» (Cicero. Tusc. II. 17. 41). Наконец, был еще один, уже отмечавшийся, вариант завершения парного поединка: если оба участника поединка мужественно сражаясь, оказывались равными по силе и мастерству, то публика рукоплесканиями могла показать, что хочет отпустить их с арены, и бой заканчивался ничьей (Mart. Spect. 27 (29)).

Удаление мертвых тел с арены было обставлено как некое театрализованное представление, поскольку одетые во все черное служители сполиария, делая свою повседневную работу, обряжались в костюмы Меркурия, проводника душ умерших, и Харона, перевозчика их через реку Стикс в подземном царстве. Вероятнее всего, такие жестокие детали, как вытаскивание мертвых крюками и проверка раскаленным железом, относятся только к осужденным преступникам. Тела убитых гладиаторов увозили на специальной тележке в сполиарий, где их раздевали и готовили к погребению. Причем известных гладиаторов хоронили, согласно римским традициям, с соблюдением необходимых религиозных обрядов и ставили на их могилах надгробные памятники, порой снабженные пространными эпитафиями.

Наградой победителя обычно была пальмовая ветвь, обладание которой отмечали на надгробных стелах гладиаторов. Например, на памятнике фракийца Антония Эксоха изображено несколько таких ветвей (CIL. VI. 10194). Часто там излагалась вся «боевая биография», например, «сражался 34 раза; одержал 21 победу, 9 раз „был отпущен стоящим на ногах“, 4 раза помилован». Другими наградами могли быть лавровый венок, ожерелье (торквес) или почетное копье (гаста). Полагалась также и приличная денежная сумма, считавшаяся личной собственностью гладиатора даже в том случае, если он был рабом. Другое дело, что величина ее зависела от статуса участника игр: получит ли он деньги в размере не более $\frac{1}{5}$ (раб) или $\frac{1}{4}$ (волонтер) своей рыночной стоимости. Иногда деньги подносили на дорогих подносах, которые то-

же шли в дар победителю (Mart. Spect. 29. 5—6). Особой щедрости можно было ждать только от императора. Так, однажды Нерон одарил мирмиллона Спиккула домами и землями (Suet. Ner. 30. 2). Самой дорогой, в полном смысле этого слова, и редкой наградой являлся деревянный меч (рудис), дававшийся по требованию публики за неоднократные победы. Этот меч означал свободу от обязанностей выступать на арене, и в таком случае эдитор, пойдя навстречу пожеланиям толпы, должен был возместить ланисте полную стоимость гладиатора. Получивший свободу рудиарий посвящал свое прежнее оружие в храм Геркулеса (Нор. I. 1. 2) и чаще всего оставался при гладиаторской школе как учитель фехтования или устраивался на такую же должность в какой-нибудь богатый дом. Бывало, эти профессионалы вновь нанимались для игр, но уже за бóльшую плату и именовались тогда «ауктораты» (Suet. Tib. 7).

Раздача призов завершалась кругом почета, который каждый победитель совершал по арене, приветственно размахивая пальмовой ветвью. Результат каждого боя тщательно фиксировался в послужном списке гладиатора. Такие сведения, обозначенные сокращенно, можно встретить на многих рельефах, мозаиках и процарапанных на стенах помпейских домов рисунках: V (от *vicit* 'победил'), M (*missus* 'отпущен'), P (*perit* 'погиб'), иногда ST.M (*stans missus*) или M.P (*missus, perit*), что означало в первом случае ничью, а во втором — помилованного, но затем умершего от ран гладиатора¹¹.

¹¹ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 69.

ГЕРОИ АРЕНЫ НА СЛУЖБЕ У РИМСКИХ ПОЛИТИКОВ

На излете существования Римской республики и в императорский период гладиаторы нередко превращались в существенный фактор внутренней политики — не только как средство воздействия на массы через зрелищные представления, но и просто как вооруженная сила, которую в сложной ситуации можно было использовать на городских улицах в качестве охраны или для устранения соперников в борьбе за власть.

Во времена гражданских войн многие богатые и знатные люди стали формировать гладиаторские отряды, как это сделал, например, Публий Корнелий Сулла, родственник уже покойного к тому времени диктатора (*Cic. pro Sull.* 19. 54). Появились патриции, ставшие владельцами собственных гладиаторских школ, питомцы которых при случае могли помочь хозяину проложить дорогу через разъяренную толпу, устранить политического соперника или разоружить нападающего. В 63 г. до н. э., когда рвавшийся к власти Луций Сергий Катилина вербовал сторонников и

готовил мятеж, сенат даже принял специальное решение о размещении отрядов гладиаторов из Рима в Капуе и других городах (Sallust. De Catil. 30. 7).

По тому же пути пошел Клодий, народный трибун 58 г. до н. э. Авантюрист по натуре, он с помощью вооруженных отрядов, сформированных из числа людей без определенных занятий, вольноотпущенников и рабов, среди которых были и гладиаторы, проводил нужные решения через народное собрание и угрожал своим противникам в сенате (Cic. Pro Sest. 39, 85). Стоявший на стороне сената народный трибун 57 г. до н. э. Тит Анний Милон организовал отряды, по своему составу, видимо, мало отличавшиеся от тех, что были под началом у Клодия (Cass. Dio. XXXIX. 9; Cic. Pro Sest. 41. 88). Спустя несколько лет между людьми Клодия и Милона на улицах Рима стали происходить настоящие сражения. 18 января 52 г. до н. э. случайная встреча двух непримиримых противников на Аппиевой дороге закончилась рукопашной схваткой, во время которой Клодий был ранен, а затем убит в ближайшей таверне, где его обнаружили люди Милона. Странники погибшего ответили на это массовыми убийствами и грабежами. Надо полагать, что гладиаторы принимали в этих событиях самое непосредственное участие.

Еще до начала очередного витка гражданских войн собственной гладиаторской школой в Капуе обзавелся Юлий Цезарь (рис. 30). Она поставляла так много своих выпускников в столицу, что в 49 г. до н. э. Помпей, опасаясь совместного выступления этих гладиаторов в поддержку Цезаря, распределил их между римскими семьями в качестве телохранителей (App.

Bell. Civ. I. 14. 4). Сами гладиаторы в этот смутный период, видимо, были не прочь выступить на стороне той политической группировки, которая предложила бы им более крупную цену за услуги. В марте 44 г. до н. э. участники хорошо подготовленного заговора против Юлия Цезаря рассматривали их как вполне реальную силу для своей защиты в случае провала. Николай Дамасский сообщает, что по настоянию Децима Брута множество гладиаторов были спрятаны в портике между курией

Рис. 30. Юлий Цезарь.
Мраморный бюст

Помпея и театром его же имени. Само присутствие их там не должно было вызвать подозрений, так как в это время в городе происходили игры, и Децим Брут тоже собирался устроить представление (Nic. Dam. Vita Aug. XXVI. 98). У Аппиана говорится, что гладиаторы уже с утра были вооружены якобы для участия в поединках, а затем, когда стало известно об убийстве Цезаря, прибежали к ограде сената. Всех охватил страх, отовсюду слышались испуганные голоса: одни кричали, что сенаторы перебиты гладиаторами, другие — что убит Цезарь и солдаты намере-

ваются грабить город. Только когда заговорщики, окруженные рабами и гладиаторами, вышли к людям с криками, что они убили царя и тирана, а затем направились через Форум к Капитолию, населению Рима стало известно о происшедшем.

Заговор удался, но испуганные сенаторы большей частью разбежались. Таким образом, открыть заседание сената было невозможно, и заговорщики решили захватить и укрепить Капитолий, а сопровождала их туда «многочисленная толпа гладиаторов и рабов» (App. Bell. Civ. II. 118, 120). В тот же день самые активные участники заговора Марк Брут и Гай Кассий с вооруженными гладиаторами появились на площади, где была произнесена речь, в которой оправдывалось совершенное ими убийство и говорилось о восстановлении свободы (App. Bell. Civ. II. 122. 137). В первые два дня число сторонников Брута и Кассия значительно увеличилось, но потом, когда из соседних городов пришли колонисты, получившие там наделы от Цезаря, и пообещали его товарищу по консульству Марку Антонию отомстить убийцам, многие из лагеря заговорщиков рассеялись. «Тогда они, оставшись без людей, стали набирать гладиаторов и других, у кого была непримиримая вражда к Цезарю» (Nic. Dam. Vita Aug. XVII. 49). Все эти люди спустились с Капитолия, только получив обещание безопасности от Антония, который успел собрать большую военную силу. Позднее гладиаторы, наверняка, присутствовали в составе его личной гвардии, состоявшей из шести тысяч человек¹.

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 168.

Та же традиция была в полной мере унаследована императорским Римом. Калигула, поставил гладиаторов-фракийцев во главе своих германских телохранителей (Suet. Calig. 55. 2). Нерон для усиления личной охраны во время своих хулиганских вылазок на ночные улицы Рима «окружил себя воинами и большим числом гладиаторов, которые оставались в стороне от завязавшейся драки, пока она не отличалась особой жесточенностью, но если подвергавшиеся нападению начинали одолевать, брались за оружие (Тас. XIII. 25). После смерти Нерона Флавии, видимо, не разрешали частным лицам держать гладиаторов в Риме, но на остальную Италию и самих императоров этот запрет не распространялся. Вот что рассказывает Светоний о смерти Домициана: Стефан, управляющий его племянницы Домициллы, тайно пронес во дворец кинжал, подал императору записку о якобы раскрытом заговоре и, пока тот читал, «нанес ему удар в пах. Раненый пытался сопротивляться, но... декурион спальников Сатур и кто-то из гладиаторов набросились на него и добились семью ударами» (Suet. Dom. 17. 1—2).

Последний эпизод с использованием гладиаторов как военной силы на улицах Рима связан с историей церкви. В 366 г. здесь развернулась жестокая борьба между двумя претендентами на престол св. Петра — Дамасом и Урсином, бывшим секретарем покойного папы Либерия. Им было за что биться. Один из авторов того времени, Аммиан Марцеллин, делился с читателями такими размышлениями по этому поводу: «Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди долж-

ны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих сил... им предстоит обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол» (Амм. Марс. XXVII. 3. 14). Тогда по итогам голосования победителем оказался Дамас. Однако Урсин первым провозгласил себя папой и забаррикадировался со своими вооруженными сторонниками в базилике Сицинина (позднее перестроена в церковь Санта Мария Маджоре). Дамас не растерялся, направился в местную гладиаторскую школу рядом с Коллизеем и нанял достаточное количество бойцов, чтобы они помогли ему. Те справились с делом на славу: убили находившихся в базилике 137 человек, в том числе всех женщин, детей и стариков. Урсин бежал, а верующие добросовестно усвоили урок и покорились². В 397 г. такая возможность использовать гладиаторов окончательно исчезла, поскольку правители империи — Гонорий на западе и Аркадий на востоке — запретили брать их на службу.

Если говорить о включении гладиаторов в состав римской армии, то впервые такая ситуация возникла на завершающем этапе гражданских войн, когда страх перед возможным выступлением вооруженных рабов был забыт ради сиюминутных интересов римских политиков. Впервые «множество гладиаторов» появляется в 43 г. до н. э. среди наскоро набранных солдат сторонника сената Децима Брута, разместившихся в богатом городе Мутине на севере Италии (App. Bell.

² Мэттьюз Р. Гладиаторы. С. 162.

Civ. III. 49). Три года спустя гладиаторов включил в состав своего войска Луций, брат Марка Антония, осажденный в г. Перузии армией еще одного претендента на власть — Октавиана (App. Bell. Civ. V. 30).

В дальнейшем гладиаторов продолжали использовать в качестве армейского резерва в военных конфликтах. После смерти Нерона претенденты на трон неоднократно зачисляли их на службу для усиления собственных армий. В итоге только у признанного сенатом императора Отона (рис. 31) в период его борьбы с получившим поддержку легионов в Германии Вителлием таких воинов набралось до двух тысяч, что соответствовало примерно $\frac{1}{8}$ от общего числа гладиаторов на территории империи³. Как писал Тацит, это была «постыдная разновидность вспомогательного войска, которой, однако, в пору гражданских войн не брезговали и более взыскательные полководцы» (Tac. Hist. II. 11). Столь резкий отзыв обусловлен тем, что лишь в отдельных случаях гладиаторы добивались успеха, например, под командованием Марция Макра, консула 69 г. в войске Отона.

«Человек храбрый и решительный, он на лодках перевез через Пад отряды гладиаторов и внезапно появился с ними на том берегу реки. Вспомогательные отряды вителлианцев были смяты, те, кто оказали сопротивление, вырезаны, остальные бежали по направлению к Кремоне» (Tac. Hist. II. 23). Дальнейшие действия отоновских гладиаторов были менее удачны. Отборные бойцы из числа тех, кто сражался под началом Марция Макра, попытались на быстроходных судах отбить остров посреди р. Пад, занятый

³ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 88.

Рис. 31. Отон. Портретное изображение на монете

германскими воинами Вителлия, но «по своему боевому опыту не смогли сравниться с солдатами, да и стрелять с качающихся кораблей им было гораздо труднее, чем германцам, стоявшим на твердой земле. Они перебежали от одного борта к другому, суда от этого раскачивались все сильнее, пока, наконец, бойцы, назначенные

первыми выскочить на берег, не смешались в одну беспорядочную толпу с гребцами. Тут-то германцы по мелководью бросились к кораблям, хватались за корму, вскакивали на борт, тащили суда за собой и топили их» (Тас. Hist. II. 35), а в конечном итоге сражение закончилось тем, что гладиаторы Отона были разбиты и «немалое число их положили на месте» (Plut. Oton. 10). Позднее, когда воины из состава этого подразделения, «которые считались и искушенными, и отважными в рукопашных схватках», еще раз предприняли попытку переправиться через реку, отряд батавов, служивших Вителлию, атаковал непосредственно их корабли (Тас. Hist. II. 43). «Лишь немногие из гладиаторов выдержали их удар, остальные бежали к реке, натолкнулись на выстроенные там вражеские когорты и все до последнего погибли в бою» (Plut. Oton. 12). После смерти Отона остатки его гладиаторов перешли на сторону Веспасиана, которого

в борьбе за трон поддерживали легионы, размещенные в Сирии и Иудее. Впрочем, и ему от них было мало толку: при штурме войсками утвердившегося в Риме Вителлия Таррацины, одного из городов в Средней Италии, всего «несколько гладиаторов оказали отпор врагу и дорого продали свою жизнь, остальные устремились к кораблям, где их ждала та же гибель» (Тас. Hist. III. 77). Продолжение борьбы сторонников Веспасиана против императора Вителлия привело к обострению ситуации в государстве. Военных сил катастрофически не хватало и опять пришлось прибегнуть к помощи гладиаторов. Чтобы переломить ход событий в лучшую для себя сторону, Вителлий отправил в Кампанию, где от него отпали флот и прибрежные города, своего брата с военными кораблями, «новобранцами и отрядом гладиаторов... Но повсюду он был или разбит, или предан» (Suet. Vit. 15. 1—2). Приведенные примеры показывают, что обученные единоборству гладиаторы, как правило, плохо взаимодействовали в строю и, во всяком случае, не принесли особого успеха своим военачальникам.

Рис. 32. Голова конной статуи Марка Аврелия

Военных сил катастрофически не хватало и опять пришлось прибегнуть к помощи гладиаторов. Чтобы переломить ход событий в лучшую для себя сторону, Вителлий отправил в Кампанию, где от него отпали флот и прибрежные города, своего брата с военными кораблями, «новобранцами и отрядом гладиаторов... Но повсюду он был или разбит, или предан» (Suet. Vit. 15. 1—2). Приведенные примеры показывают, что обученные единоборству гладиаторы, как правило, плохо взаимодействовали в строю и, во всяком случае, не принесли особого успеха своим военачальникам.

Позднее Марк Аврелий (рис. 32) в период затяжной войны 167—174 гг. на дунайской границе с германскими племенами квадов и маркоманнов пополнил свои изрядно поредевшие войска специальным отрядом из гладиаторов, присвоив ему многообещающее название «Услужливые» (Iul. Capit. M. Anton. XXI. 7). Правда, это не прибавило ему популярности в народе: люди говорили, что, «отняв развлечение, он хочет заставить народ заниматься философией» (Iul. Capit. M. Anton. XXIII. 5). В последний раз римская армия была усилена гладиаторами из знаменитых капуанских школ во время гражданской войны 193 г. по личному почину любившего поупражняться с гладиаторским оружием императора Дидия Юлиана, ожидавшего подхода к Риму войск своего соперника Септимия Севера (Ael. Spart. Did. Iul. VIII. 3; IX. 1).

СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА И ДРУГИЕ ВОССТАНИЯ ГЛАДИАТОРОВ

Среди известных нам примеров участия гладиаторов в войнах на первом месте не только по хронологии, но и по своему масштабу, безусловно, стоит грандиозное движение рабов под предводительством Спартака (73—71 до н. э.), которое считается одним из самых значительных проявлений кризиса Римской республики в I в. до н. э. К сожалению, до нас дошли только фрагменты «Истории» Гая Саллюстия Криспа (86—35 до н. э.), где подробно описывалось восстание Спартака, а специальный исторический труд ритора I в. н. э. Цецилия Калактинского о рабских войнах известен только благодаря упоминанию о нем у Афиня (Athen. VI. 104), поэтому о ходе событий мы можем судить лишь в самых общих чертах, в основном по обрывочным сведениям других античных авторов.

Как известно, начало восстанию было положено группой рабов-гладиаторов из частной школы Лентула Батиата в Капуе. Среди двухсот обитателей здеш-

них казарм нашлись люди, которые не желали стать предметом развлечения для римской публики и были готовы рискнуть жизнью ради свободы. Никто из них не был запятнан какими-либо преступлениями, и попали они в эту школу «исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиатора» (Plut. Crass. 8). Мы знаем, что Спартак выступал на арене в качестве мирмиллона (Flor. III. 20. 12). При этом, судя по тому, что с ним была жена, он находился в несравненно лучшем положении, чем все остальные, ведь избранным профессионалам в таком случае полагалась отдельная комната или комнаты. Тем не менее он принял участие в заговоре, который был раскрыт, но несколько десятков человек (античные авторы называют разные цифры — от 30 до 78), вооружившись кухонными ножами и вполне способными заменить копья длинными железными вертелами, напали на стражу и вырвались на свободу. Среди выбранных ими предводителей, наряду с фракийцем Спартаком, упоминаются еще двое — галлы Крикс и Эномай (Oros. V. 24. 1). Относительно третьего из предводителей стоит отметить, что его очень редкое греческое имя Эномай вряд ли было дано ему при рождении. Прежде всего оно ассоциировалось с легендарным царем города Писа в Элиде, той самой области Древней Греции, где проводились знаменитые Олимпийские игры. Видимо, все дело в том, что данный мифологический персонаж прославился своими победами в гонках колесниц и убийством проигравших эти состязания женихов дочери. Именно поэтому такое имя могли счесть подходящим для новобранца гладиаторской школы, чтобы он выступал под ним на арене.

Кто же такой был Спартак и как он попал в Италию? К сожалению, его жизнь до гладиаторской школы во многом окутана тайной. Одно мы знаем вполне определенно: его родиной была Фракия — страна на севере Балканского полуострова, а если более конкретно — область племени медов, упоминаемых Страбоном в числе «народностей, чрезвычайно склонных к разбойничеству» (Strab. VII. 5. 12). Если попытаться нанести на современную политическую карту территорию их обитания в среднем течении р. Стримон, на западных отрогах Родопских гор, то она сопоставима с Юго-Западной Болгарией, где в городе Сандански, почти на границе с Грецией и Югославией, установлен единственный в мире памятник Спартаку. Скупую информацию о начальном периоде его жизни дает Луций Анней Флор, написавший свои «Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет» на основе труда Тита Ливия. По словам этого историка, сначала он был римским «солдатом из фракийских наемников», затем дезертировал и стал разбойником, и только потом, когда он попал в плен к римлянам, за огромную физическую силу его продали в гладиаторы (Flor. III. 20. 8; см. также: App. Bell. Civ. I. 116). Отсюда, по крайней мере, ясно, что Спартак какое-то время провел в римской армии. Как и когда это могло произойти? Исходя из анализа исторической ситуации, можно предположить, что в возрасте 18—20 лет¹ он оказался в отряде, отправленном в 86 г. до н. э. царем соседнего племени одрисов Садалом на помощь Сулле во время первой войны Рима с понтийским ца-

¹ Именно такой возраст рекомендовался при наборе в римскую армию: *Ле Бок Я.* Римская армия эпохи Ранней империи. С. 105.

рем Митридатом VI Евпатором (Holleaux 1938. P. 143—159). Такие подразделения с территорий за границами Римского государства нанимались за определенную плату и вливались в состав вспомогательных войск ². За время своей военной службы Спартак успел основательно познакомиться с организацией и тактикой римской армии, достигнув, быть может, командных должностей. Позднее это дало Юлию Цезарю повод упомянуть о пользе, которую принес восстанию рабов «полученный от нас опыт и дисциплина» (Caes. De bello Gall. I. 40). Служба Спартака продолжалась, скорее всего, до 78 г. до н. э. Именно в этом году Аппий Клавдий Пульхр в ранге проконсула Македонии одержал, как пишет Евтропий, «легкие победы над народами, жившими в провинции Родопы» (Eutrop. VI. 2.1) ³, начав, таким образом, покорение той области Фракии, которую занимали меды. Видимо, это и послужило причиной дезертирства молодого фракийца, превратившегося в «разбойника», воевавшего с римлянами ⁴. Сколько лет могла продолжаться его вооруженная борьба за свободу, трудно сказать, но

² Возможен и другой вариант развития событий, поскольку в 85 г. до н. э. Сулла вторгся «в страну медов и, сильно опустошив ее», заключил с ними мир (Plut. Sulla. 23; Eutrop. V. 7.1). Одним из условий этого договора могло быть право набора наемных воинских контингентов.

³ Естественно, в I в. до н. э. провинции с таким названием еще не было. Евтропий, живший в IV в. н. э., в данном случае отталкивался от реалий своего времени.

⁴ Судя по фразе Плутарха: «...однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу» (Plut. Crass. 8), в гладиаторскую школу Лентула Батиата его переподал первый, не известный нам хозяин.

военные действия во Фракии велись почти три года, завершившись в 75 г. до н. э. В любом случае, для нас важен тот факт, что еще до пребывания в гладиаторской школе будущий вождь восстания уже обладал вполне определенными военными навыками.

Из общей массы рабов Спартак выделялся «выдающейся отвагой и физической силой», а «по уму и мягкости характера» вообще больше походил на эллина и человека более высокого положения, чем то, в котором он оказался (Plut. Crass. 8). В этих словах Плутарха, одного из самых образованных людей своего времени, скрыта очень лестная оценка человека, бывшего по происхождению варваром, но носившего имя, принадлежавшее к числу тех, что бытовали в среде фракийской знати. Если следовать предложенной выше схеме, то Спартаку, когда он попал в гладиаторскую школу, было около тридцати лет, так что авторы поставленного в Болгарии памятника, изобразив его в расцвете сил, наверно, были не так уж далеки от истины. Ведь в гладиаторы отдавали, как правило, молодых людей, чтобы максимально продлить срок их выступлений на арене, обычно не слишком долгий. Сорок пять лет, до которых дожил мирмиллон Ульпий Феликс, – это самый высокий возрастной предел для действующих профессионалов, известный по дошедшим до нас надписям⁵.

Но вернемся к выступлению гладиаторов из школы Лентула Батиата, ставшему сигналом для начала великого восстания. Уже на этом этапе к беглецам присоединилось более десяти тысяч рабов (Flor. III.

⁵ Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. С. 111.

20. 3), которые волей случая наткнулись на повозки с гладиаторской экипировкой, перевозившейся в другой город. Мгновенно расхватав мечи (Vell. Pat. II. 5), они, видимо, легко справились с охраной городских ворот и бежали из Капуи, по пути отбирая кинжалы и дубины у случайных путников. Римские власти сначала не придали большого значения этому инциденту. Конечно, несколько отрядов были посланы в погоню за рабами, но те не только отбили нападение, но и захватили большое количество воинского снаряжения, при этом свое гладиаторское оружие бросили как позорное и недостойное (Plut. Crass. 9). Преодолев расстояние, примерно равное одному дневному переходу (около 35 км), восставшие укрылись на давно потухшем вулкане Везувий (рис. 33), который стал для них, используя выражение Флора, своеобразным «алтарем Венеры» (Flor. III. 20. 4), возле которого по традиции рабы получали свободу.

Никто из писавших о восстании Спартака, как правило, не задавался вопросом, а что, собственно, представляла из себя эта гора в те далекие времена и где там можно было успешно обороняться? Обычно в качестве укрытия фигурирует вершина Везувия, но, судя по описанию географа Страбона, она была «в значительной части плоская, совершенно бесплодная, на вид пепельного цвета... в горах скал черного как сажа цвета на поверхности» (Strab. IV. 8) и выглядела как обширный неглубокий кратер⁶, часть стенки ко-

⁶ Вершина вулкана в те времена была гораздо ниже, поскольку современный конус высотой 1277 м появился в результате последующих извержений.

Рис. 33. Везувий во времена Спартака

торого сохранилась до наших дней в виде полукольцеобразного вала Монте-Соммы, т. е. такое место мало соответствовало задачам обороны и устройства укрепленного лагеря. Очевидно, в этих целях восставшие использовали примыкающую к скалам древнего кратера с юга и юго-востока плоскую террасу Ле-Пиане. Туда вела только одна узкая и чрезвычайно крутая тропинка, которую было удобно охранять, но вскоре доступ наверх преградил посланный против мятежных рабов военный отряд численностью три тысячи человек под командованием претора Гая Клавдия Пульхра. Правда, относительно имени этого военачальника мнения историков часто не совпадают⁷. Но если это действительно был он, то, по иронии судьбы, именно его брат Аппий Клавдий Пульхр в 78 г. до н. э. в ранге проконсула Македонии вел военные действия в Южной Фракии и, возможно, стал виновни-

⁷ У античных авторов он именуется по-разному: Клавдий Пульхр (Тит Ливий), Клавдий (Плутарх), Клавдий Глабр (Флор), Клодий (Фронтин, Орозий).

ком превращения Спартака из свободного человека в раба (Flor. III. 4. 6).

Римский военачальник, казалось, правильно рассчитал, что голод и жажда в конце концов вынудят восставших сдаться. Однако он глубоко заблуждался. Люди Спартака начали плести прочные лестницы «из лесных прутьев» и «лозы дикого винограда». Это говорит о том, что место, где они разместились, действительно находилось на уровне, соответствующем террасе Ле-Пиане, т. е. не выше 800 м, так как это верхняя граница произрастания винограда в районе Везувия. Затем беглые рабы благополучно спустились со скал. Только один человек остался наверху с оружием, а когда спуск закончился, передал его вниз и потом присоединился к остальным. Где же произошел этот альпинистский маневр и с какой высоты пришлось спускаться лестницы? У некоторых авторов это описывается как некий фантастический трюк, для исполнения которого были пущены в дело лестницы длиной около 300 м⁸. Позволим себе в этом усомниться, вряд ли неподготовленные люди могли спокойно преодолеть спуск с высоты, сравнимой с современным восьмидесятиэтажным небоскребом. Здесь следует обратить внимание на сообщение Флора о том, что осажденные «опустились через жерло полой горы, и сошли к самой ее подошве» (Flor. III. 20. 4). Очевидно, они воспользовались тем, что не столь высокий отвесный склон внутренней стороны кратера, естественно, не охранялся. Среди воинов Спартака должны были быть люди, хорошо знавшие эту мест-

⁸ См., например: *Лесков В. Спартак*. С. 112.

ность, и они могли показать незаметный выход из кратера к подножию горы. Обойдя римлян с тыла, мятежники неожиданно, скорее всего на рассвете, напали на их лагерь и навели «такой страх, что несколько когорт потерпели поражение от семидесяти четырех гладиаторов» (Front. Strat. V. 21). Конечно, римляне были разбиты наголову и в страшной панике бежали, и все же утверждение Юлия Фронтинана в его «Стратегемах» относительно численности нападавших, безусловно, является преувеличением и отражает только роль гладиаторов как командиров в повстанческом войске. Кстати, один из них, Эномай, если понимать буквально сообщение Павла Орозия о его смерти (Oros. V. 23), погиб именно в этом бою.

Так удачно завершилась первая из использованных Спартаксом для достижения победы военных хитростей, которые достаточно ярко характеризуют его военное искусство. Во всяком случае, если судить по количеству приведенных у того же Фронтинана примеров успешных «стратегем» Спартака, он лишь немногим уступает таким известным полководцам древности, как Алкивиад и Агесилай или Квинт Фабий Максим и Марк Антоний и, конечно же, превосходит своего основного противника Красса.

После первой победы восставшие, по-видимому, оставили прежние позиции и разместились на территории бывшего римского лагеря у подножия вулкана. Вскоре сюда с новой силой стали стекаться сельские и городские рабы из ближайшей округи, пастухи — «народ все крепкий и проворный» — и даже кое-кто из «свободных с полей» (App. Bell. Civ. I. 116). Среди них, наверно, было немало тех италиков, которые в

83—82 гг. до н. э. выступили в поддержку врагов Суллы, а в 81 г. до н. э. лишились своей земли, переданной ветеранам его 27 легионов (Liv. Ep. 89). К тому же многие из них так и не получили обещанных прав римских граждан, поскольку реальное проведение этой меры в жизнь растянулось на несколько десятилетий. Конечно, большей частью люди, вступавшие в войско мятежных рабов, не имели военного опыта, и все же к ним полностью применимы слова Вегеция о достоинствах новобранцев римской армии, происходивших из сельской местности: «Они вырастали в труде под открытым небом, стойко выносили зной, не искали тени, не были знакомы с банями. Они были простодушны и довольствовались малым. Их руки были приспособлены к работе с любым инструментом. Еще в деревне они привыкли работать с железом, копать траншеи и переносить тяжести» (Veg. I. 3). Под началом Спартака одни из них «стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных» (Plut. Crass. 9). Тогда же, видимо, было положено начало формированию конницы, достаточно многочисленной благодаря использованию бывших пастухов.

Период временной передышки вождь рабов использовал для усиленной подготовки своих воинов к противостоянию с Римом. Он проявил прекрасные организаторские способности, создав в кратчайшие сроки хорошо организованную и дисциплинированную армию по образцу римской, лучшей для того времени. За основу была взята хорошо знакомая Спартаку по личному опыту система обучения. Интенсивный курс ее, согласно Вегецию, выглядел следующим об-

разом: молодые солдаты «должны постоянно делать военные упражнения на поле... непрерывно наблюдать за приказами и сигналами, стрелять из лука, бросать копья, кидать камни из пращи или рукою, делать движения при полном вооружении, при помощи коротких палок вместо мечей учиться колоть и рубить; в этих занятиях их должно задерживать большую часть дня до пота. В той же степени их нужно заставлять учиться бегать и прыгать, чтобы преодолеть рвы. Если есть по соседству с их стоянкой море или река, то в летнее время нужно заставлять всех плавать, кроме того, рубить леса, прокладывать пути по зарослям и отвесным скалам, обтесывать деревья, рыть рвы, уметь занимать то или другое место и, выставив щиты, не дать товарищам столкнуть их с позиции» (Veget. III. 4).

Изнурительные ежедневные тренировки начинались с отработки военного шага, «поскольку ничто не должно было соблюдаться на марше или в сражении так тщательно, как сохранение строя всеми солдатами» (Veget. I. 9). В итоге добивались того, что новобранцы с грузом около 20 кг за пять часов проходили обычным шагом 29 км, а ускоренным — 35 км. Далее надо было отрабатывать тактические построения и закреплять навыки быстрого возведения окруженного рвом и валом укрепленного лагеря с регулярно сменяемыми постами и караулами. Можно полагать, что основными подразделениями армии рабов, как и у римлян, были легионы, формировавшиеся, судя по всему, на определенной этнической основе. Соответственно, каждый легион численностью не менее 4800 человек состоял из десяти когорт, имевших

самостоятельное тактическое значение. По-видимому, восставшие использовали и принятые у римлян воинские знаки, удобные для управления войсками в бою. В их обозе, судя по ряду упоминаний древних авторов, находилось все необходимое для развертывания мастерских по изготовлению оружия (Flor. III. 20. 6; App. Bell. Civ. I. 116).

Благодаря усиленной подготовке и постоянно приобретаемому боевому опыту, воины Спартака скоро прекрасно усвоили, как им реагировать на те или иные действия врага. Роль инструкторов по многим вопросам, в том числе и относительно обращения с оружием, в данном случае продолжали играть первоначальные участники восстания — гладиаторы (Flor. III. 20. 2). Правда, оружия катастрофически не хватало. Очевидно, к этому периоду относится сообщение Фронтинуса о том, что «у Спартака и его войска были щиты из прутьев, покрытых корой» (Front. Strat. VII. 6), и Саллюстия о беглых рабах, обжигавших «на огне копья, которыми, хотя они не походили на оружие, пригодное для военных действий, можно было разить врага точно так же, как железными» (Sallust. Hist. III. 96). Конечно, со временем ситуация должна была измениться, и после ряда победных сражений воины Спартака вряд ли особенно отличались от римлян по составу наступательного и защитного вооружения.

Между тем в Риме по-прежнему продолжали рассматривать действия Спартака как обыкновенные разбойничьи нападения, и скоро была предпринята еще одна попытка изолировать восставших в районе Везувия. К горе подошли значительные военные силы под командованием претора Публия Вариния Глабра,

численностью не менее двух легионов. Спартак, как показали дальнейшие события, никогда не упускал случая уничтожить силы противника поодиночке, в полной мере используя прекрасно знакомую ему тактику ведения боя в горной и пересеченной местности. Образно выражаясь, он «побеждал римлян тем, что избегал невыгодных сражений», выжидая удобный момент для нападения на врага ⁹. Вступив в бой с передовым отрядом из трех тысяч человек во главе с Фурием, легатом Вариния, гладиаторы обратили его в бегство. Затем настал черед большего по численности и расположившегося отдельным лагерем войска Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности. Спартак подстерег его и едва не взял в плен, когда тот купался близ Салин, селения между Геркуланумом и Помпеями. Преследуя по пятам бежавшего римского военачальника, он после кровопролитного боя захватил его лагерь. Сам Коссиний при этом погиб (Plut. Crass. 9).

От известия о поражении Коссиния армия Вариния пришла в полное смятение, началось бегство солдат. Кроме того, из-за суровой непогоды люди стали заболеть. Эти обстоятельства заставили римского полководца разбить «неподалеку от врага лагерь» и укрепить его «валом, рвом, огромными насыпями» (Sallust. Hist. III. 96). Помощи он запрашивать не стал, полагаясь на собственные силы, и отказался от первоначального намерения отправить в Рим своего квестора Гая Торания, чтобы сенат не узнал об истинном положении дел. Организованная Варинием

⁹ Горсков В. Военное искусство Спартака. С. 84.

блокада лагеря повстанцев, где, несмотря на перебои с продовольствием, поддерживалась строгая дисциплина, оказалась достаточно жесткой, но и на этот раз Спартак удачно использовал очередную военную хитрость. Он оставил в лагере трубача для подачи обычных сигналов и приказал установить перед воротами столбы через небольшие интервалы и привязать к ним трупы в одежде и с оружием, чтобы на расстоянии они казались часовыми, а по всему лагерю были разведены костры (Front. Strat. V. 22). Во вторую ночную стражу, т. е. около полуночи, мятежникам удалось скрытно в полном молчании вывести свое войско и надолго оторваться от преследования. «Вариний же, когда совсем рассвело, тщетно ожидал, что беглецы начнут обычную перебранку и станут швырять камни в лагерь, а кроме того, возникнет шум, беспорядок и слышны будут громкие возгласы со всех сторон» (Sallust. Hist. III. 96). Скоро стало ясно, что следы противника потеряны, и римский полководец, опасаясь засады, отступил в надежде скоро пополнить свое войско.

Ускоренное обучение воинов Спартака не прошло даром: когда Вариний отважился напасть на их новый лагерь, то был разбит наголову. Конечно, его сопровождали не испытанные ветераны, а наспех собранные случайные люди, совсем не рвавшиеся в бой. И все же, вопреки здравому смыслу, Вариний неосмотрительно повел «быстрым шагом к лагерю новых и незнакомых ему беглых солдат, к тому же напуганных чужими неудачами, хранящих молчание и вступающих в сражение вовсе не с тем мужеством, какое от них требовалось» (Sallust. Hist. III. 96). Между тем

среди вождей восстания вспыхнули раздоры из-за плана дальнейших действий. Как писал Саллюстий, «Крикс и его соплеменники — галлы и германцы — рвались вперед, чтобы самим начать бой, а Спартак отговаривал их от нападения» (Sallust. Hist. III. 96). Вероятно, его план заключался в том, чтобы дать противнику растратить силы при штурме лагеря, а потом нанести ему неожиданный удар. Детали этой битвы нам не известны, зато итог очевиден: Вариний не только потерпел поражение и потерял свои полевые укрепления, но и утратил в столкновении с самим Спартаком коня, ликторов — свою почетную стражу и чуть было сам не попал в плен (Plut. Crass. 9). Когда весть об этом разнеслась повсюду, на многих в Италии она, конечно, произвела впечатление. Вождь восставших рабов еще раз показал себя великолепным тактиком, умело сочетающим оборону и нападение, военные хитрости и сокрушительные атаки.

Флор писал, что отнятые в ходе сражений у преторов (Клавдия и Вариния. — *В. Г.*) фасции — связанные ремнями красного цвета пучки березовых или вязовых прутьев, в которые на период ведения военных действий втыкали по двустороннему топору, мятежники отдали своему предводителю (Flor. III. 20. 7). Отсюда можно сделать вывод о том, что в итоге у него оказалось такое количество этих знаков власти, какое положено консулу, то есть двенадцать. Вряд ли приходится сомневаться в том, что с этого времени Спартак носил консульское облачение, набрал ликторов и пользовался этими символами достоинства высшего должностного лица в Римской республике, чтобы еще больше возвыситься в глазах своих воинов и тех италийцев, которые встали на его сторону

Теперь многие из восставших требовали идти навстречу врагу, «полагаясь безрассудно на прибывающие к ним огромные силы и на свою храбрость... большинство же — из-за того, что, будучи рабами по натуре, хотели лишь пограбить и проявить свою жестокость...» (Sallust. Hist. III. 98). В конце концов Спартак сумел доказать преимущества следующего решения: не вступая в соприкосновение с врагом, двинуть армию в соседнюю область — Луканию (рис. 34), чтобы пополнить ее отборными воинами из числа рабов-пастухов. С помощью подходящего проводника из пленных отрядам рабов удалось незаметно подойти к Луканским Нарам, а оттуда также скрытно, на рассвете — к Форуму Анния. И вот здесь до тех пор сдерживаемые страсти, обуревавшие многих повстанцев, вырвались наружу. Примкнувшие к восстанию случайные люди, пренебрегая приказом Спартака о тайном и быстром передвижении, хватали и насиловали девушек и матрон, «поджигали дома, а многие местные рабы, естественные союзники беглых, тащили добро, спрятанное их господами, и самих их вытаскивали из потаенных мест; гнев и произвол варваров не знал ничего святого и запретного» (Sallust. Hist. III. 98). Спартак был бессилён бороться с этим, хотя старался ускорить продвижение своей армии, чтобы использовать фактор внезапности. По-видимому, именно тогда произошло следующее сражение, в котором потерпел неудачу еще один римский военачальник, уже упоминавшийся Гай Тораний: его лагерь тоже был захвачен рабами. Это поражение отдало в руки войска восставших почти всю Южную Италию. Снова и снова по пути его движения вспыхивала

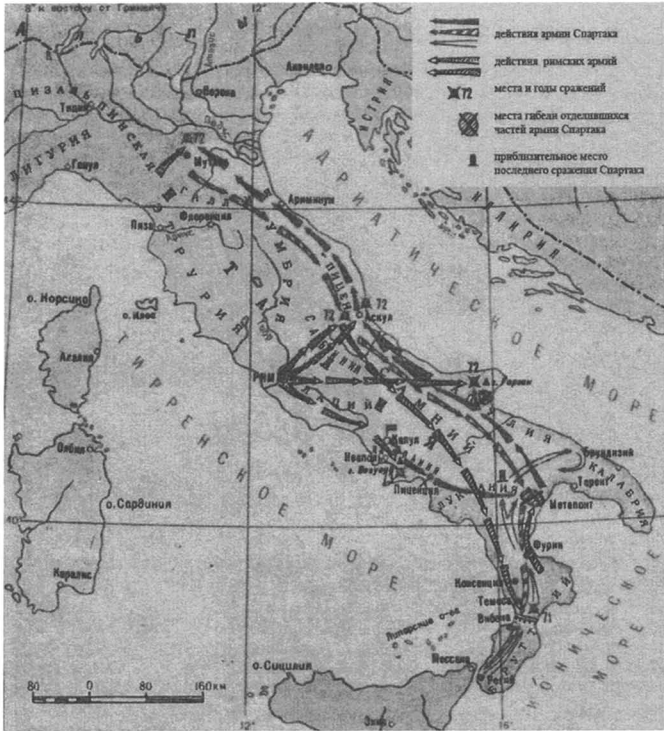

Рис. 34. Карта походов Спартакса

жестокая резня, горели усадьбы и поселения, страшному опустошению, грабёжам и кровопролитию подверглись такие города, как Нола и Нуцерия в Кампании, Фурии, Консенция и Метапонт в Лукании. Спартак пытался пресекать бесчинства и даже велел с почестями похоронить захваченную его людьми знат-

ную римскую матрону, «которая, не перенеся позора бесчестья, сама лишила себя жизни». Как сообщает Павел Орозий, на ее погребении «устроили гладиаторские бои с участием четырехсот пленников — разумеется, что те, кто должны были бы быть предметом зрелища, стали зрителями — действуя скорее как мастера гладиаторов, нежели как руководители войска» (Oros. V. 24. 3). Наконец, когда росшая, как снежный ком, армия Спартака увеличилась вдвое, он отдал приказ разбить лагерь на обширной равнине среди еще стоявших на полях созревших осенних хлебов, где можно было не испытывать никаких проблем с продовольствием.

Итак, в ходе кампании 73 г. до н. э. римлянам был нанесен серьезный урон, а численность войска Спартака за счет беглых рабов, крестьян, пастухов и перебежчиков, напротив, достигла 70 тысяч человек. Мятежники ковали оружие и собирали припасы, готовясь к продолжению войны.

Весной следующего года Спартак, по словам Плутарха, «стал уже великой и грозной силой, но, как здравомыслящий человек, ясно понимал, что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию» (Plut. Crass. 9). Общая политическая ситуация в этот момент складывалась для Рима крайне сложно, и не один только Спартак занимал умы римских граждан. Незадолго до бегства гладиаторов из Капуи на востоке началась уже третья по счету война с понтийским царем Митридатом VI Евпатором (111—63 до н. э.),

отвлекая на себя лучшие военные силы государства во главе с наиболее одаренным римским полководцем Луцием Лицинием Лукуллом. В Испании еще с 80 г. до н. э. велась безуспешная война с мятежным военачальником Квинтом Серторием, который, подчинив своему влиянию испанские племена, сумел создать там своего рода «государство в государстве» с «сенатом» из 300 римских эмигрантов. В 72 г. до н. э. могущество Сертория оказалось подорвано действиями отправленной в Испанию армии Гнея Помпея. Теперь, когда положение серторийцев, располагавших еще достаточно большой военной мощью, становилось все более сложным, в Риме появились слухи о скором нападении на Италию «второго Ганнибала». Если бы это произошло, вывести восставших за пределы Апеннинского полуострова, конечно, было бы несравненно легче.

Только тогда римский сенат в полной мере осознал всю серьезность положения, которое усугублялось целым рядом причин, сформулированных три года спустя Цицероном следующим образом: «Военное дело перестало быть приманкой для молодежи; храбрые воины и выдающиеся полководцы перевелись, отчасти умерли естественной смертью, отчасти пали жертвою гражданских междоусобиц и прочих несчастий, обрушившихся на наше отечество». В той ситуации на борьбу с рабами направили обоих консулов 72 г. до н. э. — Гнея Лентула Клодиана и Луция Геллия Публиколу, каждый из которых после произведенного набора солдат вел за собой два легиона. Относительно первого из упомянутых полководцев можно сказать, что это был не самый лучший выбор,

поскольку на его счету числились только неудачные действия против серторянцев в Испании под началом Гнея Помпея, тогда как Луция Геллия все знали как достаточно опытного в военном отношении человека. Кстати, тогда под его командованием служил ставший позднее известным политическим деятелем Катон Младший (95—46 до н. э.). Из-за своего брата, назначенного на должность военного трибуна, он вступил в армию добровольно, что для представителей «золотой молодежи» периода заката Республики было большой редкостью. В биографии Катона Плутарх приводит некоторые детали этой кампании, они отчасти объясняют причины постигших римлян неудач и на контрасте с его поведением демонстрируют состояние римской армии на тот момент: «...начальники вели войну плохо, все же среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда солдатами, он обнаружил такое умение повиноваться, столько выдержки, столько отваги, неизменно соединявшейся с трезвым расчетом», что «Геллий отметил его наградами и славными почестями» (Plut. Cat. 8).

План консулов заключался в действиях против Спартака сразу на двух направлениях: с севера наступал Лентул, с юга — Геллий. Казалось, ситуация безвыходная, но тут от войска восставших, продолжившего движение в сторону Альп, отделился двадцатитысячный отряд Крикса. Он занял позиции у горы Гаргана, на поросшем дубовым лесом полуострове между устьем реки Френто и городом Сипонтом, к востоку от дороги, по которой шли легионы под командованием Геллия, нависая над его правым флангом. Предполагать в такой сложный момент созна-

тельный раскол армии рабов из-за принципиальных разногласий между ее вождями¹⁰ нет никаких оснований. Скорее всего, действия Крикса были заранее согласованы в целях временного отвлечения им на себя одной из консульских армий. Стратегически это был верный ход: если бы римляне продвинулись дальше, то оказались бы под угрозой нападения с тыла сил, численно превосходивших воинов Геллия почти вдвое. Верный сподвижник Спартака выполнил свою задачу: дал ему возможность оторваться от преследователей и с основными силами оказаться один на один с двумя легионами Лентула, но сам, как и две трети его воинов, погиб в ожесточенной битве с отправленным против него Геллием претором Квинтом Аррием (Liv. Ep. 96). Это поражение стало тяжелым ударом для восставших, тем не менее бывший гладиатор вновь проявил себя как блестящий полководец и смог, умело маневрируя, успешно разгромить армии консулов поочередно. Первым пришлось спастись бегством Гнею Лентулу, а затем, после очередной упорной битвы, уже и виновникам смерти Крикса — Луцию Геллию и Квинту Аррию. Римляне отошли с поля боя в полном беспорядке, многие из них попали в плен, был потерян весь обоз. Тремстам из них пришлось на деле познать, какие чувства испытывали выходившие на арену люди. Опыт организации погребальных боев с участием пленников был повторен и, наверно, не один раз. В данном случае все они были вынуждены сражаться между собой по-

¹⁰ Мишулин А. В. Восстание Спартака в Древнем Риме. С. 144—149.

добно гладиаторам, чтобы стать своеобразной жертвой у погребального костра погибшего Крикса, тело которого доставили в лагерь Спартака. Флор, достаточно злобно относившийся к рабскому предводителю, по этому поводу писал: «Он совершал погребения своих павших вожаков с почетом, подобающим полководцам, и приказывал пленным сражаться вокруг погребального костра, как будто хотел искупить позор гладиаторской службы, став устроителем игр» (Flor. III. 20. 9). Возможно, это было не столько проявлением мести по отношению к римлянам, сколько данью традиционным представлениям соплеменников Крикса и Эномая о проходах героя в загробный мир. Если поединки на пирах были у галлов самым обычным делом (Athen. IV. 154), то можно предполагать и включение их в программу погребального пира.

Двигаясь к Альпам вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова через города Фирм, Анкону, Аримин, Мутину на Плаценцию, Спартак одерживал все новые и новые победы. Очень важной для осуществления его дальнейших планов была битва при Мутине, сильной крепости на пути к реке Пад (совр. р. По). Там он встретился с десяти тысячным войском наместника Цизальпинской Галлии Гая Кассия Лонгина, который «был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством» (Plut. Crass. 9). Не более успешно пытался остановить армию Спартака и отряд претора Гнея Манлия (Liv. Ep. 96), который до того был известен только тем, что во времена диктатуры Суллы нажил себе большое состояние за счет конфискации имущества осужденных на казнь. Провинция, захваченная Спар-

таким, была исключительно богатой: она изобиловала хлебом и виноградниками, славилась небывальными урожаями гречихи и проса, в широко раскинувшихся дубовых лесах кормилось желудями огромное количество диких и домашних свиней. Здесь армия Спартака отдохнула после боев и пополнила свои ряды, доведя численность воинов до 120 тысяч человек, вероятно, за счет рабов и перешедших на его сторону галльских крестьян.

Наконец, когда, казалось бы, на пути к альпийским перевалам не осталось никаких препятствий, вождь восстания неожиданно отказался от прежнего плана и повернул обратно. Удовлетворительного объяснения этому нет. Многие исследователи полагали, что рабов могли испугать неблагоприятные условия местности или тяжесть перехода через горы либо на настроения восставших повлияли их италийские победы и ненависть к Риму. Высказывалось также мнение, что Спартак мог поддерживать контакты с Серторием и двигался на соединение с ним для дальнейших совместных действий в Испании, но с его смертью от руки убийцы такая необходимость отпала¹¹. Действительно, такие контакты между всеми антиримскими силами, действовавшими одновременно в различных областях Средиземноморья, включая Митридата VI Евпатора, были вполне возможны¹², особенно если учесть, что союзниками понтийского царя были киликийские пираты, с которыми приходилось

¹¹ *Коптев А. В.* Несколько замечаний о восстании Спартака (на сайте www.ancientrome.ru/publik/koptev).

¹² *Молев Е. А.* Властитель Понта. С. 121—122.

иметь дело и Серторию, и Спартаку. Во всяком случае, никакого психологического барьера у Сертория по этому поводу не должно было быть, так как уже со времени консульства Луция Корнелия Цинны в 87 г. до н. э. использование в политических целях больших масс вооруженных рабов стало в Риме довольно обычным явлением. К сожалению, никаких документальных свидетельств, дающих полное представление о дипломатии Сертория, не сохранилось. Помпей, опасаясь каких-либо разоблачений и обострения политической ситуации, сжег, не читая, всю его переписку, где были послания от «некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию» (Plut. Crass. 20). Существующие версии причин изменения планов Спартака можно дополнить предположением, что, учитывая заметное увеличение численности его армии в Цизальпинской Галлии, на этом этапе восстания весьма значительную, если не большую часть его участников составили те, кто связывал свою дальнейшую судьбу именно с Италией и не собирался никуда уходить.

Так или иначе, известие о последовавшем вскоре разгроме серторианцев означало, что теперь некому сковывать действовавшую против них закаленную в боях армию Гнея Помпея и она в скором времени может появиться на Апеннинском полуострове. Видимо, именно тогда в окружении Спартака возобладало мнение о нанесении внезапного удара по Риму или возвращении на юг Италии с тем, чтобы переправиться на остров Сицилию и превратить его в свою

новую базу. Восставшие двинулись в обратную сторону, и тогда Рим «оказался охвачен не меньшим страхом, чем когда он дрожал, крича, что Ганнибал у ворот» (Oros. V. 24. 5). Правда, Спартак, будучи вполне разумным человеком, все-таки повел свою армию не на столицу государства, тем более что у него не было осадных орудий, а по старой Эмилиевой дороге к слабо укрепленным городам Кампании и Лукании. Для быстроты передвижения был отдан суровый приказ: «...сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке» (App. Bell. Civ. I. 117). Перебежчики, во множестве приходившие со всех сторон, не принимались. В области Пицен войско мятежных рабов снова попытались остановить объединенные силы двух консулов, и опять они были разбиты.

Узнав об этих неудачных действиях, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места. Теперь Спартак окончательно доказал, что его победы не были случайностью. Римские военачальники вынужденно признали: этот бывший раб действительно обладает огромным военным талантом. Из массы не привыкших к военной дисциплине людей, без денег, не имея базы для изготовления в нужных количествах вооружения, создать боеспособную армию и наносить в течение долгого времени тяжелые поражения знаменитым римским легионам мог только выдающийся полководец и организатор. Следует отметить те усовершенствования, которые он внес в созданную им военную организацию, — это усиление роли кавалерии и легковооруженных подразделений, обеспечение большей маневренности армии благода-

ря избавлению от громоздких обозов и хорошо поставленная разведка.

Теперь ни один из влиятельных римлян не решился рискнуть своей военной репутацией и взять на себя столь неблагодарное дело, как командование в «рабской войне». Тогда свою кандидатуру на эту должность выдвинул самый богатый человек в Риме — Марк Лициний Красс (114—53 до н. э.) (рис. 35). С одной стороны, он был известен своими сомнительными денежными операциями, с другой — обладал достаточными познаниями в области военного искусства. В молодости Красс воевал под командованием своего отца в Испании против племени лузитан, сражался против италиков в Союзнической войне, затем принял активное участие в гражданской войне на стороне Суллы, возглавив значительную часть его армии.

Наделенный сенатом проконсульской властью, он сразу энергично взялся за дело, спешно набрав шесть легионов, к которым он, прибыв на место, присоединил еще два консульских¹³. Таким образом, под началом этого полководца оказалось не менее сорока тысяч солдат. Это было признанием крайней опасности положения. Обычно считали, что для участия в военных действиях достаточно максимум четырех легионов, дополненных вспомогательными и союзными войсками. Учитывая серьезность положения, за Крассом последовали многие представители знати, кто по

¹³ Заметим, что у Помпея, воевавшего против такого серьезного противника, как Серторий, были в распоряжении всего шесть легионов.

дружбе с ним, а кто в силу имевшихся долго-вых обязательств. Таким образом, среди его офицеров появились тща-тельно подобранные лю-ди, из которых можно упомянуть Марка Мум-мия, потомка видной пле-бейской фамилии; кве-стора Гнея Тремеллия Скрофу, друга Цицеро-на, отзывавшегося о нем как о «человеке старых правил», «личности в высшей степени совест-ливой и добросовестной»; Луция Квинкция, народно-го трибуна 74 г. до н. э., занявшего должность на-чальника конницы.

Поначалу Крассу сопутствовал небольшой успех в битве с одним из отрядов беглых рабов: шесть ты-сяч из них были убиты и девятьсот взяты в плен (Огос. V. 6). Тем временем Спартак, никогда не пере-оценивавший свои силы, использовал любой промах своих врагов. На границе области Пицен, чтобы пре-градить ему путь на юг, два легиона под командова-нием легата Марка Муммия, судя по всему, из числа полностью деморализованных бывших консульских, были посланы в обход со строгим приказом не всту-пать в сражение и избегать даже мелких стычек. Од-нако этот уже достаточно опытный военачальник, ви-димо, пренебрежительно относившийся к недостой-

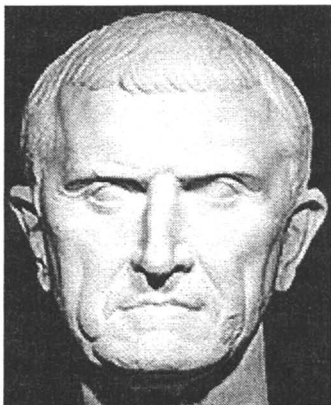

Рис. 35. Марк Лициний Красс. Мраморный бюст

ному противнику, горел желанием отличиться и воспользовался первым же случаем завязать битву. Эта самонадеянность была жестоко наказана: «...многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие» (Plut. Crass. 10). Судя по всему, позорное поражение растерявших боевой дух римских солдат было связано с потерей воинских знаков и прежде всего главных из них — штандартов с изображением орла, символа легиона. Только утратой «знамен» можно объяснить использование Крассом в качестве наказания применявшейся редко, но обычно как раз в таких случаях, крайней и жестокой меры — децимации, когда казнили каждого десятого из проявивших трусость воинов. О масштабах бегства солдат Муммия с поля боя дает представление следующая цифра: одних зачинщиков оказалось пятьсот человек. Их разделили на пятьдесят десятков и из каждого взяли одного смертника, выбирая его по жребию (Plut. Crass. 10). Таким образом, «Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов» (App. Bell. Civ. I. 118). Казнь осужденных сопровождалась жуткими и мрачными обрядами посвящения их подземным богам, совершавшимися у всех на глазах, а производилась она следующим образом: их просто забивали насмерть. Один из младших командиров касался провинившегося, и остальные солдаты били его палками, а иногда и камнями, пока тот не умирал (ср.: Tac. Ann. III. 21). У Плутарха в описании этих событий говорится о том, что данный «вид казни сопряжен с позором». Под этим надо понимать публичное лишение военного пояса (балтеуса) в виде ремня, украшенного серебряными или бронзовыми

накладками, который отбирали у обесчестившего себя легионера ¹⁴. В течение назначенного срока остальные трусившие легионеры не могли находиться внутри лагерных укреплений и жили перед внешним рвом. На этот период вместо пшеничного им выдавали ячменный хлеб. Показательные суровые меры возымели свое действие: дисциплина и боевой дух римских солдат, для которых собственный командующий «оказался... страшнее побеждавших их врагов» (App. Bell. Civ. I. 118), резко возросли.

В дальнейшем, чтобы избежать новых потерь, Красс решил не вступать со своим противником в открытый бой, а постараться измотать его постоянным преследованием и истреблением фуражиров. Видимо, проанализировав печальный опыт своих предшественников, да и свой собственный, он решил применить против вождя восстания его любимые тактические приемы: избегать столкновения с крупными силами врага и стараться бить по его частям, координируя действия отрядов, размещенных в двух укрепленных лагерях.

Между тем армия рабов, словно зверь в клетке, металась по Италии. Только к концу лета 72 г. до н. э. она обосновалась в районе крупного торгово-ремесленного города Фурии, на время ставшего базой восстания. Приобретая железо и медь за счет общей армейской казны, мятежники хорошо вооружились и стали делать успешные вылазки против римлян, неизменно возвращаясь назад с добычей. Чтобы обуздать расту-

¹⁴ Кован Р. Римские легионеры 58 г. до н. э.—69 г. н. э. С. 31.

щую алчность людей, Спартак прибег к крайним мерам и запретил в пределах военного лагеря употребление золота и серебра. Так продолжалось, пока, согласно Аппиану, поднявшему свой боевой дух войску Красса не удалось нанести Спартаку двойное поражение, после которого его армия отступила на самый юг Апеннинского полуострова, в область Бруттий.

Добравшись до Мессанского пролива шириной в самом узком месте всего 3,5 км, Спартак, видимо, рассчитывал быстро переправиться на остров Сицилию, где еще недавно бушевали рабские восстания, и можно было попытаться разжечь огонь нового восстания. Очевидно, там планировалось создание запасного плацдарма на случай неудач в Италии, ведь речь шла о высадке на острове всего двух тысяч человек (Plut. Crass. 10). Сам по себе неширокий, на первый взгляд, пролив, тем не менее, представлял собой серьезную преграду. Он отличается сильным течением (около 9 км в час), устремляющимся между разбросанными по берегам острыми скалами. Согласно древним преданиям, именно здесь, по разные стороны пролива, подстерегали мореходов сказочные чудовища — Сцилла и Харибда. Флота у восставших не было и, по имеющимся сведениям, помощь в осуществлении переправы Спартаку пообещали киликийские пираты, полностью господствовавшие в проливе после уничтожения всего флота Гая Верреса, пропретора Сицилии в 73—71 гг. до н. э. По образному выражению Цицерона, «вследствие алчности Верреса флот существовал в Сицилии только по названию» (Cic. in Verг. IV. 25. 63) и десантная операция в расчете на две тысячи человек заняла бы у небольшой пиратской эскадры из 35 подвижных и вместительных

либурн не более двух часов за два рейса¹⁵. Почему же переправу не удалось осуществить сразу? Все дело в том, что даже такими силами в тот момент пираты не располагали. Под началом действовавшего в проливе их предводителя Гераклиона было всего четыре небольших корабля (Cic. in Verr. IV. 35. 91), и требовалось время, чтобы собрать их в достаточном количестве. Во всяком случае, серьезных препятствий для десанта со стороны Верреса не ожидалось, иначе трудно объяснить слова Цицерона в речи, произнесенной позднее против этого римского магистрата: «Стало быть, это ты помешал полчищам беглых переправиться из Италии в Сицилию? Где, когда, откуда? Никогда ничего подобного мы не слыхали... А ведь если бы в Сицилии были против них хоть какие-нибудь сторожевые отряды, не пришлось бы тратить столько сил, чтобы воспрепятствовать их попыткам» (Cic. in Verr. IV. 2. 5). Последнюю фразу дополняет утверждение, что только «доблесть и мудрость храбрейшего мужа Марка Красса не позволили беглым рабам переправиться через пролив в Мессану». Эти слова однозначно можно трактовать как свидетельство о том, что в осложнившейся ситуации римлянами были срочно стянуты к Сицилии какие-то военноморские силы. В итоге даже после получения оговоренной заранее суммы денег ни один пиратский корабль не прибыл в назначенное место¹⁶. Возможно, такое бездействие диктовалось также интересами

¹⁵ Ср.: Хлевов А. А. Морские войны Рима. С. 472.

¹⁶ Нельзя полностью исключать и возможность подкупа пиратской верхушки (Мотус А. А. Из истории восстания Спартака. С. 60—61).

главного союзника пиратов Митридата VI Евпатора, для которого, в условиях постигших его неудач, важно было сохранение военной угрозы для Рима непосредственно на земле Италии. Изменившиеся обстоятельства, тем не менее, не заставили Спартака отказаться от самой идеи переправиться на Сицилию. Попытка преодолеть узкий и бурный пролив на плотках из бревен и пустых бочек тоже оказалась неудачной (Flor. III. 20. 13). Между тем сезон, благоприятный для действий на море, закончился, дальше идти было некуда, а обратный путь с Регийского полуострова преградили военные силы Красса.

Осмотрев местность, римский полководец решил, что ввязываться в сражение с армией Спартака не имеет никакого смысла. Сама природа подсказала ему наиболее подходящий план, нацеленный на то, чтобы отрезать мятежных рабов от внешнего мира и заставить их капитулировать. Отдав приказ возвести на перешейке линию укреплений, Красс решал сразу две задачи — «уберечь солдат от безделья и лишить врагов подвоза продовольствия» (Plut. Crass. 10). Тысячи легионеров взялись за кирки и лопаты, и скоро от моря до моря протянулся ров шириной и глубиной около 4,5 м, укрепленный земляным валом и стеной, поражающей своей высотой и прочностью. Плутарх писал, вероятно, с целью поразить воображение читателя, что длина этих укреплений составляла триста стадиев (около 55 км), и эта цифра фигурирует во всех исследованиях, затрагивающих тему восстания Спартака. На самом деле ширина перешейка в этой части Апеннинского полуострова составляет всего 30 км, что полностью соответствует расстоянию в 160 ста-

диев, указанному в описании Южной Италии из текста «Географии» Страбона (Strab. VI. 1. 4), и это, даже с учетом особенностей рельефа местности, по крайней мере, почти в два раза сокращает предполагавшийся ранее объем работ, произведенных солдатами Красса. Кроме того, они могли использовать остатки более ранних укреплений. В частности, Страбон сообщает, что именно здесь в свое время сиракузский тиран Дионисий Старший (ок. 430—367 до н. э.) «пытался перегородить стеной перешеек от внешних варваров», но этот план не был выполнен до конца (Strab. VI. 1. 10). В любом случае, при наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы необходимые работы действительно можно было провести в достаточно сжатые сроки. Наиболее близким по времени примером, связанным с подобной практикой римской армии, является возведение всего за 18—20 дней легионерами Цезаря (около 10 тысяч человек) рва и вала высотой 4,8 м и протяженностью 28 км, чтобы воспрепятствовать продвижению гельветов в пределы Нарбонской Галлии в 58 г. до н. э. (Caes. De bello Gall. I. 8). Столь же бурный строительный энтузиазм продемонстрировали позднее, в 70 г. н. э., римские солдаты (не менее 20 тысяч человек) под командованием Тита в период осады Иерусалима, когда за три дня они возвели вокруг города стену длиной почти 7 км и тринадцать сторожевых башен (Jos. Fl. Bell. Jud. V. 12. 2). С учетом производительности труда римских легионеров в указанных примерах и их числа под началом у Красса можно утверждать, что создание фортификационной линии на Регийском полуострове должно было занять не более недели.

Сначала эти сооружения мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но скоро стало ясно, что армия рабов заперта на пространстве, где запасы продовольствия весьма ограничены, несмотря на наличие здесь семи городов с прилегающей сельской округой, в том числе таких известных, как Регий и Локры Эпизефирские. Первая же попытка прорыва блокады, предпринятая на заре, закончилась неудачей. Как гордо утверждал Аппиан, погибло около шести тысяч восставших, а вечером еще столько же, тогда как у римлян благодаря укреплению дисциплины было всего трое убитых и семь раненых (App. Bell. Civ. I. 119). Естественно, эти цифры, отражающие урон, понесенный армией Спартака, абсолютно нереальны.

После постигшей их неудачи рабы уже не атаковали укрепления Красса всеми силами, а беспокоили осаждавших мелкими стычками и неожиданными нападениями, забрасывая ров связками хвороста и поджигая их. Все это должно было держать римлян в постоянном напряжении, под угрозой внезапной попытки прорыва. Одновременно предпринимались действия, способные спровоцировать противника на атаку. Так, однажды Спартак приказал распять пленного римлянина на нейтральной полосе между позициями обеих армий. Красс, убедившись, что «рабская» война — дело тягостное и серьезное, не принял этот вызов. Он предпочитал выжидать и с презрением отверг предложение вступить в переговоры. В чем заключалась их суть? Может быть, отчасти некоторый свет на этот вопрос проливает сообщение Тацита, который вспоминал попытку мирных переговоров со стороны

Спартака в связи с другим «дезертиром и разбойником» — Такфаринатом, вождем африканского восстания 17—24 гг. н. э. Этот нумидиец потребовал, угрожая бесконечной войной, предоставить местожительство себе и войску, но также получил решительный отказ (Тас. Ann. III. 73).

Наконец, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, Спартак приказал засыпать часть рва землей, ветками, телами убитых пленников и трупами павших лошадей, а затем успел перевести через него третью часть своего войска¹⁷. Причем это была наиболее мобильная его часть, поскольку Аппиан сообщает, что Спартак готовил к прорыву конный отряд и решил пойти на риск, когда всадников было уже достаточно (App. Bell. Civ. I. 119—120). Видимо, перед этим был отдан приказ реквизировать всех пригодных для использования в кавалерии коней на полуострове. Прежде всего данная мера должна была коснуться окрестностей городов Гиппоний и Медма, где находились пригодные для коневодства прекрасные цветистые луга (Strab. VI. 1. 5). Создается впечатление, что таким образом была реализована еще одна его военная хитрость, которая должна была побудить Красса действовать более решительно. В любом случае, тот оказывался в невыгодном положении. Если римская армия оставалась на прежних позициях, скован-

¹⁷ Видимо, прорыв был осуществлен в феврале, поскольку начинать решительные военные действия задолго до наступления весны не имело смысла. До сих пор в этом месяце на юг Италии и Сицилию нередко обрушиваются мощные снежные бури (например, 18.02.2008).

ная большей частью войска восставших, то Спартак со своим отрядом получал полную свободу действий в отношении других римских полководцев, собиравшихся прибыть в Италию морем. Если же нет, то для римлян возникала угроза нанесения удара с двух сторон. Скорее всего, Красс бросил бесполезные теперь укрепления и двинулся вслед за Спартаком, так для него важно было обеспечить себе численное превосходство в предстоящей битве. Он уже жалел, что ранее писал сенату о необходимости вызвать в Италию войска других полководцев: из Фракии — Марка Лукулла, а из Испании — Гнея Помпея. Слава победителя медленно ускользала из рук Красса, поэтому он должен был спешить окончить войну с мятежниками до появления своих возможных конкурентов. Пока еще главнокомандующий, он предвидел, что в противном случае успех будет приписан не ему, а тому из них, кто явится к нему на помощь.

Между тем путь воинов Спартака лежал к Брундизию, большому порту на Адриатическом море с несколькими прекрасными гаванями, вмещавшими до двухсот кораблей. Стремительный конный рейд и захват Брундизия до начала навигации в апреле позволял воспрепятствовать возможной высадке легионов Лукулла или спокойно дожидаться подхода подкреплений, посадить воинов на корабли и переправить их в порт Диррахий на расстоянии около 260 км от Италии. Оттуда открывался путь в Грецию или на север Балканского полуострова. Возможно, конечной целью в данном случае представлялся восточный театр военных действий, где у восставших рабов еще оставался потенциальный союзник — непримиримый враг

Рима Митридат VI Евпатор. Однако захватить хорошо укрепленный порт так и не удалось. Аппиан по этому поводу писал: «Когда Спартак узнал, что в Брундизии находится Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло...» (App. Bell. Civ. I. 120). Конечно, римским историком, писавшим более чем двести лет спустя после описываемых событий, здесь была допущена ошибка. Победитель Митридата в это время находился на Востоке и не покидал театр военных действий. Но дело в том, что и его брат, Марк Лукулл, тоже вряд ли мог высадиться в Брундизии со своей армией в конце зимы—начале весны 71 г. до н. э.¹⁸ Во-первых, из-за плохих погодных условий это не очень подходящее время для переправы крупных военных сил¹⁹, во-вторых, на год, когда завершилась тяжелая Македонская война, приходится слишком много событий,

¹⁸ При стремлении римлян быстрее завершить позорную рабскую войну было бы странным полное бездействие крупных воинских сил, оказавшихся близ театра военных действий почти за два месяца до их окончания. К тому же, кроме противоречивого сообщения Аппиана, о появлении Лукулла в Италии не упоминает ни один античный автор. Вообще надо сказать, что при всей ценности информации о восстании Спартака, сообщаемой этим историком, она представляет собой своего рода «нарезку эпизодов», иногда разделенных значительными промежутками времени.

¹⁹ Состоявшаяся в первой половине января 48 г. до н. э. переправа Юлия Цезаря с пятью легионами из Брундизия на Балканский полуостров, когда «пора бурь и ветров на море, и даже богу невозможно смирить силой стихию» (Plut. Caes. 37), была абсолютно чрезвычайным событием.

чтобы уложить их в пределы всего двух, к тому же зимних, месяцев. Длинный список деяний Марка Лукулла в 71 г. до н. э. приводит Евтропий: война с бесами и победа над ними в большом сражении у горы Гемы, осада и захват города Ускудам, в котором жило это племя; взятие Кабилы и поход к Дунаю, а затем ко многим городам, расположенным у Понта. В итоге Лукулл опустошил Аполлонию, взял Каллатиды, Парфенополь, Томы, Истр, Бурупаны и только тогда, закончив войну, возвратился в Рим (Eutr. VI. 8. 1). Собственно, в его легионах и не было особой нужды после назначения вторым главнокомандующим в рабской войне Гнея Помпея, вернувшегося из Испании.

Так или иначе, когда надежда на флот, позволявший покинуть Италию, растаяла и одновременно в борьбу скоро должна была вступить новая римская армия, намерения Спартака сразу резко изменились: он вновь сделал своей главной целью разгром Красса и, судя по всему, опять прибег к военной хитрости. Плутарх сообщает о раздорах, очевидно мнимых, среди восставших, в результате которых от основных сил армии Спартака откололся отряд под командованием Гая Канниция²⁰ и Каста, расположившийся в самостоятельном лагере у Луканского озера (Plut. Crass. 11; Liv. Ep. 97). Кстати, Орозий, видимо более точно, называет этот отряд вспомогательным войском Спартака (Oros. V. 24. 6). Тит Ливий определяет его численность минимум в тридцать пять тысяч человек,

²⁰ У некоторых античных авторов этот предводитель восставших именуется Ганником.

дополнительно указывая, что это были галлы и германцы. Такие силы несопоставимы с третью войска, которое увел Спартак с Регийского полуострова. Возможно, это действительно был самостоятельный отряд, но из числа тех, что вырвались из бруттийской ловушки позднее и шли на соединение со Спартаком согласно заранее разработанному плану. Вскоре он подвергся нападению со стороны Красса, который стал успешно теснить повстанцев, но внезапное появление воинов Спартака остановило бегство охваченных паникой людей. Красс был вынужден отступить, но ненадолго. Выждав некоторое время, он снова решил напасть на отряд Канниция и Каста, но, чтобы на этот раз предотвратить возможную помощь им, расположил свои силы в двух укрепленных лагерях, расположенных вплотную к полевым укреплениям своих противников с одной стороны, и Спартака — с другой.

Под покровом ночи Красс вывел все войско из лагерей, оставив в большем, находившемся близ позиций Спартака, чтобы ввести его в заблуждение, свою палатку главнокомандующего. Сам же разместил легионеров в засаде у подножия ближайшей небольшой горы. Далее он отдал приказ Луцию Квинцию разделить вверенную ему конницу на две части. В задачу одной из них входило завязать бой с войском Спартака и отвлечь его на себя, другая же должна была вступить в сражение с отделившимися галлами и германцами и притворным бегством заманить их подальше, поставив под удар основных сил Красса. Чтобы усилить свои позиции и произвести нападение сразу с нескольких сторон, он отправил 12 когорт с легатом Гаем Помпонием и Квинтом Марци-

ем Руфом на один из окрестных холмов, в обход горы, «с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться туда незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался... в опасном положении». Но было уже поздно. Развернулось, как писал Плутарх, «самое кровопролитное сражение за всю войну» (Plut. Crass. 11). В решающий момент масса отступавших в беспорядке всадников разделилась, отойдя на фланги, и перед воинами Канниция и Каста неожиданно появились ряды римской пехоты, с криком ринувшейся вперед, а с тыла также с громким криком уже приближались когорты Гая Помпония. Несмотря на стойкое сопротивление — из 12 300 погибших повстанцев только двое были ранены в спину — разгром был ужасным. Теперь Крассу было чем отчитаться перед сенатом: он сумел вернуть захваченные у римлян в прошлых битвах пять легионных орлов, двадцать шесть воинских значков более мелких подразделений и много других трофеев (Front. V. 34). А ведь если подсчитать число римских легионов, разгромленных воинами Спартака, это всего лишь около половины захваченных ими трофеев! О масштабах поражений, в которых они были утрачены, в глазах самих римлян, в сравнительном плане можно сделать вывод на основании письма, направленного Цицерону Сульпицием Гальбой после победы над Марком Антонием в 43 г. до н. э.: «...два орла и шестьдесят знамен были захвачены – все Антония! Это было выдающееся достижение» (Cic. Epist. 10. 30). Позднее император Август,

узнав об уничтожении германцами трех легионов под командованием Квинтилия Вара и, соответственно, потере трех легионных орлов, на несколько месяцев перестал стричь волосы и бриться, а потом каждый год отмечал день поражения трауром и скорбью.

После неудачи у Луканского озера Спартак, чтобы собраться с силами, временно отступил к Петеллийским горам, лежавшим на юго-восток от поля сражения, в хорошо знакомой ему гористой области Бруттий. Командование римской армии было единодушно в том, что, с одной стороны, ему нельзя дать уйти, с другой — надо всячески избегать встречи с Помпеем, которому сенат уже вручил высшие полномочия в ведении этой войны. Преследовать рабов отравились один из легатов Красса Квинт Аррий и квестор Гней Скрофа, видимо, совершенно утратившие чувство опасности. Свою задачу сковать силы восставших мелкими стычками и дожидаться подхода основной части армии Красса они не выполнили. Когда Спартак прекратил отступление и сам атаковал римлян, те «бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора» (Plut. Crass. 11). Судя по тому, что позднее, после разгрома Спартака, Красс обнаружил в его лагере три тысячи пленных римских граждан (Oros. V. 24. 7), захвачены они были именно в том злополучном для римлян сражении. По словам Плутарха, этот временный успех и погубил беглых рабов, совершенно вскружив им головы. «Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути,

с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян» (Plut. Crass. 11). Свой последний лагерь Спартак разбил у истоков р. Силар (Oros. V. 24. 6)²¹, на границе Кампании и Лукании. Красс, не решившийся сразу сразиться со своим противником, разбил рядом лагерь и стал обносить его рвом. Отложив в сторону оружие, легионеры бодро взялись за лопаты и кирки. Земляные работы еще продолжались, когда начались военные действия, поначалу ограничивавшиеся незначительными взаимными нападениями. Обе стороны постепенно копили силы за счет подходивших подкреплений, но вскоре построились для последней битвы²². С этим моментом связан носящий фольклорный оттенок рассказ Плутарха о том, как вождю рабов «подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем» (Plut. Crass. 11). Впрочем, возможно, все объясняется

²¹ Истоки этой реки (совр. Селе), впадающей в Тирренское море, находятся на расстоянии около 170 км к юго-западу от Брундизия.

²² Очевидно, эта битва произошла не позднее апреля 71 г. до н. э., если учесть, что, согласно Аппиану, Красс окончил «гладиаторскую войну в шесть месяцев» (App. Bell. Civ. I. 121). Нет никаких оснований считать, как это делала А. А. Мотус, что последний поход Спартака «происходил, если считать со времени прорыва римских укреплений в Бруттии, с лета по середину (или конец) осени 71 г. до н. э.» (Мотус А. А. Один эпизод из Спартакской войны: последний поход Спартака. С. 50).

существованием у фракийцев обычая приносить в жертву коня прямо перед строем готовых вступить в бой воинов (Flor. IV. 12. 15).

На открытой местности римляне скоро сумели добиться преимущества в столкновении со своими противниками, хотя те и сражались в правильном строю. Тогда Спартак, видимо, во главе наиболее боеспособных частей своей армии, сделал ставку на то, чтобы добраться до Красса и его смертью переломить ход сражения. «Ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» (Plut. Crass. 11). Другие детали этого сражения донес до нас текст Аппиана: «Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колени и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около тысячи человек. Тело Спартака не было найдено» (App. Bell. Civ. I. 120). Даже не испытывавший никаких симпатий к Спартаку римский историк Флор был вынужден отдать должное исключительному героизму Спартака и его соратников: «Они решили пробиться и пали смертью, достойной воинов. Сражались не на жизнь, а на смерть, чего и следовало ожидать, когда командует гладиатор. Сам Спартак, храбро бившийся в первом ряду, пал как полководец» (Flor. III. 20. 13).

Вполне вероятно, дополнительный свет на вопрос об обстоятельствах гибели Спартака проливает фрагмент древней фрески, обнаруженной в Помпеях в 1927 г. Она происходит из небольшого домика, принадлежавшего жрецу Аманду и построенного лет за полтора до гибели города в результате извержения Везувия. Фреска, украшавшая дом на заре его существования, обнажилась случайно, когда в коридоре обвалилась поздняя штукатурка. Частично поврежденное изображение включало две сцены, которые, если следовать направлению сопровождающих его надписей, надо рассматривать справа налево. Тогда в первой сцене оказываются два всадника, один из которых настигает обернувшегося противника и вонзает копьё ему в бедро (рис. 36). Над последним надпись оскскими буквами «Спартакс», над головой преследователя частично сохранившиеся буквы, которые итальянский археолог А. Майюри расшифровал как «Феликс из Помпей»²³. Далее слева, во второй сцене, — два бьющихся пеших воина. Обращает на себя внимание следующее: защищающийся воин представлен без шлема, а его довольно неестественная поза заставляет предполагать, что он ранен в ногу и продолжает отбиваться от врага, находясь в тяжелом состоянии. Если это так, а фреска датируется временем не ранее начала I в. до н. э., то некий Феликс из Помпей решил таким образом увековечить свой подвиг сразу после победы над Спартаксом.

²³ *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. С. 96—98; *Носов К. С.* Указ. соч. С. 77.

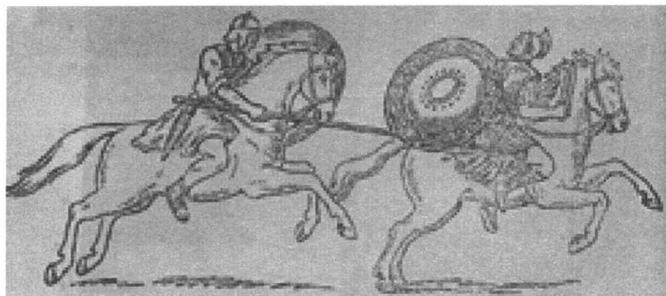

Рис. 36. Реконструкция центральной части фрески с изображением Спартака

Но вернемся к событиям 71 г. до н. э. Итак, после смерти Спартака его войско еще продолжало сражаться, но, будучи лишено полководца, потеряло всякое организационное начало. По имеющимся данным, точность которых, конечно, не следует преувеличивать, на поле боя римляне насчитали шестьдесят тысяч убитых врагов²⁴. Большое число спартаковцев еще успели укрыться «в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением шести тысяч» (App. Bell. Civ. I. 120). В назидание тем, кто решится противиться воле Рима, шесть тысяч пленных рабов были распяты по приказу Красса вдоль Аппиевой дороги от Капуи, где началось восстание, до ворот столицы. На основе неслож-

²⁴ Веллей Патеркул приводит меньшую цифру: по его сведениям, в сражении приняли участие сорок девять тысяч воинов Спартака (Vell. Pat. II. 30. 5).

ных расчетов можно представить себе эту уходящую за горизонт цепочку крестов, отстоявших друг от друга немногим более чем на 30 м.

Разгром восставших довершил Помпей, истребив их пятитысячный отряд, уцелевший после сражения с Крассом. Превознося свои заслуги, он написал в сенат: «...в открытом бою беглых рабов победил Красс, я же уничтожил самый корень войны» (Plut. Crass. 11). Сторонники и противники обоих полководцев в сенате долго и бурно обсуждали вопрос о том, кого из полководцев можно считать победителем. В конце концов почести достались Крассу, но его надежды на желанный большой триумф не оправдались. Теперь, когда угроза миновала, возобладало мнение, что война велась с ненастоящим противником и к легкости такой победы больше подходит «зелень Венеры», т. е. миртовый, а не лавровый венок. В итоге Крассу был назначен малый пеший триумф, или так называемая орация с увенчанием именно миртовым венком. Такое отличие предполагало вступление в город пешком с венком на голове и принесение в жертву богам овцы. Единственное, чего он сумел для себя добиться, — вынесение специального сенатского постановления об увенчании его лавром, а не миртом.

Впрочем, говорить об уничтожении самого корня рабской войны было еще рано. Еще долго по всей Южной Италии тлели искры великого пожара — там, где в лесах и горах скрывались разрозненные группы бывших воинов Спартака. О размахе этого движения свидетельствует отправка против них в 63 г. до н. э. из Рима специальной карательной экспедиции Квинта Метелла Критского. Видимо, он не добился какого-

либо серьезного успеха, поскольку уже на следующий год мятежники объединили свои усилия, захватили область города Фурии и долго удерживали ее под контролем. Узнав о заговоре и выступлении в столице рвавшегося к власти известного политического авантюриста Сергия Катилины, многие считали даже, что в этой ситуации можно снова двинуться на Рим. Но все эти надежды вскоре рассеялись как дым. Последних сподвижников Спартака по чрезвычайному поручению сената уничтожил присланный из столицы отряд пропретора Гая Октавия, отца будущего императора Октавиана Августа.

И все-таки выступления людей, сражавшихся на арене амфитеатров, против римских властей не стали лишь достоянием прошлого. В правление императора Тиберия гладиаторы приняли самое деятельное участие в галльском восстании 21 г. Тацит, единственный античный автор, запечатлевший эти события, писал, что к военным силам, собранным тогда племенем эдуев, «были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупеллarii, малопригодные для нападения, но зато неуязвимые для наносимых врагом ударов». Вождь эдуев Юлий Сакровир поставил этих латников впереди своего войска, на направлении главного удара римлян. В результате именно они несколько задержали разгром эдуев, «так как их доспехи не поддавались ни копьям, ни мечам; впрочем, воины, схватившись за секиры и кирки, как если бы они рушили стену, стали поражать ими броню и тела; другие при помощи кольев валили эти тяжелые глыбы, и они, словно

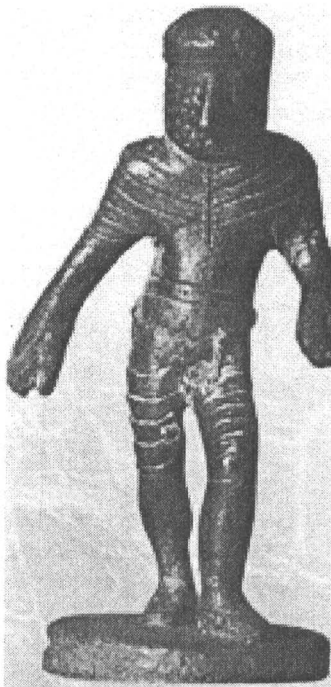

Рис. 37. Бронзовая статуэтка крупеллария (?) из Вертиньи.

I в. н. э.

мертвые, продолжали лежать на земле, не делая ни малейших усилий подняться» (Тас. Ann. III. 43, 45, 46). Последнее обстоятельство, отмеченное Тацитом, невольно заставляет вспомнить тяжелые доспехи европейских рыцарей позднего Средневековья. Что конкретно входило в состав вооружения крупеллариев сказать трудно, но если прав М. Юнкельман, предположивший, что именно крупеллария изображает бронзовая статуэтка из Вертиньи (рис. 37)²⁵, то такое сопоставление имеет под собой некоторые основания. На голове воина горшковидный шлем с выступом в форме носа и множеством отверстий. Горизонтальная по-

лоска в верхней части шлема, скорее всего, является смотровой щелью. Полосы на груди, руках, поясе и

²⁵ *Junkelmann M. Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein. S. 83.*

бедрах, очевидно, демонстрируют использование в доспехе какой-то ламинарной конструкции ²⁶.

Еще одно восстание гладиаторов произошло при Нероне в 64 г. н. э., когда бойцы из Пренестинской школы в маленьком городке недалеко от Рима предприняли неудачную попытку обрести свободу, но были усмирены приставленной к ним бдительной воинской стражей (Тас. Апп. XV. 46). Приведенные примеры еще более наглядно подчеркивают размах событий, связанных с движением Спартака, переросшего из восстания гладиаторов в настоящую войну, сплотившую более чем на два года все антиримски настроенные силы на земле Италии и сыгравшую определенную роль в развитии военного искусства античного мира.

²⁶ Носов К. С. Указ. соч. С. 77.

ГЛАДИАТОРСКИЕ ИГРЫ НА БЕРЕГАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Обычно все, что относится к гладиаторам, представляется нам достаточно далеким, связанным с территорией Италии или, по крайней мере, с землями, освоенными римлянами в процессе завоеваний. Между тем во времена Римской империи гладиаторские игры появлялись везде, куда распространялись ее власть или хотя бы влияние. Проводились они и на берегах Северного Причерноморья, куда не раз ступала нога римского солдата. По крайней мере, мы точно знаем, что с развлечениями, популярными у римлян, довелось познакомиться жителям таких городов, как Пантикапей — на месте современной Керчи и Херсонес — далекий предшественник Севастополя. Первый из них был столицей Боспорского царства, значительное укрепление контактов которого с Римом произошло при царе Аспурге (10—38 н. э.). Он был послушным исполнителем воли императоров Августа и Тиберия, что привело к появлению в титулатуре боспорских правителей такого элемента, как «друг цезаря и друг римлян». По-видимому, это сопровождалось дарованием Аспургу и его потомкам звания и привилегий римского гражданина. С этого

времени боспорские цари принимают имя Тиберий Юлий, которое становится династическим вплоть до конца V в. Римско-боспорские отношения строились на основе договора о дружбе (*amicitia*), который при вступлении на престол нового царя подразумевал подтверждение его полномочий непосредственно в Риме. Последней попыткой избавиться от этой зависимости стала Боспорская война 45—49 гг., которую непокорный Митридат VIII, наследник имени великого понтийского царя, вел против Рима и своего младшего брата Котиса, выступившего в роли претендента на трон. Видимо, долгое пребывание на Боспоре воинского контингента под командованием римского военачальника Юлия Аквилы и подчеркнутое романофильство нового царя способствовали введению, по крайней мере в столице, нового вида зрелищ. Сцены, связанные с ними, изображены на стенах большого пантикапейского склепа, раскопанного в 1841 г. директором Керченского музея древностей Антоном Ашиком. Эта двухкамерная гробница, по-видимому, была местом царского захоронения, вполне возможно, упомянутого Котиса I (45—68 н. э.). Ее торжественная фресковая роспись осталась запечатленной только в копиях, выполненных в течение двух недель после ее открытия художником А. М. Стефанским, учеником И. К. Айвазовского. Здесь представлены пышная погребальная процессия, загробная трапеза, победоносное конное сражение и, видимо, данное в память о покойном царе представление с участием гладиаторов¹.

¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 346—375. Табл. LVXXXIX—XCI.

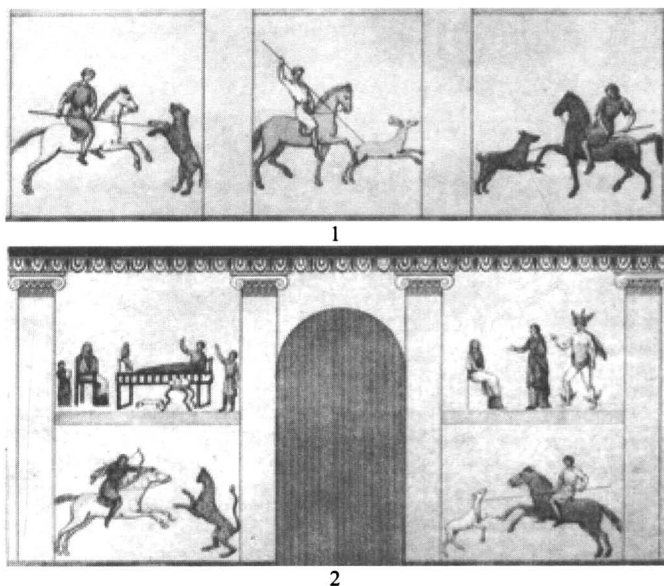

Рис. 38. Конные венаторы в росписи первой камеры пантикапейского склепа 1841 г.:
1 — правая стена; 2 — задняя стена

В росписях стены первой камеры склепа мы видим главным образом конных «венаторов» (рис. 38), одежда которых мало чем отличается от той, что носили обыкновенные боспорцы: длинный, до колен, хитон с короткими рукавами, перетянутый поясом, обтягивающие штаны и небольшие кожаные сапожки на ногах. Изображения травли диких животных помещены в нижний ярус росписи, отличающийся подчеркнутым реалистическим характером. На боковой

стене мы видим вооруженных копьями всадников, каждый из которых противостоит какому-нибудь зверю. Два крайних, сражающихся с медведем и кабаном, держат копья двумя руками и обращены к центру композиции, где находится фигура юноши поражающего оленя с копьем в правой руке. Длина таких копий, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны, должна была составлять около 2,5 м. То, что охотники держат их обеими руками, наводит на мысль об утяжелении данного оружия за счет веса наконечника и толщины древка².

Еще две сцены «охоты» представлены в нижнем ярусе задней стены первой камеры, по обе стороны от арочного прохода, к которому обращены фигуры конных венаторов. У одного из них, скачущего вправо, поводья брошены у основания шеи лошади, так как руки заняты мощным луком, из которого он готов сразить стрелой поднявшегося на задние лапы хищника. Судя по удлинненным пропорциям тела, маленькой заостренной голове, гибкому хвосту и пятнам на шкуре, это гепард. Он показан наносящим удары передними лапами, что является обычной реакцией рассвирепевшего раненого зверя. Всадник справа, держа двумя руками копье, наносит смертельный удар в горло какому-то копытному животному. Правда, занимавшийся анализом этих фресок М. И. Ростовцев, вопреки собственному мнению об их бытовом характере, почему-то полагал, что слева изображен «ставший на дыбы грифон», хотя у него

² *Сидорова Н. А., Чубова А. П.* Искусство Римской Африки. С. 206. Ил. 107.

отсутствуют крылья, а справа — «хищник, может быть пантера», что при наличии у этого животного копыт совершенно невозможно.

Относительно первой сцены следует сказать, что это единственный для Боспора пример изображения в действии лука «гуннского» типа. Такой сложносоставной лук имел достаточно большие размеры — не менее 1,2 м. Наличие четко выделенной рукояти и круто изогнутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальность, что позволяло поражать цель со значительного расстояния. Всадник, скачущий вправо, держит лук опущенным вниз под небольшим углом. Четырьмя пальцами левой руки он сжимает прямую рукоять лука, при этом большой палец, прижатый сверху справа от нее, служит для стрелы направляющей. Тетива оттянута назад, до уха, но на уровне шеи, согнутым большим пальцем правой руки с использованием указательного и среднего пальцев, что соответствует наиболее совершенному, так называемому «монгольскому» способу стрельбы.

Как бы продолжая эту сюжетную серию, на входной стене второй камеры склепа представлена схватка вооруженного трезубцем полуобнаженного пешего венатора с нападающим на него леопардом (рис. 39). Почти аналогичные по композиции изображения присутствуют на ажурных рельефах двух деревянных саркофагов, обнаруженных на территории Керчи, в расположенных по соседству каменных гробницах конца I—начала II в. н. э. из сада Золотарева (1883) и из насыпи склепа в усадьбе Фельдштейна (1900). Против льва здесь выступает в одном случае одетый

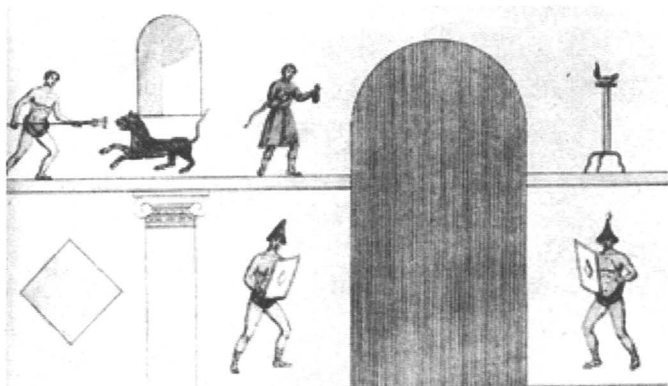

Рис. 39. Венатор и гладиаторы в росписи второй камеры склепа 1841 г.

в длинный хитон персонаж с трезубцем, в другом — обнаженный человек с копьем (рис. 40)³.

Оружие венатора на фреске 1841 г. имеет укороченное древко и необычную V-образную форму металлической части с тремя остриями. Аналогичные предметы охотничьего вооружения, но с двумя остриями, имеются в руках как пеших, так и конных охотников на зайцев на мозаиках IV в. н. э. из Фисдруса и с виллы в Пьяцца Армерина на Сицилии. Хотя нет ни одного изображения, где бы трезубец присутствовал в руках профессиональных римских венаторов, обычно использовавших охотничье копье — венабул, возможно, такой специфический тип охотни-

³ *Ростовцев М. И.* Указ. соч. С. 266 и след.; *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. Табл. 39, 2; 42, 1.

1

2

Рис. 40. Изображения венаторов на боспорских деревянных саркофагах:

- 1 — из гробницы 1900 г. в усадьбе Фельдштейна;
2 — из гробницы 1883 г. в саду Золотарева

чьего оружия действительно иногда использовался на Боспоре против крупного зверя. Об этом говорит одна весьма существенная деталь: и на фреске 1841 г., и на саркофаге 1900 г. на некотором расстоянии от расходящихся заостренных концов трезубца имеется выгнутая наружу перекладина. В использовавшемся в

римский период охотничьим оружием типа рогатины⁴ она должна была удерживать раненого зверя на определенной дистанции, иначе он мог бы достать вена-тора лапой. Древко на фреске 1841 г. укорочено, судя по всему, чтобы «охотник» имел возможность в сложной ситуации для большей устойчивости упереть его себе в грудь.

В нижнем ярусе той же стены склепа 1841 г., по обе стороны от входа, изображена пара противостоящих друг другу гладиаторов, практически одинаково одетых и вооруженных (рис. 39). Из одежды на них только повязка-сублигакул синего цвета, на ногах — сандалии с ремешками, обвивающими голени. Голова в обоих случаях защищена высоким коническим шлемом, при этом тот, что справа, дополнен небольшим навершием. В данном случае эта деталь, быть может, является своего рода этнической эмблемой, поскольку такое же навершие можно видеть на шлемах противников боспорцев в сцене конного боя. Реальные прототипы таких шлемов имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы. У гладиатора, изображенного слева от входа, в правой руке кинжал, в левой — небольшой, слегка выгнутый щит прямоугольной формы с ромбическим умбоном в центре и полосой обивки по краю. Предметы вооружения его соперника размещены в зеркальном порядке, что можно объяснить только стремлением древнего живописца добиться абсолютной симметрии в изображении двух человеческих

⁴ Носов К. С. Указ. соч. С. 27.

фигур относительно входа. Та же самая тенденция наблюдается и в росписях других боспорских склепов.

К какому же типу гладиаторов можно отнести двух изображенных бойцов? М. И. Ростовцеву представлялось, что, если исключить форму щита и шлема, ближе всего они соотносятся с мирмиллонами⁵. На самом деле различий гораздо больше, ведь мирмиллону полагалось иметь широкий пояс-балтеус, манику на правой руке и короткую поножь на левой ноге. Некоторую параллель можно усмотреть только в расширении изображенных на фреске шлемов книзу, что, возможно, говорит о наличии у реальных прототипов более или менее широких полей.

Таким образом, имеющийся в данном случае комплект легкого вооружения — шлем, щит, кинжал — без дополнительных средств защиты не соответствует полностью ни одному из известных типов гладиаторской экипировки. Некоторую близость, имея в виду укороченный прямоугольный щит и кинжал, можно усмотреть только с вооружением «фракийцев». Это наблюдение подтверждается практически аналогичными между собой сценами двух поединков (рис. 41, 42), которые мы видим в правом углу верхнего яруса продольных стен второй камеры. Участники этих поединков изображены в шлемах с назатыльником и характерным для «фракийцев» загнутым вперед гребнем. В центре правой боковой стены склепа, вероятно для того, чтобы разнообразить сюжеты, представлен боспорский «ретиарий» с трезубцем, имеющим вток в

⁵ *Ростовцев М. И.* Указ. соч. С. 356.

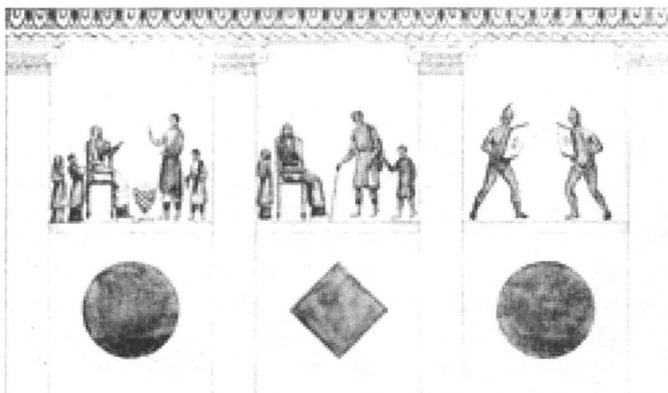

Рис. 41. Изображение поединка гладиаторов на левой стене второй камеры склепа 1841 г.

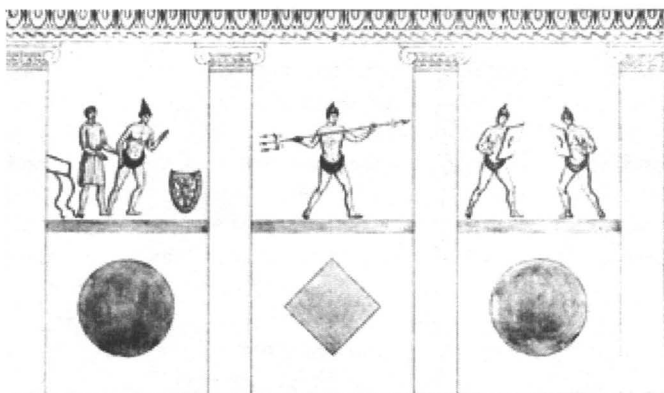

Рис. 42. Подготовка гладиатора к бою, «ретиарий» и два грегария в росписи правой стены второй камеры склепа 1841 г.

виде заостренного наконечника. Он отличается от устоявшегося к этому времени римского типа легковооруженного ретиария, с одной стороны — наличием шлема, с другой — отсутствием маники и наплечника (галера) на левой руке, сети, кинжала и стеганых матерчатых обмоток на ногах. Левее размещена сцена с двумя персонажами, одного из которых, в коническом шлеме и сублигакуле (отдельно, в углу, изображен щит с ажурным орнаментом на внешней поверхности), вероятно, готовят к выходу на арену.

Что же является общей чертой запечатленных на стенах склепа 1841 г. пеших боспорских гладиаторов? Безусловно, их почти полная незащищенность. Понятно, что без маники на руке, широкого пояса и других деталей обычной экипировки поединок становился слишком скоротечным. Но, может быть, так и было задумано? Скорее всего, мы видим здесь тот тип бойцов на арене, который ни разу не удостоился чести быть отраженным в памятниках римского искусства. Это уже упоминавшиеся грегарики главным образом из числа обреченных на смерть военнопленных и преступников. Именно о них Сенека писал: «Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет?.. Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти... Для сражающихся нет иного выхода... и так покуда не опустеет арена» (Sen. Epist. VII. 3—4).

Такая ситуация вполне понятна, так как на Боспоре отсутствовала собственная гладиаторская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров издалека было слишком дорогим удовольствием. Впрочем, полностью исключить присутствие на пантикапейской арене немногочисленных местных любителей, готовых за деньги продемонстрировать свое воинское мастерство, вряд ли возможно. Подобную ситуацию описал в своей новелле «Токсарид или Дружба» известный греческий писатель II в. Лукиан Самосатский. В ней рассказывается о двух друзьях родом из Скифии, Токсариде и Сисинне, оказавшихся по воле случая в городе Амастрии на Понте Евксинском. Оба в результате ограбления лишились всего своего имущества, а потом узнали о готовившемся представлении с участием нанятых за плату гладиаторов. Когда наступил назначенный день, они отправились в местный театр. Далее, как рассказывал Токсарид, «усевшись, мы видели, как охотились с дротиками на диких зверей, как их травили собаками... Наконец... глашатай, выведя весьма рослого юношу, объявил, чтобы всякий желающий сразиться с ним один на один выходил на середину, за это он получит десять тысяч драхм — плату за бой. При этих словах Сисинн вскочил и, сбжав на арену и изъявив желание сражаться, потребовал оружие. Получив десять тысяч драхм, он принес их и отдал мне... Сисинн, получив оружие, надел его, только не взял шлема, а сражался с непокрытой головой. Он получил рану, задетый кривым мечом (т. е. противник выступал в вооружении фракийца. — В. Г.) под коленом, так что кровь обильно заструилась... Но Сисинн подстерг своего против-

ника, кинувшегося слишком смело, и пронзил его насквозь, поразив в грудь. Гладиатор тут же пал к его ногам» (Лис. Тох. 59—60). У Лукиана речь идет о разовом выступлении в роли гладиатора, без всяких дальнейших обязательств. Представляется, что такой сценарий был достаточно обычным для многих периферийных греческих центров.

В этой связи обращает на себя внимание одна из сцен верхнего яруса второй камеры склепа, где навстречу друг другу устремляются два конных воина. Слева скачет облаченный в короткий панцирь без рукавов всадник в уже знакомом нам шлеме с гребнем и назатыльником и с копьем в правой руке, а справа — персонаж без доспеха, с головным убором, напоминающим кожаный башлык, и луком «гуннского» типа (рис. 43). Здесь следует отметить характерное для многих традиционных пар римских гладиаторов явное стремление уравнивать шансы противников. Один из них подвергается опасности со стороны стрелка из дальнобойного лука, но имеет панцирь, другой, если он не сможет использовать свое преимущество, в случае ближнего боя фактически обречен на поражение.

Теперь вновь вернемся к сценам с конными «охотниками» из склепа Ашика. Очевидно, они полностью вписываются в картину проведения на Боспоре гладиаторских игр. Судя по последовательности сюжетов, представление здесь, после торжественного прохождения всех его участников перед зрителями, начиналось, как и в Риме, звериной травлей с участием конных и пеших венаторов, которым в местных условиях вряд ли требовалась специальная подготовка. Если учесть, что в декоре склепа представлены пять

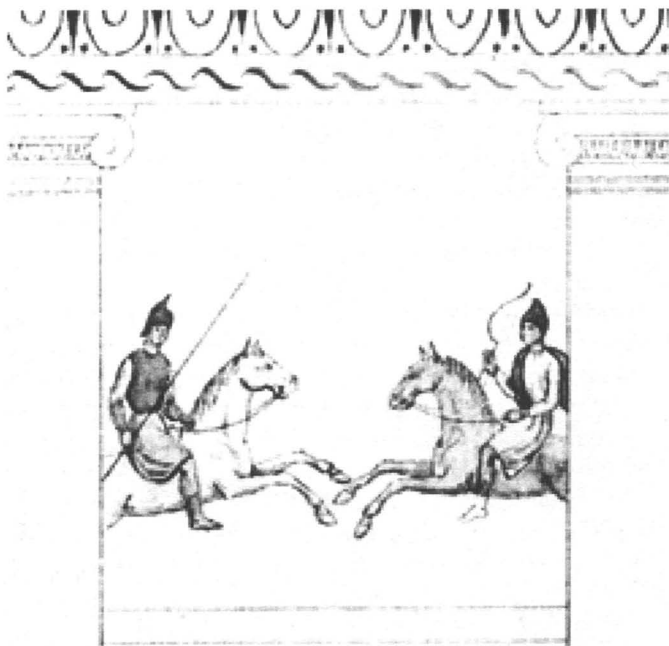

Рис. 43. Поединок всадников в росписи задней стены второй камеры склепа 1841 г.

сцен схваток всадников с дикими животными и один пеший венатор, а поединков между людьми лишь четыре, то предпочтение, отданное конной «охоте», вероятно, следует объяснять ее большим соответствием условиям жизни людей того времени, связанной со степными районами Восточного Крыма и Прикубанья, где слишком часто приходилось, сидя верхом, демонстрировать свои навыки владения луком и ко-

пьем. По-видимому, такое зрелище находило больший отклик среди населения столицы царства что, соответственно, повлияло на структуру представлений, призванных обеспечить популярность их организатору. И это при том, что в Риме травля зверей конными венаторами проводилась редко и выглядела достаточно экзотично⁶.

Во второй части игр, очевидно, демонстрировались выступления грегариев, сменявшиеся схватками конных бойцов, сражавшихся за плату. Специальный амфитеатр для проведения гладиаторских состязаний в Пантикапее, скорее всего, не существовал. Очевидно, как и во многих провинциальных греческих городах на территории империи (например, в малоазийском Афродисии, кипрском Курионе или в Афинах)⁷, представления устраивались в местном слегка переоборудованном театре, совмещавшем, таким образом, сразу несколько функций.

Вряд ли гладиаторские игры на Боспоре могли устраивать частные лица из-за дороговизны подобного рода зрелищ, скорее это входило в компетенцию царской администрации. Это тем более вероятно в связи с тем, что на востоке империи организация гладиаторских боев была тесно связана с отправлением императорского культа, а он был введен на территории Боспорского царства как раз при Котисе I, ставшем первым «пожизненным первосвященником августов». В любом случае, сужение датировки склепа

⁶ Носов К. С. Указ. соч. С. 27.

⁷ Рим. Эхо имперской славы. С. 102; Grant M. *Gladiators*. P. 88.

1841 г. до второй четверти I в. находит себе подтверждение при анализе ряда деталей его декора. С одной стороны, это чрезвычайная близость представленной в нем трактовки сюжета похищения Кору Плутоном к росписи пантикапейского склепа Деметры, датируемого временем около середины того же столетия, с другой — особенности орнаментальных украшений нижнего яруса двух стен этого погребального сооружения. Изображенные здесь окружности красного и зеленого цвета невольно заставляют вспомнить об упомянутом Сенекой модном увлечении римлян в первой половине 60-х гг. I в.: «Любой сочтет себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами...» (Sen. Epist. LXXXVI. 6).

В целом практика организации гладиаторских игр в Боспорском царстве, как и во многих греческих центрах Римской империи, не получила широкого распространения. Даже глиняные светильники местного производства с изображением гладиатора-фракийца, подражающие италийским⁸, как и упомянутые резные украшения деревянных саркофагов со сценами «венацио», выходят из моды уже в начале II в. н. э. Кровавые зрелища остались чуждыми основной массе населения боспорских городов и, видимо, периодически проводились только там, где существовали храмы, связанные с культом римских императоров, или временно размещались подразделения римской армии.

⁸ Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. С. 12, 37.

В отличие от Пантикапея, введенная римлянами традиция проведения гладиаторских игр гораздо дольше сохранялась в Юго-Западном Крыму, на территории Херсонеса, ставшего одним из форпостов Римской империи в Таврике со второй половины II в. н. э. Очевидно, определяющую роль в этом сыграло стремление римских солдат и командиров получить здесь привычный набор развлечений, а также изменившиеся вкусы части состоятельных горожан, желавших продемонстрировать свою лояльность по отношению к представителям новой власти. Вскоре после размещения здесь подразделений из состава легионов провинции Нижняя Мезия местный театр, первоначально вмещавший примерно 1800—2000 человек, подвергся значительной перестройке. Организация в театре гладиаторских боев потребовала увеличения пространства для выступлений и количества мест, а также соответствующей защиты зрителей. Теперь на возвышавшихся уступами каменных сиденьях с пристроенным дополнительным ярусом могло разместиться около 3—5 тысяч человек. Периодически превращавшаяся в арену полукруглая площадка оркестры, предназначенной для выступлений хора, была расширена до, примерно, 30 м в диаметре. Вместо первого зрительского ряда был сооружен высокий барьер, по-видимому с металлической решеткой⁹. Многие из таких «театров-амфитеатров» римского времени в Восточном Средиземноморье оказались связаны с культом Немезиды, считавшейся богиней судьбы и справедливости во всякой борьбе, кровавой или бескровной.

⁹ *Домбровский О. И.* Античный театр в Херсонесе. С. 32.

В данном отношении Херсонес не был исключением: в ходе раскопок на участке театра были найдены алтари, посвященные этой покровительнице гладиаторов и атлетов, актеров и солдат ¹⁰.

Небольшие размеры местной арены позволяли вступать в бой одновременно лишь ограниченному числу сражающихся пар. Заслуживает упоминания происходящий из Херсонеса обломок мраморного рельефа с полностью сохранившимся изображением поединка двух гладиаторов (рис. 44) ¹¹. Он относится к кругу произведений мастеров римской провинциальной скульптуры Подунавья и Малой Азии, для которых характерны суммарная трактовка и непропорциональность фигур, а также определенная скованность передаваемых движений. Тем не менее участники поединка изображены здесь достаточно детально, что в полной мере позволяет определить тип каждого гладиатора. Слева представлен нападающий боец с обнаженным торсом, резким движением полуцилиндрического щита с круглым умбоном опрокинувший своего противника наземь. Прямым коротким мечом он уже готов нанести последний, завершающий схватку удар. Лицо победителя закрыто округлым глухим шлемом с широким козырьком и гребнем, основание которого едва прослеживается. На его правой руке маника, набедренная повязка-септигакул перетянута широким поясом. Судя по вооружению и деталям экипировки, это секутор. Поверженный гладиатор с

¹⁰ Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса. С. 147 и след.

¹¹ Античная скульптура Херсонеса. С. 159.

Рис. 44. Обломок мраморного рельефа из Херсонеса с изображением двух гладиаторов

пышной шапкой волос, спускающихся на плечи, не имеет ни шлема, ни щита. На нем такие же повязка и пояс-балтеус, как и у первого. В левой руке, защищенной маникой, зажат кинжал, а правая поднята

вверх с раскрытой ладонью и отодвинутым большим пальцем. Это жест, обращенный к публике, — безмолвная мольба о помиловании. По всем признакам, здесь изображен традиционный противник секутора — ретиарий.

Судя по ряду деталей, описанный барельеф является частью надгробного памятника с невысоким узким фризом высотой 0,28 м, на котором были изображены несколько пар гладиаторов. Под ним шла надпись, датируемая по шрифту и стилистическим особенностям второй половиной II в., но от нее сохранилось только одно, довольно распространенное в Херсонесе, имя — Ксанф. Был ли гладиатором этот человек, удостоившийся погребения под роскошным мраморным надгробием? Вряд ли, гораздо больше оснований полагать, что он принадлежал к представителям городской верхушки и выступал в роли мунерария-устроителя игр или был должностным лицом, после смерти удостоившимся проведения гладиаторских игр, запечатленных затем на украсивших его могилу рельефах¹². В этом отношении можно усмотреть некоторую параллель с помпейским надгробным памятником Умбриция Савра.

О популярности происходивших в Херсонесе кровавых боев свидетельствуют найденные здесь привозные глиняные светильники первых веков нашей эры с изображениями сражающихся пар гладиаторов, например, мирмиллона и фракийца. Впрочем, иногда на них представлены одинокая фигура гладиатора-побе-

¹² Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом. С. 99—105.

дителя с пальмовой ветвью или Эрот в виде венатора. Известна и подобная продукция местного производства — изготовленные из светлой глины светильники III—IV вв. с надписями на донышках, нанесенными до обжига по сырой глине, например, имя в родительном падеже ΔΙΟΝΥΣΟΥ (Диониса). В последнем случае на щитке светильника имелись изображения ретиария с кинжалом и трезубцем и противостоящего ему секутора. Такие сцены встречаются чаще всего. Вероятно, схватки между этими типами гладиаторов были наиболее популярны у херсонесской публики. На одном из светильников над головой секутора сохранилось начало его имени ΣΚΥΛΑ... (Скилакс?). Рядом обозначено имя другого гладиатора, от него сохранились лишь обрывки невозстановимых букв. Вероятно, таким образом местный мастер увековечил самых известных на тот момент гладиаторов или пытался запечатлеть один из наиболее ярких поединков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно задаться вопросом, почему древнеримская цивилизация мирилась с существованием кровавых зрелищ и всеобщим пристрастием к ним? Такой крупный специалист в области античной истории, как французский ученый Жером Каркопино (1881—1970), написал однажды по этому поводу: «Из уважения к римскому народу мы хотели бы исключить эту страницу из его истории», а в отношении Колизея заметил, что «какое бы совершенство ни исходило от его эллипса, нас охватывает неодолимое чувство неловкости ввиду тех чудовищных побоищ, свидетелем которых он был»¹. Конечно, можно осуждать римлян за растянувшееся на несколько столетий влечение к гладиаторским играм, но не следует забывать о разнице в менталитете современного человека и людей далекого прошлого, для которых смертельные схватки были совершенно нормальным явлением. Чтобы лучше понять римский народ — не более жестокий, чем другие, — необходимо отрешиться от современной морали и рассматривать созданные им традиции в определенном историческом и социальном контек-

¹ *Каркопино Ж.* Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. С. 20.

сте. Сравним высказывания двух просвещенных римских авторов, которых невозможно обвинить в циничном отношении к человеческой жизни, — это Цицерон и Плиний Младший. Первый из них утверждал, что «никакой урок преодоления боли и смерти не может действовать более эффективно, если он обращен не через уши, но через глаза», а второй, говоря о зрелище гладиаторских боев, отмечал, что оно «способно воспламенить мужественные души видом ран и презрением к смерти, заставляя возникать в душах рабов и преступников любви к славе и желания победы». Конечно, римская публика не даровала милости слабому, но зато могла оценить храбрость и не позволяла предать смерти отважного бойца.

Что касается любви римлян к кровавым представлениям, то вспомним: ведь еще лет двести с небольшим назад публичные казни не только не вызывали никакого отторжения в просвещенной Европе, но и собирали толпы людей, выходцев из самых различных слоев общества. А так ли уж отличается от римского венацио испанская коррида, хотя, как писал французский антиковед Ж.-Н. Робер, она «является лишь бледным отблеском былого величия».² В наши дни людям порой не хватает адреналина в крови, отсюда популярность различных триллеров или фильмов-катастроф. Даже накал футбольных страстей не всегда дает желаемый результат. Так, по мнению журнала «Maxim», многие итальянцы устали от футбольных матчей и с удовольствием заменили бы их

² Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. С. 96.

гладиаторскими боями. При этом 15 % опрошенных считают, что гладиаторские бои являются приятным и вполне нормальным зрелищем, мало чем отличающимся от спортивной борьбы. Таким образом, жажда новых ощущений явно берёт верх над всеми прочими соображениями. А поскольку интерес к гладиаторским играм по-прежнему будоражит воображение, то в Италии нашлись энтузиасты открытия современных школ гладиаторов, но без пролития крови. С 1994 г. они появились в Комо-Бергамо и в Риме. Одна из таких школ, где полностью воспроизведены использовавшиеся в древности правила боя и экипировка, находится на Аппиевой дороге. Здесь можно увидеть образцы римской одежды, военные механизмы, познакомиться с организацией проведения гладиаторских боёв, с музыкальными инструментами, оружием, кулинарными рецептами, да всего и не перечислить. Большое впечатление производят сражающиеся на арене воины (рис. 45), окружённые кричащей толпой, но на самом деле это обычная тренировка современных гладиаторов. По правилам школы они носят латинские имена, что также помогает воссозданию обстановки давно минувших времён. В этом своеобразном живом музее поклонники Римской империи собираются по вечерам два раза в неделю. Их выборный глава именуется император Нерон, но имеются и другие персонажи: сенаторы, гладиаторы, танцовщицы, легионеры. Гладиаторские курсы, включающие лекции по технике вооруженного противоборства и практические занятия на арене, длятся два месяца. Выпускники получают диплом новичка-гладиатора. Желающим предлагаются дополнительные курсы по

Рис. 45. Современная реконструкция финала поединка гладиаторов

углублению полученных знаний и навыков, которые можно продемонстрировать в ходе представлений каждые вторник и пятницу или на интернациональных

турнирах гладиаторов чисто спортивного характера. С каждым годом становится все больше и больше желающих пережить те эмоции, которые испытывали на арене мирмиллоны или ретиарии. Для широкой публики это удачный повод не только познакомиться с таким явлением древнеримской цивилизации, как гладиаторские игры, но и попробовать блюда античной кухни, полюбоваться строем легионеров или понаблюдать за работой стилизованного рынка рабов.

Других «гладиаторов» в любую погоду можно видеть у древних стен Колизея, где они ведут борьбу за проходящих мимо туристов, предлагая сфотографироваться вместе. Миновав заслон этих «предпринимателей», можно войти под массивные своды галереи поражающего своими внушительными размерами амфитеатра. Сразу вспоминается созданная тысячу триста лет назад средневековым хронистом Бедой Достопочтенным поговорка:

Пока стоит Колизей, стоит Рим;
Когда падет Колизей, падет Рим;
А когда падет Рим, падет мир.

Столетиями именно Колизей служил зримым напоминанием об играх древности, в связи с чем изображение его внешней стены с рядами арок почти семьдесят лет, с 1928 по 2000 г., помещали на лицевой стороне олимпийских медалей. Правда, после дискуссии по поводу того, что он не имеет ничего общего с идеалами мира и дружбы между народами, этот символ заменили летящей над стадионом фигурой богини победы.

Поднявшись на лифте до середины главного амфитеатра ушедшей в прошлое империи посетители, число которых достигает трех миллионов в год, любуются оттуда прекрасными видами на арену и центр города. И каждый заново решает для себя окрашенный нашим неприятием насилия и жестокости вопрос о том, чем римское общество отличалось от современного, окружающего нас мира.

Summary

ARENA AND BLOOD: The Roman gladiators between a life and death

by Vladimir A. Goroncharovskiy

A study of gladiatorial games is very important to understand a phenomenon of the ancient Roman civilization proper. Specific local conditions caused a serious transformation of the funeral combat tradition to the powerful instrument of influencing the people. Details of this process one can reconstruct through written sources, both narrative and epigraphic, as well as archaeological materials (Chapter 1: «At the beginning of gladiatorial games», and Chapter 2: «Pleasure by valour and death: the evolution of gladiatorial games into professionally organized shows»). Chapter 3 («On a way to arena») is devoted to a problem of the training for gladiators' craft, which was at its initial stage like the preparations of soldiers in the Roman army. Chapter 4 («Types of gladiators and their arms») analyzes the definition for basic differences of each gladiator's type (*raetarius*, *secutor*, *hoplomach*, *thraecs*, *mirmillon*, *provocator*, *equitus*, etc.). Besides there is a study of archaeological finds of gladiatorial offensive and defensive weapons and their specifics. Chapter 5 («Gladiators on "land" and "sea": Roman

amphitheaters and naumachias») examines the development of specific forms of amphitheaters as architectural buildings intended for blood shows, particularly the Colosseum as the most outstanding construction of such a type. Chapter 6 («Heroes of arena in the service of Roman politicians») deals with various examples of the short- and long-term use of gladiators in the inner political struggle and for the war actions as well.

In Chapter 7 («Spartacian war and other revolts of gladiators») the author attempts to consider all the available data concerning the Spartacian revolt 73—71 B.C. from the point of view of both the political situation and art of warfare within that time. In particular, he analyzes the tactics employed by Spartacus, viz. fighting in cross-country terrains with the destruction of his enemies one by one, and using different military stratagems. Unlike Spartacus' movement, which had turned into the real war involving, for more than two years, all the anti-Roman forces in Italy, two subsequent gladiatorial revolts (in 21 A.D. in Gaul and in 64 A.D. in Preneste near Rome) were much more modest in their character and significance. Chapter 8 («Gladiatorial games on the Northern Black Sea Coast») pays most attention to the tomb paintings of the 3rd quarter of the 1st century A.D., which were discovered at Panticapaeum (modern Kerch in the Eastern Crimea) in 1841. These works of Bosporan art demonstrate an animal persecution by pedestrian and mounted *venators* and gladiatorial combats. As a whole, the gladiatorial performances in the Bosporan kingdom, like in many other Greek centers of the Roman Empire, were not widespread.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Письменные источники

Ael. Lampr. Comm. — *Элий Лампридий*. Коммод Антонин / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Ael. Lampr. Geliogab. — *Элий Лампридий*. Антонин Гелиогабал / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Ael. Spart. Ant. Car. — *Элий Спартиан*. Антонин Каракалл / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Ael. Spart. Did. Iul. — *Элий Спартиан*. Дидий Юлиан / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Ael. Spart. Hadr. — *Элий Спартиан*. Жизнеописание Адриана / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Amm. Marc. — *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 1994.

App. Bell. Civ. — *Аппиан*. Гражданские войны / Пер. С. А. Жебелева. СПб., 1994.

App. Iber. — *Аппиан*. Иберские войны / Пер. С. П. Кондратьева // Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002.

Athen. — *Афиней*. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевича; Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 2003.

Aug. Conf. — *Аврелий Августин*. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеенко. М., 2007.

Caes. De bello Gall. — *Гай Юлий Цезарь*. О галльской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.

Caes. De bello civ. — *Гай Юлий Цезарь*. О гражданской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.

Cic. Epist. — *Марк Туллий Цицерон*. Письма / Пер. В. О. Горенштейна // Т. I—III. М.; Л., 1949—1951.

Cic. pro Sest. — *Марк Туллий Цицерон*. Речь в защиту Публия Сестия / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962.

Cic. pro Sull. — *Марк Туллий Цицерон*. Речь в защиту Публия Корнелия Суллы / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962.

Cicer. Tusc. — *Марк Туллий Цицерон*. Тускуланские беседы / Пер. М. Л. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975.

Dio Cass. — *Дион Кассий*. Римская история = Dio's Roman History / With an English Translation by E. Cary, on the Basis of the Version of H. V. Foster. Vol. 1—9. London; N. Y., 1914—1927.

Fl. Vor. Prob — *Флавий Вониск Сиракузянин*. Проб / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Flor — *Луций Анней Флор*. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.

Front. Strat. — *Фронтин*. Военные хитрости / Пер. А. Равновича. СПб., 1996.

Jos. Fl. Bell. Jud. — *Иосиф Флавий*. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1993.

Her. Hist. — *Геродиан*. История императорской власти после Марка / Пер. Н.В. Шебалина и др.; Под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995.

Iul. Capit. Gord. — *Юлий Капитолин*. Трое Гордианов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Iul. Capit. M. Anton. — *Юлий Капитолин*. Трое Гордианов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Iul. Capit. Max. et Valb. — *Юлий Капитолин*. Максим и Бальбин / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Iul. Capit. Ver. — *Юлий Капитолин*. Вер / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Iuv. — *Ювенал*. Сатиры / Пер. Д. С. Недовича. СПб., 1989.

Liv. — *Тит Ливий*. История Рима от основания города / Пер. Г. С. Кнабе и др.; Под ред. М. Л. Гаспарова. Т. I—III. М., 1989—1993.

Liv. Epit. — *Тит Ливий*. Периохи книг 1—142 / Пер. М. Л. Гаспарова // Тит Ливий. История Рима от основания города Т. III. М., 1993.

Luc. Tox. — *Лукиан*. Токсарид или Дружба / Пер. Д. Н. Сергеевского; Под ред. А. И. Зайцева // Лукиан. Сочинения. Т. I. СПб., 2001.

Mart. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского; Под ред. М. Л. Гаспарова. СПб., 1994.

Mart. Spect. — *Марк Валерий Марциал*. Книга зрелищ / Пер. Ф. А. Петровского; Под ред. М. Л. Гаспарова // Марциал. Эпиграммы. СПб., 1994.

Nic. Dam. Vita Aug. — *Николай Дамасский*. О жизни цезаря Августа и его воспитании / Пер. Е. Б. Веселаго // Вестник древней истории. 1960. № 4.

Oros. — *Павел Орозий*. История против язычников. Кн. VI—VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2004.

Ovid. Ars amandi — *Овидий*. Искусство любви / Пер. М. Гаспарова // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.

Petr. — *Петроний*. Сатирикон: Пер. / Под ред. Б. И. Ярхо. М., 1990.

Plin. Nat. Hist. — *Плиний Старший*. Естественная история / Пер. Г. А. Тароняна // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.

Plin. Sec. Epist. — *Плиний Младший*. Письма / Пер. М. Е. Сергеенко и А. И. Доватура // Письма Плиния Младшего. М., 1983.

Plut. Caes. — *Плутарх*. Цезарь / Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М., 1963.

Plut. Cat. — *Плутарх*. Катон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. III. М., 1963.

Plut. Crass. — *Плутарх*. Красс / Пер. В. В. Петуховой // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М., 1963.

Plut. Oton. — *Плутарх*. Отон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. III. М., 1963.

Polyaen — *Полиен*. Стратегемы / Пер. О. Ю. Владимирской, А. Б. Егорова и др.; Под ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.

Polyb. — *Полибий*. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I—III. СПб., 1994—1995.

Sallust. De Catil. — *Саллюстий*. О заговоре Катилины / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Sallust. Hist. — *Саллюстий*. История / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Sen. Epist. — *Луций Анней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. М., 1977.

Strab. — *Страбон*. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.

Suet. Aug. — *Гай Светоний Транквилл*. Август / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Domit. — *Гай Светоний Транквилл. Домициан / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Caes. — *Гай Светоний Транквилл. Цезарь / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Calig. — *Гай Светоний Транквилл. Калигула / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Claud. — *Гай Светоний Транквилл. Божественный Клавдий / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Ner. — *Гай Светоний Транквилл. Нерон / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Tib. — *Гай Светоний Транквилл. Тиберий / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Tit. — *Гай Светоний Транквилл. Тит / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Suet. Vit. — *Гай Светоний Транквилл. Вителлий / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.*

Tac. Agr. — *Корнелий Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. М. Е. Сергеенко // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Л., 1969.*

Tac. Ann. — *Корнелий Тацит. Анналы / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. Я. М. Боровского // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Л., 1969.*

Tac. Hist. — *Корнелий Тацит. История / Пер. Г. С. Кнабе; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. II. Л., 1969.*

Tertul. Ad Martyr. — *Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. К мученикам / Пер. Э. Юнца // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.*

Tertul. De spect. — *Квинт Септимий Флорент Тертуллиан*. О зрелищах / Пер. Э. Юнца // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.

Treb. Poll. Gall. — *Требеллий Поллион*. Двое Галлиенов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Val. Max. — *Валерий Максим*. Достопамятные деяния и изречения / Пер. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007.

Veget. — *Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полоркеттики. Флавий Вегеций Ренат. СПб., 1996.

Vell. Pat. — *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.

Vitr. — *Витрувий*. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. М., 2005.

2. *Использованная и рекомендуемая литература*

Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

Архитектура античного мира / Сост. В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. М., 1940.

Берд М., Хопкинс К. Колизей. М.; СПб., 2007.

Брабич В., Плетнева Г. Зрелища Древнего мира. Л., 1971.

Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.

Горсков В. Военное искусство Спартака // Военно-исторический журнал. 1972. № 3.

Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. Севастополь. 1960. Вып. 1.

Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М., 2008.

Карышковский П. О. Восстание Спартака. М., 1958.

Коарелли Ф., де Альбендис Э., Гвидобальди М. П. и др. Помпеи. М., 2002.

Кован Р. Римские легионеры 58 г. до н. э.—69 г. н. э. М., 2005.

Коптев А. В. 2001. Несколько замечаний о восстании Спартака (опублик. на сайте www.ancientrome.ru/publik).

Коржева К. П. Восстание Спартака в советской историографии // Вопросы истории. 1974. № 1.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001.

Лесков В. А. Спартак. М., 1983.

Манникс Д. Идущие на смерть. М., 1994.

Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936.

Мишулин А. В. Спартак. М., 1947.

Молев Е. А. Властитель Понта. Н. Новгород. 1995.

Мотус А. А. 1948. Из истории восстания Спартака // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Т. 68.

Мотус А. А. 2001. Один эпизод из Спартаковской войны: последний поход Спартака // *Parabellum*. № 15.

Мэттьюз Р. Гладиаторы. М., 2006.

Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005.

Оленин А. Н. Опыт о костюме и оружии гладиаторов в сравнении греческого и римского ратника // Оленин А. Н. Археологические труды. Т. 2. СПб. 1882.

Паолуччи Ф. Гладиаторы: обреченные на смерть. М., 2007.

Рим: эхо имперской славы. М., 1997.

Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М., 2006.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914.

Сергеенко М. Е. Помпеи. М.; Л., 1949.

Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М., 1964.

Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб., 2000.

Сидорова Н. А., Чубова А. П. Искусство Римской Африки. М., 1979.

Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1966.

Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса // Вестник древней истории. 1960. № 2.

Тарновский В. Гладиаторы. М., 1998.

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992.

Хлевов А. А. Морские войны Рима. СПб., 2005.

Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979.

Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // *Eirene*. Vol. V. Praha, 1966.

Этруски: италийское жизнелюбие. М., 1998.

Abbondanza L. The Valley of the Colosseum. Rome, 1997.

Anderson J. K. Hunting in Ancient World. L., 1985.

Auget R. Cruelty and Civilisation. The Roman Games. L., 1972.

Bateman N. Gladiators of the Guildhall: the Story of London's Roman Amphitheatre and Medieval Guildhall. L., 2003.

Bomgardner D. L. The Story of the Roman Amphitheatre. Outledge. 2002.

Coleman K. Launching into History: Aquatic Displays in the Early Empire // *Journal of Roman Studies*. 1993. N 83.

Connolly P. Colosseum, Rome's Arena of Death. L., 2003.

Cozzo G. The Colosseum, the Flavian Amphitheatre. Rome, 1971.

Daszewski W. A. Les gladiateurs à Chypre // *Studia archaeologica. Prace dedykowane profesorowi Janusz A. Ostrowskiemu w szóstym dziesięciolecie urodzin*. Krakow, 2001.

- Grant M.* Gladiators. New York, 1995.
- Gunderson E.* The ideology of the Arena // Classical Antiquity. 1996. N 15.
- Jacobelli L.* Gladiators at Pompeii. Rome, 2003.
- Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. Mainz am Rhein, 2000.
- Junkelmann M.* Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre // Gladiators and Caesars. L., 2000.
- Köhne E.* Bread and Circusses: The Politics of Entertainment // Gladiators and Caesars. L., 2000.
- Kyle D. G.* Spectacles of Death in Ancient Rome. L.; N. Y., 1998.
- Plass P.* The Game of Death in Ancient Rome: Arena Sport and Political Suicide. Wisconsin, 1995.
- Robert L.* Les gladiateurs dans l'Orient grecque. P., 1940.
- Shadrake S.* The World of Gladiator. Stroud, 2005.
- Ville G.* La gladiature en occident des origins à la mort de Domitien. Rom, 1981.
- Welch K.* The Roman Amphitheatre from its Origins to the Colosseum. Cambridge, 2005.
- Wiedeman T.* Emperors and Gladiators. L.; N. Y., 1992.
- Winkler M. M.* Gladiator: Film and History. Oxford, 2004.
- Wisdom S.* Gladiators — 100 BC-AD 200. Oxford, 2001.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Владимир Анатольевич Горончаровский родился в 1954 г. в г. Ленинграде, в 1976 г. закончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 2005 г. — докторскую диссертацию на тему «Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э.—середине III в. н. э.». Руководил раскопками таких античных городов Северного Причерноморья, как Илурат и Лабрис (Семибратнее городище), а также первой российской археологической экспедицией на территории Республики Кипр, опубликовал четыре монографии и более чем 130 научных и научно-популярных статей по античной истории и археологии. В настоящее время является ведущим научным сотрудником Института истории материальной культуры Российской Академии наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. У истоков гладиаторских игр	11
Глава 2. Наслаждение доблестью и смертью: эволюция гладиаторских игр как профессионально организованных зрелищ	24
Глава 3. На пути к арене: обучение ремеслу гладиатора	56
Глава 4. Типы гладиаторов и их вооружение	81
Глава 5. Гладиаторы на «суше» и на «море»: римские амфитеатры и навмахии	114
Глава 6. Герои арены на службе у римских политиков	157
Глава 7. Спартаковская война и другие восстания гладиаторов	167
Глава 8. Гладиаторские игры на берегах Северного Причерноморья	216
Заключение	237
Summary	243
Библиография	245
Об авторе этой книги	254

Серия
«Militaria Antiqua»

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

АРЕНА И КРОВЬ:

Римские гладиаторы между жизнью и смертью

научно-популярное издание

ISBN 5-85803- 393-6

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Издательство «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, г. Санкт-Петербург, а/я 111

✓ web-site: <http://pvost.org>

✓ e-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 01.09.2009. Формат 70×100 ¹/₃₂

Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 2000 экз. Объем 8 усл.-печ. л.

Заказ № 3960

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

АРЕНА И КРОВЬ

РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Книга представляет собой всестороннее исследование такого явления древнеримской цивилизации, как гладиаторские игры. На основе широкого круга письменных, эпиграфических и археологических источников автор рассматривает вопросы происхождения гладиаторских игр и связанных с ними сооружений, их профессиональной организации, подготовки и вооружения гладиаторов, а также участие гладиаторов в военно-политических событиях I в. до н. э.—IV в. н. э., в частности восстание Спартака. Впервые в отечественной историографии детально рассматриваются и анализируются изобразительные материалы, касающиеся проведения гладиаторских игр на территории Боспорского царства, и их специфика в сравнении с традиционными формами такого рода зрелищ в Римской империи. Это издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся военным делом и военно-политической историей античного мира.

ISBN 978-5-85803-393-6

МИЛЛЕНАРИА АМТГОУА